

ФИЛОСОФИЯ

УДК 115:130.2

СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ

Е.Н. Богатырева

Саратовский государственный университет
E-mail: ebogatyreva@yandex.ru

Содержание статьи представляет собой ответ на вопрос, какие перемены с неизбежностью влечет за собой новое представление о времени и что они значат для человека? В привычной модели пространственно-временной континуальности проявляются новые познавательные задачи и цели. Одной из таких задач является философский анализ субъективного времени культуры, времени культуры человека.

Ключевые слова: время культуры, космическое время, биологическое время, социальное время, субъективное время.

Subjective Time of Culture

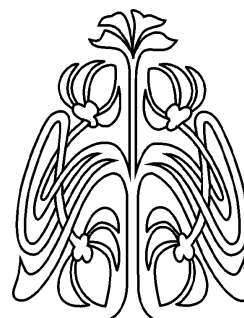
E.N. Bogatyreva

Article is devoted the answer to a question, what changes with inevitability are involved by new representation about time and that they mean for the person. In habitual model existential new informative problems and the purposes are shown. One of such problems is the philosophical analysis of subject time of culture, time of culture of the person.

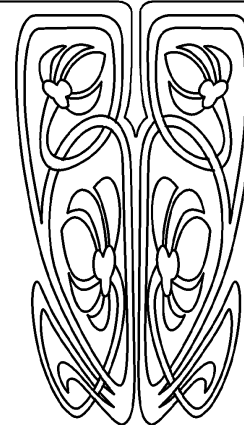
Key words: culture time, cosmological time, biological time, social time, personal time.

Особенности восприятия времени, проявляющиеся в современных социокультурных реалиях, ставят перед исследователем задачу осмыслить ситуацию, которую в гуманитарном дискурсе единодушно характеризуют как распад связи времен, разрыв непосредственной преемственности между прошлым, настоящим и будущим. Такая ситуация в истории человечества не нова. На переломе веков она повторяется, и поэтому строки из «Гамлета» У. Шекспира созвучны и нашей эпохе: «Распалась связь времен. Зачем же я связать ее рожден!». В начале XX в. К. Ясперс писал: «Распространилось сознание того, что все стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения, ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и заменяется только самим собой. Тот, кто так думает, ощущает и самого себя как ничто. Его сознание конца есть одновременно сознание ничтожности его собственной сущности. Отделившееся сознание времени перевернулось»¹.

В конце XX в. Х. Аренд, исследуя ситуации кризисного переживания и восприятия времени, объясняла их происхождение социокультурной дезориентацией во времени, которую она назвала «временными разломами культуры». Она же – автор концепта «щель между прошлым и будущим», который, по ее мнению, обозначает тот своеобразный бытийный локус, где мы «осознаем интервал во времени, полностью определенный тем, чего уже нет, и тем, чего еще нет»².

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Каждое поколение периодически вынуждено осмысливать собственную дезориентацию во времени и, как следствие, решать проблему «время культуры и человек во времени». В такие периоды внимание мыслителей сосредоточивается на ситуации перехода от одного способа восприятия времени к другому, а значит – иного мировидения и миропонимания. Новая когнитивная ситуация инициирует очередное «переоткрытие времени»³. Поэтому насущно и очевидно то, что для исследователей, занимающихся проблемами темпоральности, важно найти ответ на вопрос: какие перемены с неизбежностью влечет за собой новое представление о времени и что они значат для человека? В привычной модели пространственно-временной континуальности проявляются новые познавательные задачи и цели. Одной из них является философский анализ субъективного времени культуры, времени культуры человека. Почему эта задача является главной? Ответ на этот вопрос можно найти у К. Ясперса: «Я – то, что есть время. А то, что есть время, выступает как определенное место в развитии. Если я его знаю, то знаю требование времени. Для того чтобы достигнуть понимания подлинного бытия, я должен знать целое, в соответствии с которым я определяю, где мы находимся сегодня. Задачи современности следует высказывать как совершенно специфическое, высказывать с пафосом абсолютной значимости для настоящего»⁴.

В истории науки концептуализация времени опирается на категории и термины философии. Методологически устойчивым и предельно разработанным являлся философский анализ объективного времени как атрибутивного свойства материи. Традиционно время определялось как последовательность и смена состояний объекта. Квантование пространства-времени «стало рутинной процедурой, сделавшей “атомы времени” очевидностью, а прерывность времени – важным физическим постулатом»⁵. Я.Ф. Аскин одним из первых в отечественной науке отделил проблему времени от проблемы пространства, подчеркнув неправомочность лишь одного, физического аспекта трактовки

времени. Гносеологический вектор был направлен на преодоление растворения философского анализа времени в сугубо физической терминологии и интерпретации⁶.

В конце XX в. анализ времени в социокультурном контексте стал предметом исследования культурологов. Хронологическая констатация начала исследовательского культурологического проекта изучения времени, разумеется, условна, так как ретроспективный взгляд в прошлое проблемы позволяет уточнить, что культурологический подход так же, как естественно-научный и философский, имеет не менее глубокие и древние корни.

Признание того, что в культуре – реальности, создаваемой человеком, имманентно присутствует отпечаток человеческой субъективности, очевидно и общезначимо для всех поколений мыслителей. Утверждение, что субъективность не только привносит специфические черты в бытийность культуры, но и может осмысливаться как сущностная основа самого пространственно-временного континуума культуры, также никем не оспаривалось. Поэтому всякий раз, говоря о времени культуры, мы можем рассматривать онтологическую сущность того единственного мира, который человек создает для себя в процессе социализации. В этом контексте, онтологическая сущность человека эксплицируется как субстанциальная основа пространственно-временного континуума культуры.

Рассуждая о человеческой реальности, которую мы называем культурой, мы неизменно приходим к мысли о субъекте как об организующем начале развертывания культурного времени и времени вообще как темпоральности. Используя терминологию Р. Ингардена, можно сказать, что человек – «это тип темпорально определенного бытия, длящегося во времени»⁷. Таким образом, нам представляется небезосновательным расширить тематику рассуждений о времени культуры до рассмотрения онтологической сущности субъективного времени культуры.

В тексте данной статьи понимание субъективного времени культуры будет отличаться от объективного времени (времени – длительности внутреннего сознания) Э. Гус-

серля, Э. Левинаса, А. Бергсона. Мы попытаемся дистанцироваться от экзистенциального проекта понимания времени и сосредоточиться на культурологическом анализе как методологической доминанте, не исключая инструментария междисциплинарности.

Субъективное время культуры, как нам представляется, структурировано, оно состоит из трех неравнозначных модусов, обладающих специфическими характеристиками. Модусы субъективного времени культуры в совокупности триединства можно обозначить как *космическое*, *биологическое* и *собственно субъективное*, или *персоналистическое*. Важно уточнить, что, выделяя эти модусы, мы говорим о времени человека в широком и узком его понимании. В широком смысле субъективное (индивидуальное) время – время человечества, в узком смысле – время персоналистическое, конкретной личности, индивида, персоналии в истории культуры. Все модусы составляют единую ткань времени культуры, имеют свои характеристики и зоны пересечения.

Анализируя проблему времени, Дж. Уитроу высказал мысль, которая позволяет приблизиться к дефиниции космического (вселенского, или физического) времени: «Естественное начало течения времени часто смешивают с эпохой сотворения вселенной. Такая эпоха, конечно, была бы началом физического времени, но нет необходимости вводить это философски трудное понятие. Идея начала течения времени проще всего может возникнуть и, действительно, возникает в физике как предел, накладываемый на нашу экстраполяцию в прошлое законов природы. Строго говоря, вопрос о том, считать или не считать этот предел эпохой сотворения мира, представляет метафизический вопрос, лежащий вне самой науки»⁸. Заметим, что современная наука на этот метафизический вопрос не сформулировала концептуально разработанного, принятого, если не всеми, то хотя бы большинством научного сообщества, ответа. В исторической ретроспективе вопрос о природе космического времени возникает в эпоху эллинизма, тогда же зарождается идея дуалистической взаимообусловленности двух времен бытийности человека – природ-

ного, космического, и далее, согласно рационально-эмпирическому знанию, – физического времени (*chronos*) и «субъективного, персонально-социального значения» (*tempus*)⁹.

Античная философия мыслила природу космоса как вечные «упорядоченность, соразмерность, формы, положения, расстояния, силы, взаимные скорости и замедления вещей по отношению друг к другу, периоды чисел и времен»¹⁰. В «Тимее» Платон утвердительно говорит о космической сущности человека, его души и тела. Связь космоса и человека органична на фоне времени и во времени: «Для начала должно разграничить вот какие две вещи: что есть *вечное*, не имеющее возникновения бытие и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и объяснения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле»¹¹. В «Тимее» природа времени имеет то же происхождение, что и природа космоса: «Итак, время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени служит вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно. Ибо первообраз есть то, что пребывает целую вечность, между тем как [отображение] возникло, есть и будет в продолжении целокупного времени. Такими были замысел и намерение бога относительно рождения времени; и вот, чтобы время родилось из разума и мысли бога, возникли Солнце, Луна и пять других светил, именуемых планетами, дабы определять и блюсти числа времени»¹².

Космическое время осмысливалось в мировоззренческих структурах и отражалось в культурных практиках повседневности. Психологическое осознание человеком определенной последовательности событий, временного ряда, природных ритмов инициировало создание первичных календарных циклов. Карта созвездий была не только картой пути, но и хронометром, указывающим переходы от одного состояния природного мира к другому. Астрономические календарные сис-

темы – важнейший источник, позволяющий с большой степенью уверенности судить об объективированных представлениях, временных характеристиках бытия в той или иной культуре древности.

Реконструкция культурной картины мира дописьменных обществ предельно сложна из-за отсутствия источников, по этой причине календарное время как мировоззренческая универсалия, несомненно, является одним из важнейших инструментов такой реконструкции. История календарных систем предоставляет убедительные свидетельства, что счёт времени по небесным светилам и прежде всего – по Луне и Солнцу существовал с эпохи палеолита и, более того, является обязательным этапом развития хронологических и метрических начал в любой культуре земного шара. В настоящее время не известно ни одной цивилизации, которая не использовала бы календарь, базирующейся на астрономических циклах.

Развитие научного знания предоставило человечеству возможность «примирить время космическое и проживаемое»¹³. Два типа времени, проживаемых человеком, уточняет П. Рикёр, различны: «...несопоставимость человеческого и космического времени выражается не только на языке цифр. Главное различие носит качественный характер <...> Разница между временем космическим и проживаемым – это разница между временем количественным и качественным, временем, в котором нет настоящего, и временем, в котором оно есть»¹⁴. Несоразмерность двух времен П. Рикёр сформулировал как пример парадокса: «Именно внутри самого незначительного (в количественном выражении) из временных промежутков – в промежутке сознания, протянувшегося от рождения до смерти, в центре длящегося настоящего – и возникает вопрос о значении времени»¹⁵.

Циклическая траектория космического времени стала источником мифологии, календарной системы, мистического знания, астрономии и астрологии, метрических систем. Философские концепты «объективного времени» или «внешнего времени» имеют то же гносеологическое происхождение, они есть производные космического, иначе – фи-

зического времени. Метрические параметры физического времени имеют функциональную нагрузку. Физиология и социализация человека осуществляются во временных ритмах, имеют временные константы. Модус космического времени синхронен биологическому времени, эта синхронность конечна, ограничена временем человеческой жизни или, точнее, его смерти.

Человек – природное существо, он обладает таким же биологическим временем, как и все живые системы. Под биологическим временем мы понимаем природное родовое время человека как биологического существа. Признавая различие между физиологическим и психологическим временем человека, позволим себе объединить их с биологическим, основываясь на утверждении, что биологические ритмы жизнедеятельности детерминированы природной организацией человеческого организма-системы. Принято считать, что понятие биологического времени – «собственного времени организма» было введено в научный оборот В.И. Вернадским¹⁶. Исследование биологического времени ведется специалистами на фоне философской дискуссии о его онтологическом статусе: является ли оно специфической нефизической формой времени или только естественно-научной категорией, отличной от физической? Взаимное пересечение космического и биологического времен человека, с точки зрения естественно-научного знания, обусловлено экзогенной динамикой человеческого организма, т.е. адекватным откликом человеческого организма на внешние космические ритмы. Их влияние, например, солнечной активности, полнолуния, испытывал, наверное, каждый человек. Есть аргументированная теория, согласно которой существуют эндогенные нейронные часы в человеческом организме, т.е. врожденная, единая для всех людей и животных с одним типом нервной системы форма познания времени. Следует заметить, что содержание этой теории созвучно идее времени Плотина, И. Канта, неокантианцев (априорная данность времени)¹⁷. Теория «эндогенных нейронных часов» подробно изложена в объемном труде К. Ясперса, где он утверждает, что именно

внутреннее чувство времени позволяет человеку определять любой временной промежуток в фундаментальной непрерывности проживаемого времени¹⁸.

Если космическое время вечно, всеохватывающе, бесконечно, то биологическое ограничено, конечно, его векторное движение направлено на убывание. Конечность бытия, временность существования питали гносеологически и эстетически как философию жизни, так и философию смерти, космогоническую составляющую в мировых религиях и в религиозном знании вообще.

Биологическое время человека абсолютно отличается от его социального времени. Последнее множественно, имеет другие ритмы и иную длительность. Оно не есть время собственно субъекта. Социальное время есть ритм (темп) и условие социально-коммуникационных практик человека. В том случае, когда субъективное время ритмично в унисон социальному, о человеке говорят «герой нашего времени», «время героя», «наполеоновская эпоха», «хрущевская оттепель» и т.д. В ситуации, когда ритм социума не совпадает с ритмом субъекта, о нем говорят «человек из другой эпохи», «родился не в свое время», «опередил свое время». Классические примеры – принц Гамлет и идадьго Дон Кихот – «новый человек в старом мире и старый человек в новом мире». Социальное время имманентно синхронизировано с субъективным временем культуры. Субъективное время, время человека появляется и исчезает на фоне и в рамках социального времени, оно синхронизируется с ним, и эта синхронность как качество бытия бывает принудительной до драматизма или естественной и обыденной.

Восприятие и понимание времени является всеобщим человеческим опытом. Но как не похожи люди своим чувством времени, способностью оценивать длительность событий, угадывать время без часов, планировать с точностью до минуты длительность процесса! Одни – точны и пунктуальны, другие этой коммуникативной вежливостью пренебрегают. Психологи исследуют подобные особенности внутреннего времени индивидов теоретически и практически, называя их

психологией времени, хотя дело не только в психологии, но и в культуре человека, его нравственной развитости и ответственности. В культурфилософской аналитике социальное время выступает как контекст субъективного времени культуры (личностного, индивидуального). Субъективное время человека, ограниченное биологической сущностью, всегда принадлежит конкретному социокультурному времени, в котором типичные символы, ценности, правила, нормы имеют всеобщее значение. Они фиксированы в кодексах, текстах, коллективном сознании, психологии поведения. Эта принадлежность как «тотальность настоящего» (Э. Левинас) фиксирована рамками того или иного коллективного социального проекта. Вместе с тем духовность человека, эстетическое самосознание, мироощущение, ценностный мир неповторимо индивидуальны, единичны и избирательны, они есть горизонталь и вертикаль субъективного мира человека, его темпоральной экзистенциальной сущности.

П. Штомпка указывает на дискретность социального времени в профессиональных, гендерных, возрастных, социальных группах. Причиной дискретности социального времени являются различные временные перспективы или временные ориентации¹⁹. По аналогии, опираясь на обозначенные П. Штомпкой критерии, позволим себе проиллюстрировать дискретность субъективного времени культуры, добавив некоторые параметры. Временные ориентации и временные перспективы у каждого человека индивидуальны, они более всего проявляются в стиле, эстетическом вкусе, интеллектуальном багаже, т.е. в единичной культуре личности. Представим временные ориентации как совокупность некоторых аспектов субъективной сущности человека: 1) уровень осознания времени своего со-бытия (в историко-культурном и социокультурном контекстах); 2) глубина осознания времени; 3) форма или вид времени, осознаваемые человеком (циклическое дохристианское, линейное христианское); 4) инерционность или противостояние времени; 5) ориентации на прошлое или будущее (традиционализм или стремление к новизне); 6) интерпретация будущего (вера в будущее

или разочарование); 7) ценностные предпочтения; 8) смерть и бессмертие (забвение или признание в памяти потомков). Временные ориентации и целеполагание сопряжены с собственным микромиром культуры, в котором человек осознает свою самость, свое Я. В нём, в единстве, согласии и противоречии пребывают индивидуальное прошлое, настоящее, проекты будущего.

Исходя из вышеизложенного, сделаем выводы. Субъективное время культуры отличается от объективного, внешнего социокультурного времени. Оно представляет единство различных временных модусов: космического, биологического, индивидуального (персоналистического). Модусы субъективного времени культуры взаимообусловлены, имеют зоны пересечения, синхронны или асинхронны в своей процессуальной динамике. Анализ содержания временных ориентаций и временных перспектив позволяет уточнить, что субъективное время культуры дискретно. Социальное время есть контекст, система социокультурных координат бытийности и осуществления субъективного времени культуры. Историческая линейность времени культуры фиксируется (персонализируется) значимым для потомков опытом (качеством) субъективного культурного времени.

Примечания

- ¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М., 1991. С.286.
- ² Arendt H. La Crise de culture / H. Arendt. Paris, 1972. P. 13, 14, 19.

- ³ Пригожин И.Р. Переоткрытие времени / И.Р. Пригожин // Вопр. философ. 1989. №8. С.3–19.
- ⁴ Ясперс К. Указ. соч. С.303.
- ⁵ Хапаева Д. Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий / Д. Хапаева. М., 2005. С.209.
- ⁶ См.: Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование / Я.Ф. Аскин. М., 1996.
- ⁷ Ингарден Р. Спор о существовании мира. Время как способ существования / Р. Ингарден // Вопр. философ. 2006. №12. С.147–163.
- ⁸ Уитроу Дж. Естественная философия времени / Дж. Уитроу. М., 2003. С.34.
- ⁹ Хлынина Т.П. Время истории: исчезающая категория или новая стратегия освоения прошлого? / Т.П. Хлынина // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. №1. С.38.
- ¹⁰ Лосев А.Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм / А.Ф. Лосев. М., 1980. С.38.
- ¹¹ Платон. Тимей / Платон // Соч.: в 3 т. М., 1971. Т.3. 27d–28a.
- ¹² Там же. 38b–c.
- ¹³ Рикёр П. В согласии со временем / П. Рикёр // Курьер ЮНЕСКО. 1991. №6. С.12.
- ¹⁴ Там же. С.11.
- ¹⁵ Там же. С.12.
- ¹⁶ Моисеева Н.И. Свойства биологического времени / Н.И. Моисеева // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем. Л., 1980. С.124–128.
- ¹⁷ См.: Молчанов Ю.Б. Комплексный характер проблемы времени / Ю.Б. Молчанов // Фактор времени в функциональной организации деятельности живых систем. Л., 1980. С.5–9.
- ¹⁸ См.: Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс. М., 1997.
- ¹⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. М., 1996. С.75.

УДК 101.1:316

КУЛЬТУРА ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЭККУРС В ПРОШЛОЕ (социально-философские аспекты)

С.А. Вершилов

Балашовский институт (филиал)
Саратовского государственного университета
E-mail: vershil@mail.ru

Проблема выявления противоречивого свойства практики культуры военной безопасности государств достаточно актуальна: необходимо объяснить факты исчезновения некоторых народов и цивилизаций, причины национальных трагедий и катастроф, причины возникновения войн и иных катаклизмов.

Ключевые слова: культура военной безопасности, война, безопасность, катастрофы, трагедии.

The Culture of Military Safety: Returning to the Past (Social and Philosophical Aspects)

S.A. Vershilov

This article highlights that problem revealing inconsistent property of practice of culture of military safety of the states attracts attention of scientists for a long time. In fact explanation of the numerous facts of

disappearance of some people and civilizations, the reason of national tragedies and accidents, waging wars and other cataclysms had to be done.

Key words: culture of military safety, war, safety, accidents, tragedies.

Большинство успехов и свершений, а также неудач и потерь человечества в определённой степени выступают формой проявления необратимых, направленных и закономерных изменений культуры. Однако противоречивость социокультурной динамики неоднозначно осмыслялась на каждом этапе развития науки. В полной мере это касается и культуры военной безопасности¹.

Свою первоначальную оценку вооружённая борьба получила в предфилософских произведениях, ядро которых составляли развитые формы мифологии. Уже в гомеровском эпосе, поэзии орфиков, философии Гесиода и Демокрита достаточно чётко ставился вопрос об источниках и причинах военных столкновений, намечались первые варианты его решения. Так, согласно Гомеру, причины войны, ход её развития определяются богами-олимпийцами. Именно за ними остаётся последнее слово: быть между людьми грозной брани и печальной распри, или по-прежнему на земле будет царить «возлюбленный мир» («Илиада»). В «Одиссее» рассматриваются телеологические мотивы: боги устроили Троянскую войну для того, чтобы у будущих поколений людей была славная песнь о ней².

По убеждению орфического поэта Лина, «Через расприю управляется всё всегда ... Жизнь сопряжена с мучительными страданиями и сонмом смертельных напастей»³. Логично предположить, что в этом утверждении проявляется идеалистическая позиция, согласно которой всё устроено целесообразно и всякое развитие является осуществлением заранее предопределённых целей. Такой подход, с нашей точки зрения, несовместим с научным пониманием закономерности и причинной обусловленности социокультурных явлений, в нашем случае – культуры военной безопасности.

Краеугольным камнем философии Гесиода в исследовании социальной картины выступал следующий постулат: государства

погибают в том случае, когда не могут отличить плохих людей от хороших. Это подвигло древнегреческого мыслителя искать источник развития механизма обеспечения культуры военной безопасности в противоречиях нравственного бытия человека и общества. Как бы там ни было, но «теогония» Гесиода предстала одной из первых попыток теологического анализа основ безопасности, явным достоинством которого стало определение нравственных приоритетов в поведении человека. Такая же позиция во взглядах на устройство общества и обеспечение его защиты существует у Демокрита: «Человек добродетельной (благочестивой) мысли стремится к справедливым и законным действиям, во бдении и во сне весел, здрав и спокоен»⁴.

Вместе с тем присущие религиозно-философскому мировоззрению понимание справедливости и божественного происхождения власти значительно замедляли научное осмысление движущих сил развития культуры военной безопасности.

В развитие культуры военной безопасности весомый вклад внесли представители нарождающейся в XVI в. буржуазии и, в особенности, Н. Макиавелли. Методологически новым стало изучение им социальных законов, исходя из практики, а не на основе теологического воззрения. Итальянский учёный стремился понять историю общества через нормы закона, учреждения, права, свободы и обязанности⁵.

Заслугой Н. Макиавелли является разработка военно-политической стратегии и управленческих действий, обращённых в будущее и к конкретным носителям власти. Он выделил противоречия культуры военной безопасности, к которым относятся связь культуры и политики – первопричина национальных трагедий и катастроф, подрыв основ безопасности; отсутствие единой воли нации, с помощью которой можно не только обустроить государство, но и безопасно в нём существовать. Разрешение этого противоречия, считает учёный, возможно при появлении неординарного руководителя: «Подлинно счастливой можно назвать ту республику, где появляется человек столь мудрый, что

издаваемые им законы обладают такой упорядоченностью, что подчиняясь им, республика может, не испытывая необходимости в их изменении, жить спокойно и безопасно»⁶.

Оценивая наследие творчества Н. Макиавелли, Гегель утверждал, что его учение «останется в истории важным показателем, которое он засвидетельствовал перед своим временем, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением»⁷.

Одним из продолжателей идей Н. Макиавелли был английский философ Ф. Бэкон, взгляды которого формировались в эпоху научного и культурного подъёма Европы начала буржуазных революций. Вслед за Н. Макиавелли английский учёный непосредственно обратился к проблемам безопасности. Так, в 90-е гг. XVI в. он опубликовал «Трактат относительно разведки и личной безопасности королевы». Этот труд, как справедливо считает Е.Б. Черняк, «...рекомендовал Тайному совету всячески распространять за границей мнение, что её Величество имеет крупную секретную разведку»⁸. Во-первых, стремление создать гипертрофированное представление о возможностях британских служб говорит о характерной для всей эпохи Нового времени высокой оценке проблем безопасности. Во-вторых, как полагает А.Ю. Моздаков: «...уже здесь мы обнаруживаем отождествление безопасности индивида и общественного целого, которое позже получит обоснование в гегелевской «Философии права»⁹.

Как и итальянский учёный, Бэкон считал, что движущей силой развития военной безопасности выступают противоречивые элементы законотворческой деятельности и чрезмерная централизация государственной власти. В механизме их разрешения он особую роль отводил разработке принципов политики безопасности: ускользания от опасности и своевременного, адекватного реагирования на её возрастание¹⁰. Достаточно новаторским для того периода стал его подход к обоснованию роли материальных элементов культуры военной безопасности. Экономика, по мнению Бэкона, может быть как основой устойчивых гарантий существования нации, так и первопричиной кризиса обо-

роны страны¹¹. Всё зависит от её количественных и качественных факторов, способных обеспечить эффективное воздействие на прогресс общества.

Совершенно иные методологические посылки в изучении противоречий культуры военной безопасности выдвинул другой английский мыслитель – Т. Гоббс. Основная из них – научное представление об обществе. Исходя из традиционного для того времени отождествления общества и государства, последнее он трактовал не с теологических позиций, а как человеческое устройство, рациональное зерно которого – переход от состояния «человек человеку – волк» к принципам общественного договора. По его мнению, следование данным принципам и есть ориентир для конструктивного разрешения противоречий исследуемого социального явления. Правомерно утверждать, что движущей силой развития культуры военной безопасности Т. Гоббс считал противоречивое единство элементов, тенденций законотворческой и правоохранительной деятельности, просвещения народа в духе уважения законов¹². К сожалению, «политическая любовь» философа к утверждению принципа неделимости верховной власти и неограниченной монархии, права правительства на применение насилия во имя повиновения граждан не позволили ему увидеть в этих принципах серьёзных вызовов культуре военной безопасности.

Совсем не случайно, что данные теоретические просчёты оказались в фокусе научного интереса ещё одного английского мыслителя Дж. Локка. Он, проанализировав неверные доводы Гоббса, углубил предметное поле исследования противоречий безопасности, включив в него изучение процессов и явлений, разрушающих механизм управленческого воздействия на общество. При этом учёный наделял народные массы правом не поддерживать и даже свергать безответственное государство¹³. Одним из первых из социальных философов Локк указал на противоречивость насилия как средства культуры военной безопасности: «Применяя силу, правитель частично перечёркивает то, ради чего он призван трудиться, а именно, всеобщую безопасность <...> Ибо, сколько-нибудь

подрывая, или нарушая безопасность любого из своих подданных ради защиты остальных, он ровно на столько же вступает в противоречие со своим же объявленным наперёд намерением, в каковое должна входить только охрана людей, на что имеют права даже самые ничтожные»¹⁴.

Под влиянием философских произведений Т. Гоббса и Дж. Локка находился Б. Спиноза. Вместе с тем голландский мыслитель более объективно исследовал цель практики безопасности. Например, гражданский мир он рассматривал не только как отсутствие войны, но как объединение душ и национальное согласие¹⁵. Им впервые был выдвинут постулат о свободе как важном факторе развития культуры безопасности и укрепления гарантий безопасного бытия гражданского общества¹⁶. Кроме того, Б. Спиноза вскрыл закономерную связь между политической организацией и функционированием механизма обеспечения культуры военной безопасности, расширив тем самым методологию исследования противоречий её развития.

В середине XVIII в. французский мыслитель Ш. Л. Монтескье предпринял попытку нарисовать идеальный образ «просвещённого монарха». Руководитель государства, по его мнению, должен заботиться о народном благосостоянии, устанавливать общеобязательные справедливые законы и править с помощью философов, которые «всегда говорили о народе, изредка о царе и никогда о себе»¹⁷. Существенным аспектом безопасности было положение о необходимости «разделения властей». При разработке этой идеи Монтескье настаивал на том, что не может быть политической свободы без разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, каждая из которых должна обладать независимостью друг от друга в исполнении своих функций. Согласно его утверждению, «...должны быть разделены власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы частных лиц»¹⁸.

Монтескье считал, что необходимо понимание культуры военной безопасности общества как определённой целостности и

отказ от поверхностного взгляда на неё как механический агрегат индивидов и институтов. Заявляя, что рассматривает «части только для того, чтобы познать целое», мыслитель характеризовал культуру безопасности через понятие «общего духа народов» как совокупности климата, религии, законов, принципов правления, примеров прошлого, нравов и обычаев. Вместе с тем стремление обосновать проведение прогрессивных социальных преобразований на основе безопасности противоречиво сочеталось у философа с консервативным желанием примирить людей с существующими общественными отношениями. Наблюдая нарастание во Франции социального кризиса, обострившегося к концу 40-х гг. XVIII столетия, знакомясь с умонастроением нового поколения просветителей, Монтескье был явно напуган перспективой быстрого и радикального изменения общественного строя страны.

Однако не умаляя представленных положений в развитии теории исследуемого явления, необходимо акцентировать внимание на следующем: ничто в военно-политической и социально-экономической ситуации на протяжении почти трёхсот лет не способствовало претворению в жизнь многих прогрессивных доктрин. Так, Н. Макиавелли, исследовав противоречия военной безопасности, доказал потребность в замене наёмной армии милиционной и как представитель властных структур предпринял попытку претворить эту идею в жизнь, которая, к сожалению, потерпела крах.

Французские просветители, отстаивавшие идею нереальности военной безопасности государства без гарантий безопасности гражданина, пролоббировали её в качестве конституционного положения в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и Конституции Франции 1791 г. Но как члены правительства они не препятствовали созданию механизма разрешения противоречий «безопасности», который не имел ничего общего с их прогрессивными заявлениями. Итогом функционирования созданного ими органа воздействия были аресты и содержание под стражей около 500 тыс. человек и казни 40 тыс. граждан из 25-миллионного населения страны в период с 1789 по 1794 гг.¹⁹

Логично предположить, что, разрабатываемая соответствующим цивилизационному и национальному развитию императивы культуры военной безопасности, философы приукрашивали грядущий капитализм, представляли его устройством разумным и способным к конструктивному разрешению противоречий. С большой долей вероятности можно утверждать: в провозглашённых постулатах мыслители настолько «забежали вперёд», что было трудно, с одной стороны, ввести новые положения «в эксплуатацию», а с другой – адекватно их оценить. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что представители власти не только того времени, но и более позднего не очень приветствовали допуск рационально мыслящих учёных в область своей деятельности по организации безопасности. Сами же они, и это в лучшем варианте, полагали необходимым реализовывать только те идеи, которые способствовали удовлетворению насущных потребностей правящей элиты, а не всей нации в целом. Это, в свою очередь, сказывалось на разрешении противоречия между объективными основами существования человечества вне опасности и стратегией развития национальных культур военной безопасности.

Установки с опорой на силу, имеющие целью стабильность и спокойствие власти, основанные на концентрации ресурсов, предопределили ущербное развитие культуры военной безопасности, при котором вероятность трагедий только возрастала. Согласно Н.Н. Рыбалкину, «Причина здесь в приверженности к старой парадигме развития культуры военной безопасности, в её явно выраженной внешней направленности, силовом акценте и примате сохранения основ государственного режима»²⁰. В этой обстановке, замечает И.С. Даниленко, «Общественная практика всё время требовала проектов лучшей подготовки и ведения войн. Создание положительной науки о войне не вписывалось в эти проекты»²¹.

Вне всякого сомнения при таком подходе объективное исследование всей совокупности противоречий культуры военной безопасности, не принимаемое политическими

режимами, оказывалось небезопасным как для субъектов власти, так и для тех, кто его инициировал. Таким образом, ретроспективный анализ с социально-философской позиции доказывает, что конъюнктурное искажение критериев самодостаточности культуры военной безопасности множило вероятность трагедий и катастроф. Это происходило, в том числе, и потому, что потенциал явления, заявленного в теме статьи, был недостаточным в противодействии различным вызовам и угрозам.

Примечания

¹ Определение культуры военной безопасности дано автором в 1998 г.: это пласт военно-политических отношений, предназначенный для исключения попыток деструктивных сил нанести ущерб военными средствами существованию мирового социума (см.: *Вершилов С.А.* Культура военной безопасности России (социально-философский анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: защищена 25.12.1998: науч. руководитель А.И. Дырин: подготовлена в Военном ун-те М-ва обороны / Вершилов Сергей Анатольевич. М., 1998. С.9.

² *Дырин А.И.* Проблемы войны и мира в социально-философской мысли античности / А.И. Дырин, В.П. Кузин. М., 1992. С.3.

³ Фрагменты ранних греческих философов / Отв. ред. И.Д. Рожанский. М., 1989. Ч.1. С.71,72.

⁴ История философии в кратком изложении / Под ред. О.Д. Кротова; пер. с чеш. И.И. Богута. М., 1991. С.120.

⁵ *Юсим М.А.* Этика Макиавелли / М.А. Юсим. М., 1990. С.71–100.

⁶ *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли // Избр. соч. М., 1982. С.382.

⁷ *Гегель Г.В.Ф.* Политические произведения / Г.В.Ф. Гегель. М., 1978. С.154.

⁸ *Черняк Е.Б.* Пять столетий тайной войны. Из истории секретной дипломатии и разведки / Е.Б. Черняк. М., 1991. С.100.

⁹ *Моздаков А.Ю.* Понятие безопасности в классической и современной философии / А.Ю. Моздаков // *Вопр. философии.* 2008. №4. С.19.

¹⁰ *Бэкон Ф.* Опыт или наставления нравственные и политические / Ф. Бэкон // Соч.: в 2 т.; 2-е испр. и доп. изд. М., 1977. Т.1. С.393–400.

¹¹ *Бэкон Ф.* О смутах и мятежах / Ф. Бэкон // Соч. Т.1. С.383.

¹² *Гоббс Т.* Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. М., 1936. С.143–144, 263.

¹³ *Локк Дж.* Послание о веротерпимости / Дж. Локк // Соч.: в 3 т. М., 1988. Т.3. С.128.

¹⁴ *Локк Дж.* Опыт о веротерпимости / Дж. Локк // Там же. С.79.

¹⁵ Спиноза Б. Политический трактат / Б. Спиноза // Избр. произв.: в 2 т. М., 1957. Т.2. С.311.

¹⁶ Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Б. Спиноза // Там же. С.267.

¹⁷ Кузнецов В.Н. Западноевропейская философия XVIII века / В.Н. Кузнецов, Б.В. Мееровский, А.Ф. Грязнов. М., 1986. С.162–163.

¹⁸ Benrekassa G. Montesquieu / G Benrekassa. P., 1968. P.121.

¹⁹ Смирнов В.П. Великая французская революция и современность / В.П. Смирнов // Мировая экономика и международные отношения. 1989. №7. С.63.

²⁰ Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности / Н.Н. Рыбалкин. М., 2006. С.10.

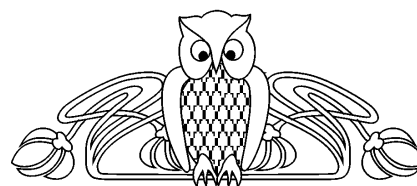
²¹ Даниленко И.С. От прикладной военной науки – к системной науке о войне / И.С. Даниленко // Военная мысль. 2008. №10. С.32.

УДК 1(091)

ОТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ МИФА Э.КАССИРЕРА К «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ

А.В. Исаева

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: isaevaav82@mail.ru

Статья посвящена исследованию отношения теории мифа Э. Кассирера к «Феноменологии духа» Гегеля. Подлинной основой теории мифологического мышления Э. Кассирера и его философии символических форм является философия Гегеля. При историко-философском исследовании невозможно не заметить прямую связь между кассиреровским анализом символических форм и феноменологией духа Гегеля – детальная структура и архитектоника «Философии символических форм» до мельчайших подробностей воспроизводит гегелевскую диалектику. Тем не менее значительным отличием феноменологии Э. Кассирера является использование трансцендентального метода для анализа индивидуальных феноменов сознания. **Ключевые слова:** миф, мифологическое сознание, феноменология, трансцендентальный метод, символическая форма.

The Relation of E. Cassirer's Theory of Myth to the «Phenomenology of Spirit» by Hegel

A.V. Isaeva

The article analyses the relation of E. Cassirer's theory of myth to the «Phenomenology of Spirit» by Hegel. The original basis for the theory of mythic thought by E. Cassirer and his philosophy of symbolic forms is Hegel's philosophy. Carrying out the historico-philosophical investigation, it's impossible not to notice a direct connection between Cassirer's analysis of symbolic forms and Hegel's phenomenology of spirit – the detailed structure and architectonics of the «Philosophy of Symbolic Forms» reproduces Hegel's dialectic to the smallest detail. Nevertheless, considerable difference of E. Cassirer's phenomenology is the application of transcendental method to analyse the individual phenomena of consciousness.

Key words: myth, mythological consciousness, phenomenology, transcendental method, symbolic form.

Э. Кассирер, выдающийся ученик Г. Когена, до сих пор остается достаточно загадочной фигурой в истории философии. Начав свой путь как неокантианец, в «Философии символических форм», главным про-

изведении жизни, Э. Кассирер отходит от ортодоксального направления марбургской школы, трансформируя ее центральное воззрение, согласно которому математическое и естественно-научное познание являются прототипами и образцами для понимания человеком мира, Бога и самого себя. Д.Ф. Верен, известный исследователь творчества Э. Кассирера, придерживается в этом случае позиции, что философия символических форм ведет свое происхождение от И. Канта только в широком и производном смысле, и что ее подлинной основой является философия Гегеля.

В данной работе мы, исследуя отношение «Философии символических форм» Э. Кассирера и, в частности, его теории мифа к «Феноменологии духа» Гегеля, выявляем общее и особенное в использовании основных положений. Для этого имеет смысл обратиться к методу сравнительного анализа и системному методу историко-философской реконструкции¹. При историко-философском исследовании фундаментального труда Э. Кассирера невозможно не заметить прямую связь между кассиреровским анализом символических форм и феноменологией духа Гегеля. Автор труда выражает признательность Гегелю и во втором, и в третьем томах «Философии символических форм».

К.А. Свасьян, отечественный исследователь Э. Кассирера, предлагает обратиться

внимание на то, что все три тома «Философии символических форм» представлены как феноменология – лингвистической, мифической и познавательной форм. Влияние Гегеля на общую методологию марбургской школы, по его мнению, настолько велико, что существуют достаточные основания говорить о неогегельянстве Г. Когена, если брать во внимание несколько важнейших пунктов его логики². Современный американский исследователь Э. Скидельски называет философию Э. Кассирера «метафизически нейтральным вариантом гегельянства»³, потому что она рассматривает мировую историю как развертывание свободы, но отказывается от метафизики абсолютно духа. Д.Ф. Верен, в свою очередь, выявляет, что «анализ лингвистического и мифологического мышления имеет главное значение для теории познания и далеко выходит за рамки понимания представителями марбургской школы науки как прототипа всякого знания»⁴.

Обратимся непосредственно к самой позиции Э. Кассирера. В предисловии ко второму тому «Философии символических форм», который носит название «Мифическое мышление», философ утверждает, что «Феноменология духа» является основой его теории мифа. Он придерживается мысли, что адекватная концепция мифа возможна только в том случае, если миф рассматривать только как обладающий собственной внутренней структурой и занимающий необходимое место в общей феноменологии духа. Миф выступает в качестве «первоосновы» некоторых специфических «образований». Это можно объяснить тем, что феноменология для Гегеля является основной предпосылкой философского знания, призванной должным образом охватить всю целокупность духовных форм. При этом сама целокупность мыслима не иначе, как в переходе от одной формы к другой. Истинно только целое, но полнота целого развертывается в становлении. Предельная цель духа, полагал Гегель, не может быть понята в отрыве от начала и середины; поэтому философская рефлексия рассматривает начало, середину и конец как моменты единого целостного движения.

Совершенно очевидно, что Э. Кассирер считает проводимое Гегелем различие между наукой и чувственным сознанием аналогичным его собственному различию между знанием и мифологическим сознанием. На это указывает знаменитая гегелевская метафора о лестнице, ведущей от естественного сознания к «науке»: «В этом *основополагающем принципе*, – пишет представитель марбургского неокантианства в третьем томе “Философии символических форм”, – “философия символических форм” некоторым образом совпадает с гегелевским подходом; но и в обосновании, и в проведении его в жизнь она должна идти другими путями»⁵. Как видим, философия Э. Кассирера также стремится указать индивидууму «путь лестницы», которая вела бы его от первоначальных образований, обнаруживаемых в мире «непосредственного» сознания, к миру «чистого познания».

Заметим, что в методологии развития духа Э. Кассирер выделяет три главные ступени; он, подобно Гегелю, описывает эти ступени в терминах отношения духа к своему объекту. На первой ступени – в функции *выражения* – символ неотличим от объекта; на второй – в функции *представления* – символ и объект разъединены; на третьей – в функции *значения* – разделение субъекта и объекта преодолено, но объект становится конструкцией символа, символом иного порядка. С этими тремя функциями *сознания* Э. Кассирер соотносит миф, язык и науку. Д.Ф. Верен в этой связи указывает, что эти три ступени феноменологии Э. Кассирера по своей общей концепции соответствуют трем ступеням гегелевской феноменологии: ступеням сознания, самосознания и духа.

Рассматривая «Феноменологию духа» Гегеля с точки зрения её влияния на теорию мифа Э. Кассирера, нельзя не заметить также и отличие его феноменологии. Дж.М. Кройс, в частности, считает, что Э. Кассиреру, чтобы понять систему конкретных культурных форм, требуется найти новый путь, который представлял бы собой нечто среднее между трансцендентальной философией и тем, что тот подразумевал под «феноменологией»⁶.

Сложность в точном определении исходного метода можно объяснить тем, что у Э. Кассирера мифологическое сознание является основной, более ранней стадией духа, чем гегелевская ступень чувственного сознания. То, что обычно называют «чувственным сознанием», является продуктом абстракции, теоретического осмысления «данного». Прежде чем самосознание обратится к этой абстракции, оно находится в мире не столько «вещей» и их «свойств», сколько мифических способностей и сил, «демонов и божеств» – в мире, порожденном мифологическим сознанием. Согласно представлению Гегеля, «наука» должна предоставить естественному сознанию «лестницу», ведущую к ней самой. А это значит, по мнению Э. Кассирера, что она должна «опустить эту лестницу ещё на одну ступеньку ниже». Постигание «становления» науки – в идеальном, а не временном смысле – «завершается лишь тогда, когда продемонстрированы ее происхождение и трудный путь из сферы мифологической непосредственности, а также обозначены направление и закон этого движения»⁷.

Важным пунктом, который разделяет Э. Кассирера и Гегеля, как нам представляется, является *трансцендентальный метод*, который предлагает анализ индивидуальных феноменов сознания. Развивая описание логической структуры трех главных сфер культурной жизни человека – мифа, языка и науки, Э. Кассирер демонстрирует, как в каждой из них различным образом согласуются *общие категории* мышления – пространство и время, причинность, сущность и число. В трансцендентальном анализе категориальных структур мышления философ восходит непосредственно к эмпирическому материалу. Специфика кассиреровского трансцендентально-феноменологического метода заключается в том, что для него *очевидность* составляет существенную часть логического построения. Гегель же очень редко указывает на логику исторических и культурных процессов, соответствующих ступеням его феноменологии.

Еще одним существенным отличием двух феноменологических методов является то, что исходная диалектика Гегеля опреде-

ляется телеологически. Нижние ступени его «лестницы» в высшей степени подчинены верхним; каждая представляет собой обычную стадию в продвижении духа к самосознанию. Э. Кассирер, напротив, старается сохранить *автономию* различных проявлений человеческого духа. Он представляет различные символические формы содержащими логическую и символическую прогрессию. Наука предполагает язык, а язык и религия имеют в качестве своего предварительного условия обязательное существование мифа. Тем самым каждая новая форма интеллигибельна по своей сути только в свете предшествующих форм. В философии символических форм не существует никакого *упразднения*, никакого «удаления» нижней формы во имя высшей. Каждая символическая форма имеет свое собственное специфическое содержание, несопоставимое с содержанием других. Э. Скидельски замечает, что образ «лестницы», таким образом, должен быть заменен образом «дерева», каждая ветвь которого питает новые ветви, продолжая при этом по праву самостоятельно существовать⁸.

Однако если с методологической точки зрения использование Э. Кассирером метафоры «лестница» может вводить нас в некоторое заблуждение, оно все же может быть объяснено с позиции его более широких культурных целей. Лестница, как подразумевает Гегель, прежде всего, является символом примирения: «наука» должна примириться с тем, что находится за ее пределами. «Философия символических форм» пытается в некотором смысле ослабить противостояние разума и остальных манифестаций духа: «Прорывы мифа на территорию науки могут быть успешно отражены лишь при том условии, если он прежде того был познан в пределах своих собственных владений в соответствии с тем, что он представляет собой в духовном плане и на что он способен. Его подлинное преодоление должно опираться на его познание и признание: лишь через анализ его духовной структуры возможно определение, с одной стороны, его своеобразного смысла, с другой – его границ»⁹.

Задача примирения, однако, представляет собой большую проблему для Э. Кас-

сирера, нежели для Гегеля. Различные формы культуры, по мнению Гегеля, являются всего лишь многими выражениями рационального духа. То, о чем религия тайно намекает, философия говорит откровенно – между ними не существует реального конфликта. Гегель, как нам представляется, не отрицает существования конфликта на эмпирическом уровне, но для него большего внимания заслуживает разрушительный характер самой мировой истории. С гегелевской точки зрения эти потери не трагичны, потому что они представляются исторически необходимыми.

Такой методологический оптимизм невозможен для Э. Кассирера. Во-первых, его символические формы не представляют собой «станции» развития духа, это есть автономные способы формирования мира. Высшие формы не просто раскрывают то, что уже смутно присутствовало в низших; они преследуют разные цели, подчиняются разным законам. Это ведет к неразрешимым конфликтам. Во-вторых, наука сама укоренена в почве языка и мифа, но ее собственная внутренняя логика принуждает ее отвергать их требования. В-третьих, миф, в свою очередь, отказывается признавать науку в качестве своего законного потомка, характеризуя ее как ограниченный, бездушный способ мышления. Отношение Э. Кассирера к этому конфликту меняется в течение всей его жизни. В некоторых своих произведениях он старается смягчить его, освобождая от онтологического бремени, представляя чисто символическим. В других работах его отношение более трагично – Э. Кассирер не считает возможным его окончательное разрешение.

Подводя итог, отметим, что «Феноменология духа» Гегеля оказала значительное влияние на общую структуру всей «Философии символических форм» Э. Кассирера и его теорию мифа, в частности, и научила его динамическому методу анализа форм в моменте их перехода друг в друга. Рассматривая детальную структуру и архитектуру «Философии символических форм», можно заметить, что она до мельчайших подробностей воспроизводит гегелевскую диалектику. Эстетические принципы описания своей феноменологии духа Э. Касси-

рер также заимствовал из гегелевской феноменологии.

Тем не менее феноменология Э. Кассирера отличается от феноменологии Гегеля по нескольким пунктам. Во-первых, мифологическая функция, или функция выражения сознания у Кассирера представляет собой ступень ниже гегелевской ступени сознания, несмотря на то, что по своей общей концепции – дух еще не отличает себя от объекта – она соответствует первой ступени в феноменологии Гегеля. Во-вторых, при описании каждой ступени философы применяют разные методы анализа. Э. Кассирер использует трансцендентальный метод и эмпирические данные, в то время как Гегель редко указывает на реальные процессы, соответствующие ступеням его феноменологии. В-третьих, феноменология Гегеля в высшей степени телеологична – низшие ступени подчинены верхним и уничтожаются по мере продвижения духа на пути к самосознанию. Во всеобщности логического единства форм духа Гегель стирает особенность каждой отдельной области и своеобразие отдельного принципа. Ссылаясь на «феноменологию духа» в гегелевском понимании, Э. Кассирер тем не менее не только представляет целое духа как конкретное целое, но при этом разворачивает существующее «многообразие духовных форм» и приводит их к трансцендентальному единству.

Отметим, что «Феноменология духа» Гегеля высоко оценивается Э. Кассирером как своего рода *методический проект*, который сумел определить для такой символической формы как миф ее место в общей системе форм духа. Э. Кассирера можно назвать одним из последних «системных строителей» XX в., и в этом он, безусловно, продолжатель дела классического немецкого трансцендентализма.

Примечания

¹ В настоящее время появился ряд интересных работ, посвященных творчеству Э. Кассирера (см.: Белов В.Н. Эрнст Кассирер. Философия символических форм / В.Н. Белов // *Вопр. философ.* 2003. №12. С.177–182; Кравченко А.А. Логика гуманитарных наук Э. Кассирера. Кассирер и Гете / А.А. Кравченко. М., 1999; Соболева М.Е. Философия символических форм Э. Кассирера. Генезис. Основные понятия. Контекст / М.Е. Соболева. СПб., 2001).

² Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера: Критический анализ / К.А. Свасьян. Ереван, 1989. С.24.

³ Skidelsky E. Ernst Cassirer: the last philosopher of culture / E. Skidelsky. Princeton, 2008. P.105.

⁴ Верен Д.Ф. Кант, Гегель и Кассирер. Происхождение философии символических форм / Д.Ф. Верен // Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997. С.405.

⁵ Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. / Э. Кассирер. М.; СПб., 2002. Т.3. С.8.

⁶ Krois J.M. Cassirer, symbolic forms and history / J.M. Krois. New Haven, 1987. P.78.

⁷ Кассирер Э. Философия символических форм. Т.2. С.10.

⁸ Skidelsky E. Op. cit. P.107.

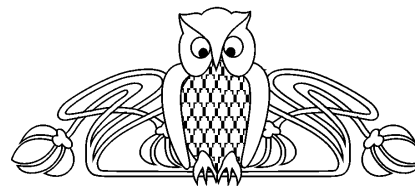
⁹ Кассирер Э. Указ. соч. Т.2. С.11–12.

УДК 165

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КАТЕГОРИИ «Я»

Б.В. Кулапин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: kulapin@rambler.ru

В статье анализируется категория «Я», выделяются ее феноменологические свойства. Каждое свойство «Я» (процессуальность, определенность, самоопределенность, принципиальная оппозиционность) одновременно является актом, проживая который, «Я» выполняет свою позитивную программу. Анализ этих свойств позволяет сказать, что «Я» – сложный структурный объект.

Ключевые слова: «Я», «не-Я», Dasein, феномен, экзистирование, процессуальность, определенность, самоопределенность, принципиальная оппозиционность.

Phenomenology's Properties of Category «I»

B.V. Kulapin

This article is analyze category «I» and show the its property. Every «I»'s property (processing, defining, myself-defining, the principle opposition) is an act and when «I» executing this act «I» executing it's positive program. When author is analyzing this property, he analyzing «I» like difficult structure object.

Key words: «I», «not-I», Dasein, phenomena, existencing, processing, defining, myself-defining, the principle opposition.

Философская мысль неоднократно обращалась к проблеме «Я» и «не-Я», постоянно выдвигая аргументы для новых ее толкований. Более того, поскольку философствование как процесс реализуется через призму интерпретатора, соотносясь с окружающим его миром, рассмотрение проблемы «Я» и «не-Я» может быть тождественно рассмотрению сути философствования. В статье «Я» М.А. Можейко в этой связи выдвигает следующую мысль: «Экспликация эволюции содержания категории “Я” фактически была бы изоморфна реконструкции историко-философской традиции в целом»¹. Пожалуй, то же самое можно сказать и о бинарном антипode

– «не-Я». «Я» всегда и понимается в контексте оппозиционности своему антиподу «не-Я». Вся деятельность «Я» является оправданием себя как «Я». При этом категории «Я» и «не-Я» являются бинарной парой, в которой существование одного компонента без другого невозможно и доказательство правомерности «быть» строится в противовесе «быть не таким как другой».

Остановимся на феноменологических свойствах «Я». Опираясь на опыт философской мысли и рассмотрев «Я» как сложный объект, следует отметить наиболее существенные присущие данной категории черты, такие как процессуальность, определенность, самоопределенность, а также принципиальная оппозиционность. Эти признаки имеют как общее значение, которое может быть применено еще где-либо, так и особое, присущее исключительно «Я».

Примечательно следующее: в целом эти акты соответствуют характеристикам, данным М. Хайдеггером Dasein (расположение, понимание и речь). Мыслитель выделяет три узловых момента Dasein: «быть-впереди-себя» – экзистенциальность (сущность Dasein заключается в его экзистенции); «уже-быть-в-мире» – фактуальность (Dasein в каждом случае принадлежит мне, «мое», то есть присущее мне человеческое бытие); «быть-привнутримировом существом» (единство экзистенции двух модусов – аутентичная экзистенция [человек-свободный, выбор, проект] и непод-

линия экзистенция)². Так «быть-впереди-себя» соответствует процессуальности, «уже-быть-в-мире» – определенности и самоопределенности, а «быть-при-внутримировом-сущем» соответствует акту оппозиционности. Данная схожесть позволяет идентифицировать категорию «Я» с Dasein. Сам мыслитель не дает на этот счет никаких комментариев, однако в «Основных проблемах феноменологии» имеется следующее высказывание философа: «То обстоятельство, что деятельные отношения Dasein интенциональны, означает, что способ бытия нас самих, т.е. способ бытия Dasein, по своей сути таков, что это сущее, поскольку оно есть, всегда уже пребывает при наличном. Идея субъекта, который только в своей сфере обладает интенциональными переживаниями и еще не выходит вовне, но заключен в себе как в футляре, – бессмысленное понятие, которое не ухватывает глубинной онтологической структуры того сущего, которое есть мы сами»³. Таким образом, Хайдеггер уподобляет Dasein индивидуально мыслительному началу, деятельность которого заключается в наличной интенциональности. Принципиальное же отличие «Я» от Dasein состоит в том, что «Я» – это сущее, Dasein же не только является сущим, но и обладает особым способом бытия.

Бытийственным значением, свойственным категории «Я» как частному элементу всеобщего мирового процесса, следует считать атрибут процессуальности. М. Хайдеггер в «Бытии и Времени» предлагает следующий тезис: «При удержании фиксированного исследовательского подхода у присутствия (которое в данном случае представляется верным интерпретировать как «Я». – Б.К.) подлежит высвечиванию определенная фундаментальная структура: бытие-в-мире (эту категорию представляется правильным трактовать как бытие «Я» в мире «не-Я». – Б.К.). Это “априори” толкования присутствия – не составленная из кусков определенность, но исходно и постоянно цельная структура»⁴. Именно здесь мыслитель говорит о процессуальности, так как данная «постоянно цельная структура» предполагает существование «присутствия» как процесса. Под процессуальностью в случае процессуальности «Я»

всегда должна пониматься изначально существующая субъекту активность, деятельность, имеющая программу действия, содержание которой составляет изменение, преобразование, совершенствование как окружающего мира, так и самого себя. В данную программу необходимо включены три составляющие: цель, непосредственная деятельность и результат. Как цель, так и результат могут быть явными и не явными для «Я». Однако непосредственная деятельность (и материальная, и идеальная) является компонентом содержания «Я». Деятельность эта осуществляется в контексте пространственно-временных отношений. Поэтому о процессуальности «Я» («присутствия» как процесса) можно говорить как о деятельности, имеющей место и время. Конец процессуальности, соответственно, означает полную аннигиляцию «Я», некую «встречу с небытием». Процессуальность в данном контексте вполне соотносима с древнегреческим термином «chretis», означающим деятельность субъекта, выступающего одновременно и субъектом целеполагания, и субъектом реализации данной цели⁵. Как известно, «chretis» противопоставлялся термину «noietis», который означал деятельность по реализации, привнесенной извне программы (приказа).

Вопрос о возможности привнесения извне программы процессуальности «Я» отсылает нас к идее божественного. Действительно, вполне возможно, что программа деятельности «Я» была привнесена высшим разумом. Такого взгляда придерживается буддизм (жизнь как программа страданий). Однако при этом данная программа составляет непосредственное содержание «Я», и в этой связи «Я» выступает субъектом целеполагания и деятельности. Таким образом, существенным отличием от процесса «noietis» здесь является не привнесенная Богом программа, а принесенное Богом само «Я», которое есть содержание данной программы (что, в принципе, также соответствует буддийской концепции). При атеистическом подходе идея привнесения программы деятельности «Я» (или рождение самого «Я») даже не появляется, и любая деятельность «Я» выступает в качестве древнегреческого «chretis».

Под определенностью «Я» понимается акт постоянного определения «Я» (субъектом) чего-либо или стремление к определенности всех видимых субъекту процессов и явлений. Это могут быть как элементы «не-Я», так и «не-Я» в целом. Кроме того, это может быть и определение субъектом самого себя, о чем более подробно будет сказано отдельно. М. Хайдеггер пишет о таком свойстве «Я»: «Сущее с характером присутствия есть свое **вот** таким способом, что оно, явно или нет, в своей брошенности расположено. В расположении присутствие (иными словами, *Dasein*. – *Б.К.*) всегда уже вручено самому себе, себя всегда уже нашло, не как воспринимающее себя-обнаружение, но как настроенное расположение. Как сущее, врученное своему бытию, оно всегда вручено и необходимости иметь себя уже найденным – найденным в нахождении, возникающем не столько из прямого искания, но из избегания»⁶.

Интересный и примечательный антропологический анализ возможности существования «Я» без «не-Я» как человека без общества, когда «Я» фактически лишается возможности определять воспринимающих «не-Я», предлагает Ж. Делез в разделе «Мишель Турнье и мир без другого» его «Логика смысла». Рассматривая Робинзона как уникальный персонаж мировой литературы, философ пишет: «... замысел Дефо таков: что станет с одиноким человеком, человеком без Другого на необитаемом острове?»⁷. «Что же происходит, когда другой исчезает в структуре мира? Правит единственно грубое противостояние солнца и земли, невыносимого света и темноты бездны: “краткий закон: все или ничего”. Знаемое и неизвестное, воспринимаемое и невоспринимаемое непременно и непримиримо сталкиваются лицом к лицу в битве без оттенков: “мое видение острова сведено к самому себе, то, что я в нем вижу, есть абсолютно неизвестное, повсюду, где меня сейчас нет, царит бездонная ночь”»⁸, – рассуждает мыслитель.

В психологии подобная определенность получила название «формы чувственного отражения предмета». Она обнаруживает объект в целом, различает в нем отдельные признаки, выделяет информативное содержание,

адекватное цели действия, а также формирует чувственный образ. Общая картина, получаемая в результате определенности, называется «субъективным восприятием объекта».

Примечательно, что из-за имманентно присущего стремления к определенности, основываясь на имеющихся фактах (логический путь) или на принципе веры (теологический путь), субъект способен строить ложные умозаключения, принимая их за истинные. Даже не имея должных оснований, но имея стремление к определенности, субъект строит гипотезы, имеющие, подчас, мифологическую основу.

Из значения определенности вытекает другое, свойственное исключительно категории «Я» – значение самоопределенности. Благодаря гуссерлевскому методу стало понятно, что самоопределенность является фундаментальнейшим актом существования индивида. В. Колядко об этом пишет: «Феноменологический метод стремится раскрыть внутреннюю форму любой научной (а шире, логической. – *Б.К.*) операции и показывает, что орудие ее – рефлексия»⁹. Самоопределенность как свойство, присущее только индивидуальному воспринимающему началу, понимается как акт определения субъектом самого себя или стремление к определенности тех видимых субъекту процессов и явлений, которые являются составляющими «Я». Подобно атрибуту определенности, самоопределенность также обнаруживает объект в целом, различает в нем отдельные признаки, выделяет информативное содержание, адекватное цели действия, и формирует чувственный образ. Только объектом здесь является сам субъект.

Исходя из логических представлений, акт самоопределения может осуществляться тремя путями – через самосознание (путь «*Cogito ergo sum*»), через оппозицию «не-Я» (путь Фихте) и через веру (путь теологии).

Следующее значение «Я» – принципиальная оппозиционность. В. Суханцева в этой связи пишет: «Общество существует только и именно благодаря тому, что исторический человек способен к противостоянию, не революционному, не классовому. Он противопоставляет тем, что осознает себя как “Я”. Человек, осознающий себя в противостоянии,

есть человек культуры. Собственно, быть для человека означает быть в культуре»¹⁰. Такая принципиальная оппозиционность заключается в тотальном противопоставлении себя, своего «Я» всему окружающему, что вынесено за демаркационную линию вследствие акта самоопределенности, разграничивающего «Я» и «не-Я». Причина такой оппозиции с миром обусловлена необходимостью «Я» быть самим собой. «Я», отказывающееся от принципа оппозиционности, теряет свою сущность. М. Бахтин также определяет оппозиционность «Я» всему миру: «Это сознание противопоставляет себя для себя всем другим, как другим для него, свое исходящее я всем другим, находимым, единственным людям, себя-причастного-миру, которому я причастен, и в нем всем другим людям. Я-единственный из себя исхожу, а всех других нахожу, в этом глубокая онтологически-событийная разноточность»¹¹. Р. Рорти выделяет атрибут оппозиционности, анализируя общественные институты: «Нации, церкви или движения являются <...> яркими историческими примерами не потому, что они отражают лучи, исходящие из высшего источника, но из-за эффекта противопоставления – благодаря сравнениям с другими, худшими сообществами. Люди имеют достоинство не как внутреннее сияние, но потому, что на них также распространяется этот эффект противопоставления»¹². Примечательно, что любые общества в своей основе имеют деятельный аппарат, схожий с человеческим. Можно выделить такие компоненты их структур, соответствующих индивиду, как общественное сознание, его механизмы, стремление к развитию, защитные институты, тяга к расширению сфер влияния и т.д.¹³ Таким образом, общественные институты могут быть приближены по своим свойствам к категории «Я».

Вследствие противопоставления себя миру «не-Я», самоопределенности и понимания себя в контексте процессуальности, «Я» выбирает тип отношения к самому себе: к «не-Я» мыслящему и не мыслящему, индивидуальному и коллективному. Отношение к себе может быть позитивным и негативным. Позитивное отношение предполагает у «Я» деятельность, направленную на самосохране-

ние, развитие, удовлетворение собственных потребностей. Любое позитивное отношение предполагает любовь (в данном случае любовь к себе), при этом любовь может носить инстинктивный характер и быть тождественной инстинктивным желаниям. Именно любовь вызывает описываемую деятельность (самосохранение, развитие и т.д.). Негативное же отношение «Я» болезненно: «Я», относящееся отрицательно к самому себе, направлено на самоуничтожение, полную аннигиляцию изнутри. Здесь уместна аналогия с дарвинской теорией, когда организм, не способный к существованию, уничтожается, так как он не приспосабливается к условиям существования, оказываясь слабым.

Негативное отношение «Я» к миру «не-Я» также может быть расценено как болезненное, поскольку «Я», направленное против «не-Я», является реакционным. Любая же энергия, ориентированная против существования, так или иначе выступает против позитивной созидательной программы.

Негативное отношение «Я» к индивидуальному «не-Я», которое кажется или может казаться по отношению к самому себе как «Я», болезненным назвать сложно. Причина кроется в том, что в данном случае осуществляется конфликт двух по сути сходных начал. Если цель такого конфликта – использование одним началом другого и не более, то такое отношение не болезненно. М. Бахтин в этой связи пишет: «Высший архитектурный принцип действительного мира поступка есть конкретное, архитектурно-значимое противопоставление я и другого. Два принципиально различных, но соотношенных между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия»¹⁴. Если же конфликт заключается в уничтожении одного из начал, несомненно, такое отношение является болезненным, однако не обязательно в данном случае за ним следует уничтожение такого «Я».

Позитивное же отношение «Я» как к миру «не-Я», так и к «не-Я» индивидуальному предполагает деятельность, целью которой являются развитие и выполнение положительной программы. Такую деятельность «Я»

М. Бахтин описывает так: «Конкретное должествование есть архитектурное должествование: осуществить свое единственное место в единственном событии-бытии, и оно прежде всего определяется как ценностное противопоставление я и другого»¹⁵. «Я», несомненно, всегда противопоставляет себя миру, выходящему за пределы «Я», однако это противопоставление не есть противодействие. «Я», противодействующее миру, в большей степени ущербно, а позитивно настроенное «Я», напротив, несет энергию созидания. Высшее проявление подобной энергии и есть творчество.

Таким образом, категория «Я» имеет имманентные свойства, позволяющие ее идентифицировать. Примечательно, что в оппозиционной системе «Я» – «не-Я» свойства одного компонента являются отражением свойств другого. Так определенность «Я» в случае «не-Я» становится определяемостью, самоопределенность – самоопределяемостью, а активная оппозиционность «Я» становится пассивной оппозиционностью «не-Я». Иными словами, свойства, присущие категории «Я», выполняют активную функцию по отношению к свойствам «не-Я». «Я» является более активным, нежели «не-Я». В целом же свойства анализируемых категорий дают возможность их определения.

УДК 130.2:81

МЕТАМОРФОЗЫ ЯЗЫКА В ПОСТМОДЕРНЕ

И.В. Кутырева

Саратовский государственный университет
E-mail: kutyirina@mail.ru

Несмотря на широкий пласт исследований, вопрос об эпохе постмодерна является достаточно дискуссионным как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Вопрос о языке и его метаморфозах ставится не менее остро. Рассматриваются характеристики, присущие обозначенной эпохе с позиций их герменевтического прояснения. Из выявленных характеристик эпохи мы можем составить представление о том, чем является язык данной эпохи.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, симулякр, плюрализм, псевдособытийность.

The Language and its Metamorphoses in Postmodernity

I.V. Kutyryova

The Postmodern Era has been widely researched in Russia and abroad. Nevertheless, it is still debatable for both Russian and Western scholars. The problem of language and its metamorphoses has

Примечания

¹ *Можейко М.А.* Я / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. Минск, 2003. С.1249–1250.

² См.: *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер. СПб., 2002.

³ *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. М., 2001. С.90.

⁴ *Хайдеггер М.* Бытие и время. С.41.

⁵ Кстати, творческая разновидность «chretis» в Древней Греции осмысливалась как «graxis».

⁶ *Хайдеггер М.* Бытие и время. С.135.

⁷ *Делез Ж.* Логика смысла / Ж. Делез. М., 1998. С.398.

⁸ Там же. С.402.

⁹ *Колядко В.* Предисловие / В. Колядко // Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. М., 2002. С.18.

¹⁰ *Суханцева В.* Философия культуры: проблематика и основания / В. Суханцева // XX век: голоса культуры / Отв. ред. В.К. Суханцева. Луганск, 2000. С.9.

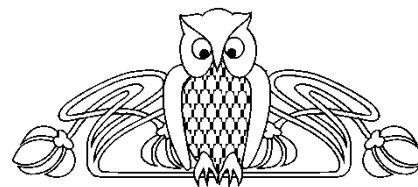
¹¹ *Бахтин М.* К философии поступка / М. Бахтин // Философия и социология науки и техники / Отв. ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С.158.

¹² *Rorty R.* Postmodernist bourgeois liberalism: in 2 v. / R. Rorty. Objectivity, Relativism and Truth. Philosophical Papers. Cambridge, 1991. Vol.1. P.63.

¹³ Относительно цивилизаций этот подход был предложен Н.Я. Данилевским, а затем О. Шпенглером.

¹⁴ *Бахтин М.* Указ. соч. С.159.

¹⁵ Там же. С.160.

become one of the key issues in this respect. We focus on studying characteristics of the postmodern period, not taking into account its value system. Thus, based on the characteristics of postmodernity we might form an idea of the language itself in the above-mentioned period, since every concept is inevitably manifested in the language.

Key words: modernity, postmodernity, simulacrum, multiculturalism, pseudo-event.

Для того, чтобы говорить о метаморфозах языка в постмодерне, сначала следует определить, что мы подразумеваем под последним. Широкий круг исследователей пытались дать полномасштабное определение обозначенной эпохи, выделить ее характеристики, размышляя над тем, что последует

за постмодерном, затрагивая еще множество соприкасающихся вопросов. Чем шире становится круг исследований, тем больше вопросов возникало. И до сих пор мнение о том, когда началась эпоха постмодерна, что она собой представляет – продолжение модерна или частичное отрицание его установок, остается весьма спорным. В литературе, посвященной этой проблеме, обычно выделяют два этапа, связанных с формированием его принципов и позиций. Первый – развитие постепенно приведших к постмодернизму идей постструктуралистов: идеи Ж. Лакана (концепция воображаемого и символического, критика «философии субъекта», учение о языке), теория деконструкции Ж. Деррида, постмодернистские концепции искусства Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Ю. Кристевой и др.).

Второй этап – развитие постмодернизма в собственном смысле, представленный кругом исследователей, посвятивших себя изучению различных аспектов постмодернизма в философии, эстетике, культуре, искусстве (Ж. Бодрийяр).

В постмодернистских дискуссиях вовсе не случайно звучит голос выдающихся представителей литературы и искусства, так как именно в этих областях культуры началась борьба против предшествующей эпохи – эпохи модерна. Так, известный современный писатель У. Эко считает целью постмодернизма разрушение привычных для предшествующей культуры разделений и дихотомий – реализма и ирреализма, формализма и содержательности, элитарного и массового искусства и т.д. Теоретик постмодернистской архитектуры Ч. Дженкс в книге «Язык архитектуры постмодерна» говорит о «двойном кодировании», заключенном в постмодернистской архитектуре: один язык обращен к «ангажированному меньшинству» знатоков, другой – к обычным людям, к большинству. Таким образом, каждый из слоев «читает» архитектуру на понятном ему языке.

Другая формула, распространенная в постмодернистской архитектуре, выражена немецким теоретиком Г. Клотцем в работе «Модерн и постмодерн. Современная архитектура 1960–1980» следующим образом: произведение архитектуры – это уже не носитель и не чудо конструкции, но изображе-

ние символических содержаний и художественных тем, это эстетические фикции, которые уже не есть абстрактные чистые формы – они находят предметное проявление.

На наш взгляд, наиболее убедительную трактовку постмодернизма дал М. Эпштейн. Он считает, что всемирная история делится на три эпохи: древность, Средневековье, Новое время. В XX в. исчерпываются основные движущие силы Нового времени: антропоцентризм, индивидуализм, рационализм, либерализм, вера во всемогущество разума и свободу личности. Постмодерн – это четвертая большая эпоха в истории человечества, следующая за Новым временем. Постмодернизм же – только первый период «постмодерности» (Postmodernity), подобно тому, как модернизм был завершающим периодом Нового времени (Modernity). Впрочем, исследователь употребляет термин «постмодерн» как по отношению ко всей грядущей эпохе, так и к текущему периоду, пытаясь «очертить границы постмодернизма в рамках продолжающейся большой эпохи постмодерности и показать возможности перехода к последующему периоду. Представляется, что к концу 1990-х годов постмодернизм исчерпал себя, но тем настоятельнее обозначаются перспективы постмодерности за пределами постмодернизма»¹.

Эпштейн предложил диалектику перехода от модернизма к постмодернизму. Этот переход описывается через понятие «гипер», которое включает в себя два этапа: «супер» и «псевдо». «Гипер» – это такое «супер», которое самим избытком некоего качества переступает границу реальности и оказывается в зоне «псевдо» (и, в конце концов, сменяется «пост»). Здесь применима идея Бодрийяра о том, что гиперреализм убивает реальность.

Если мы рассмотрим точки зрения исследователей, выделяющих основные установки постмодернизма, то увидим, что они практически дублируют друг друга (разница лишь в том, что одни критикуют данные установки, другие определяют постмодернизм не столько как период расцвета искусства, сколько как период его глубочайшего осмысления). Л. Мочалов, например, характерными чертами современной эпохи считает смешение реальности и иллюзии, утвержде-

ние игрового принципа. Он полагает, что симуляционистские установки современной эпохи иницируются характером самой действительности. Одним из основных принципов практики современного искусства Мочалов называет «принцип негативной репрезентации»², согласно которому действительность представляет сплошную симуляцию. Вещи, слова – это все знаки, указывающие на нечто, наполненное смыслом, доступным лишь посвященным, «побольше непонятного» – вот девиз современного искусства³.

Ученый заключает, что в постмодернизме нечто становится ценностью, только пребывая на грани реального и мифического. Являясь критиком постмодернизма, он провозглашает самоуничтожение личности, принявшей установки постмодернистской философии.

Еще один радикальный критик постмодерна А.В. Гулыга определяет как негативное последствие современной эпохи установку на радикальный плюрализм. Она, по его мнению, препятствует объединению человечества в единое целое для осуществления выживания. С точки зрения автора, без внимания остается категория времени, понимаемая им как «некая целостность, в которой сливаются воедино прошлое, настоящее, будущее»⁴. Гулыга не принимает предпринятую постмодернистами попытку переосмысления времени и утверждает, что для наиболее полного рассмотрения какого-либо феномена недостаточно ограничиваться только контекстом породившей его эпохи, но необходимо осуществить исторический анализ и «сверх-историческое рассмотрение», отбрасывающее все случайное, личное⁵.

Нужно отметить, что в отечественной литературе эпоха постмодернизма далеко не всеми авторами рассматривается негативно – как нечто неопределенное, непредсказуемое и бессмысленное. Например, В. Вельш рассматривает плюрализм как положительную характеристику. По его мнению, он ведет к крушению Целого, проявляющемуся в становлении различности и множественности. Положительное значение рассматриваемой эпохи Вельш видит в том, что «постмодернизм бежит ото всех форм монизма, унификации и тоталитаризации, не приемлет еди-

ной общеобязательной утопии и многих скрытых видов деспотизма, а вместо этого переходит к провозглашению множественности и диверсивности, многообразия и конкуренции парадигм и сосуществования гетерогенных элементов»⁶.

Таким образом, подводя итог развитию дискуссий в литературе, мы можем выделить несколько основных характеристик эпохи постмодернизма:

1) основное понятие постмодернизма – понятие неопределенности (неопределенность смысла, неопределенность границ – расплывчатость и т.д.);

2) постмодернизм крушит все сложившиеся порядки, опровергает все каноны (в литературе, в частности, это проявляется в утверждении «смерти автора»);

3) ирония – одна из главных постмодернистских установок, отмеченная, в частности, американским исследователем И. Хассаном, подразумевающая игру, аллегорию как важнейшие приемы литературы и искусства, а также любого вида мыслительного творчества;

4) для искусства постмодернизма часто характерно смешение стилей и жанров;

5) лабиринт, игра – часто применяемые приемы. С этим тесно связаны принципы «равного» участия в игре и игры без правил, в которой, во-первых, абсолютизирована свобода интерпретации, а во-вторых, отсутствует конечный результат;

6) постмодернизм возвещает о «смерти субъекта». «Я» перестает быть центром мысли и переживания, оно вообще не может быть определимо, так как всегда находится в поисках самого себя и может быть репрезентировано только через Другого, но познать Другого – также ложная задача, так как в основе человеческой психики лежит бессознательное;

7) обращаясь к онтологии постмодерна, В.Г. Косыхин отмечает псевдособытийность как одну из главенствующих характеристик. «Само событие, даже в радикально-хайдеггеровском смысле Ereignis, трансформируется в постмодернистской «псевдособытийности», лишаясь своих черт бытийности, еще сохранявшихся в поздне-хайдеггеровской онтологии. Псевдособытия постмодернистских он-

тологий – это события под знаком вычеркивания, события, обладающие гибридно-понятийной структурой, события – гибриды, вернее – прививки невозможной событийной структуры, сама невозможность любого «чистого» события⁷;

8) в постмодернизме отсутствуют такие категории, как Единое, Целое, во всяком случае его представителями отрицается единство как субстанциональное свойство реальности. Например, Ж. Деррида и его последователи, как известно, отрицают существование изначального смысла. По этому поводу В. Вельш пишет: «Если обзор постмодернистских тенденций в литературе, архитектуре, живописи, скульптуре, социологии и философии связать с совокупной характеристикой постмодерна, то получится следующее. Постмодерн начинается там, где кончается Целое. И он категорически выступает против новых попыток тоталитаризации – так, например, в архитектуре выступает против монополии интернационального стиля, или в теории науки – против ригидного сциентизма, или в политике борется с внешними и внутренними претензиями на господство. Кроме того, постмодернизм использует конец Единого и Целого в позитивном смысле, когда пытается упрочить и развернуть вступающее в силу Многое в его легитимности и своеобразии. Здесь – ядро постмодерна. Исходя из осознания непреходящей ценности различающихся концепций и проектов – а не из-за поверхности или безразличия – постмодернизм радикально плюралистичен. Его видение – видение плюральности»⁸.

Но нельзя не заметить, что борьба против Единого, Целого как символов эпохи модерна обернулась в постмодернизме отсутствием интегрированности личности и культуры, что является негативным проявлением.

Теперь, выделив основные характеристики эпохи постмодерна, попытаемся дать ответ на основной интересующий нас вопрос: что представляет собой язык в современную эпоху?

При рассмотрении ее характеристик часто по отношению к языку применяется термин «код». А как может быть иначе, ведь мы живем в то время, когда самым главным является информация. Та самая информация,

которую можно переслать, отправить по электронной почте, да и само общение между людьми часто становится сообщением по той же почте, которое не имеет уже смысловой глубины, а ограничивается только лишь передачей информации, вернее – текста. Но вопрос о коммуникации между людьми далеко не единственный; при анализе эпохи постмодерна (что является нашей задачей) вопрос о метаморфозах языка в культуре проявляется наиболее остро.

В постмодерне знак является собственно объективно существующим пространством, не связанным ни с человеком, ни с действительностью, он ничего не означает или означает лишь самого себя, но при этом в человеческом общении знак сохраняет свойства симулякра. Соответственно, и означение, создание текстов культуры есть не более чем «производство фикций», фиксация смысла, который самому себе не соответствует. В результате, мы видим формирование новой среды жизнетворчества, в которой меняется не только отношение между формой и содержанием, но смысл пространства и времени, влекущий за собой виртуальную сверхреальность. Связанный с традицией структурализма Жан Бодрийяр активно использует понятие кода. Код, система симулякров – это и есть характеристика современности. Его символический обмен – игра, а скорее – даже противоборство. Таким образом, суть письма заключается не в том, чтобы тайно выразить некое дополнительное, на первый взгляд, невидимое, «сакральное» означаемое (что пытались сделать предшествующие эпохи), а в том, чтобы разоблачить, разрушить его посредством игры.

Но несет ли в себе игра изначально подобное разрушительное начало, призвана ли она разрушать единство и целостность? Игра, если мы сошлемся на Деррида, – это разложение наличного состояния. «Наличие того или иного элемента есть не что иное, как значимая референция – субститут, включенная в определенную систему различий и в движение определенной цепочки. Всякая игра – это игра отсутствия и наличия, однако если мы хотим помыслить игру по самой ее сути, то мыслить ее следует как нечто предшествующее альтернативе наличия и отсут-

ствия; само бытие нужно помыслить как наличие или отсутствие, исходя из возможностей игры, а не наоборот»⁹.

В постмодернизме вся система языка превращается в бесконечный деконструктивистский текст, некую систему следов, не имеющих ни происхождения, ни завершения, цепочку следов означиваний, приходящую из ниоткуда и уходящую в никуда. Логоцентризм, согласно Деррида, – это ложная идея в теории языка. Тем не менее ничего кроме бесконечности значений и смыслов, не имеющих центральной оси, он предложить не смог. А что дальше? Game over (игра закончена) или новая метаморфоза? Хочется верить в лучшее. Но какой будет эта метаморфоза, и что она принесет с собой кардинально нового, или речь идет о возвращении, как это всегда бывает, к традициям прошедших эпох? Кого на этот раз мы будем цитировать? Ответ на этот вопрос находится за пределами задач данной статьи.

УДК 1/14

СТАНОВЛЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ПОИСК ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ

В.С. Лосев

Саратовский государственный технический университет
E-mail: olga-loseva_56@mail.ru

Экологическое сознание – целостный и относительно новый феномен общественного сознания, являющийся как отражением напряженности и остроты экологической ситуации, так и определенным выражением, своего рода индикатором серьезных изменений духовной и материальной культуры. Основная причинная и внутренняя характеристика данного вида сознания – это кризисность ситуации, сложившейся в современном мире. Она является важнейшим условием развития сознания человека в экологическом направлении.

Ключевые слова: глобальные проблемы, экологический кризис, экологическое сознание, социокультурные изменения.

Formation of Ecological Consciousness: Search of the Valuable Bases

V.S. Losev

Ecological consciousness – the complete and rather new phenomenon of public consciousness which are as reflexion of intensity and a sharpness of an ecological situation, and certain expression, some kind of the indicator of serious changes of spiritual and material culture. The basic causal and internal characteristic of the given kind of consciousness is crisis situations developed in the modern world. It is the major condition of development of consciousness of the person in an ecological direction.

Key words: global problems, ecological crisis, ecological consciousness, social and cultural changes.

Статья выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)», проект № 2.1.3/6499

Примечания

¹ Эпштейн М. Постмодерн в России. Литература и теория / М. Эпштейн. М., 2000. С.8.

² Мочалов Л. Раннее Евангелие постмодернизма / Л. Мочалов // Нева. 1997. №4. С.191.

³ Там же. С.192.

⁴ Гулыга А.В. Что такое постсовременность / А.В. Гулыга // Вопр. философии. 1988. №12. С.156.

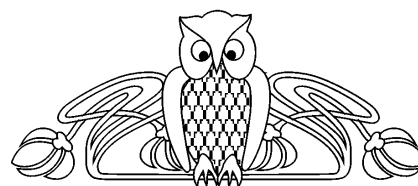
⁵ Там же. С.156.

⁶ Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. 1992. №1. С.132.

⁷ Косыхин В.Г. Онтология и нигилизм: от Хайдеггера к постмодерну / В.Г. Косыхин. Саратов, 2008. С.100.

⁸ Вельш В. Указ. соч.

⁹ Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук / Ж. Деррида // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Отв. ред. Г.К. Косиков. М., 2000. С.424.

Экологическое сознание – целостный и относительно новый феномен общественного сознания, формирующийся в результате ценностного переосмысления напряженности и остроты экологической ситуации глобализирующегося социума, являющийся определенным выражением, своего рода индикатором серьезных изменений духовной и материальной культуры. Основная причинная и внутренняя характеристика данного вида сознания – это кризисность ситуации, сложившейся в современном мире. Она является важнейшим условием развития сознания человека в контексте экологических ценностей. Под экологическим кризисом, по утверждению А.Д. Урсула, можно понимать «взаимовлияние человека и природы, при котором нарушается динамическое равновесие социоприродной системы, возникает крайнее противоречие внутри данной системы, делающее не-

обходимым изменением характера её внутренних связей посредством экологической деятельности»¹. Таким образом, экологическое сознание, необходимость формирования которого на ценностном уровне присутствует в настоящий момент, должно выступить в качестве ключевого направления становления этой частично утраченной связи.

Современное общество столкнулось с аксиологической проблемой: либо сохранить господствующий способ взаимодействия с природой, либо радикально изменить сложившийся тип деятельности и сохранить биосферу в состоянии пригодном для собственной жизни. Поэтому по своим целям и ориентациям это сознание направлено на выработку глобальной стратегии предотвращения биосоциальной экологической катастрофы. Особо следует подчеркнуть глобальный ценностный характер данной стратегии, так как предотвращение этой катастрофы невозможно только на локальном или региональном уровне.

Очевидно, что второй вариант (радикальное изменение характера деятельности человека) единственно приемлем, так как человек пока не способен искусственно воссоздать или найти иное место своего бытия кроме как на собственной планете. Однако и данная мера в силу своей радикальности и всеобщности предполагает беспрецедентную по сложности и масштабности переориентацию всех видов человеческой деятельности, в первую очередь, тех, которые исторически сложились как разрушительные для природной среды. Такое изменение, в принципе, может быть возможным, но не на данном этапе экономического развития общества. Обусловлено это тем, что в современном мире направление производственной деятельности, как и возможности разработок альтернативных технологий производства напрямую зависят от динамики социальных институтов, прежде всего – сектора экономики, который занимается добычей природных ресурсов и формирует ценностный мир массового потребителя. Данная программа изменений должна подразумевать под собой то, что экологическая деятельность, направленная на сокращение потребления природных ресурсов, должна проводиться за счет компаний, которые эти ресурсы и добывают.

Ценностные изменения в сфере общественного сознания в сторону экологизации возможны в случае открытия принципиально нового способа производства энергии либо неизвестного пока её вида. Но общественное признание данной тенденции затруднено в силу того, что группы, контролируемые на данный момент рынок добычи и сбыта такого вида энергоресурсов, как ядерное и добываемое из природных недр топливо (последствия использования первого также наносят неоспоримый вред экосистеме) просто не дадут полноценно развиваться новой отрасли. Поэтому результаты исследований в этом направлении могут иметь смысл лишь через пятьдесят-сто лет, когда на планете начнут заканчиваться запасы нефти, газа и угля, а мест захоронения ядерных отходов будет просто не хватать. Тогда, если ядерная энергетика не захватит первенство за счет выброса отходов в космос, эти отрасли перестанут приносить группам, их контролирующим, достаточно капиталов для того, чтобы искусственно сдерживать развитие новых технологий. Но и такой прогноз может не осуществиться, потому что последствия сегодняшнего природопотребления могут привести к гибели человеческой цивилизации еще до наступления прогнозируемого момента.

Подобный ход событий может быть обусловлен глобальными проблемами экологического характера, которые существуют в окружающем нас мире. Признавая вслед за А.Н. Чумаковым, что «глобальные проблемы возрастают из-за возникающих локальных и региональных противостояний. Глобализация, как оказывается, приводит к всеобщей универсализации, даже в научном мире. Мир оказывается сложно структурированным, а значит – более уязвимым»², заметим, глобальность – это еще одна важнейшая черта, которой должно обладать экологическое сознание, что обусловлено масштабами усилий, прилагаемых к решению общемировых проблем. Все они концентрируются не на проблеме природопользования и природосбережения, а на человеке. Мерой всеобщности в данном случае служит степень угрозы существованию общества, исходящая от этих проблем.

В этой связи проведение совместно с ведущими мировыми державами целена-

правленной и эффективной экологической политики является в настоящее время необходимым элементом дальнейшего развития нашей страны и всего мира в целом. Современные экологические проблемы не знают государственных границ. При этом экология становится проблемой всех форм общественного бытия, даже тех, которые, на первый взгляд, к ней не относятся. Теоретически, экополитика должна быть направлена на идеологическое формирование общества с развитой экологической культурой и массовым экологическим сознанием посредством использования политического ресурса и с учетом других культурных детерминант. Средства для становления экологического сознания – экологическая пропаганда и образование на уровне отдельного человека, обеспечение правовой базы со стороны государства, развитие властью экономических интересов, направленных на вложения средств в природоохранную сферу – в той или иной степени используются всеми странами с развитой промышленностью, но их явно недостаточно. При этом сохранение в обществе идеалов, чуждых власти, которая ориентируется, в первую очередь, на развитие экономики, способно расширить поле её влияния, включить в число своих союзников представителей альтернативных общественных течений природоохранного характера.

Слепая боязнь утратить собственное место обитания подталкивает на сотрудничество с властными институтами и вовсе аполитичные общественные элементы. Человек, незаинтересованный напрямую в укреплении геополитического статуса, вхождении в какие-либо международные организации, не может избежать идеологического влияния в данной сфере. Именно точечные, показательные действия власти по предотвращению экологических катастроф, природных катаклизмов, которые изрядно подогреваются и находят широкое распространение в СМИ, способны вызвать в человеке чувство защищенности. Оно, в свою очередь, подтолкнет его отдать голос в пользу существующего государственного аппарата в лице определенных чиновников.

На самом же деле, такая совместная деятельность государственных структур и СМИ, хотя и носит статус природоохранной,

так как, безусловно, помогает решить некоторые локальные задачи, не является характерной для общества, обладающего зачатками экологического сознания. Экологически развитое общество, осуществившее переход от политики устранения последствий экологических кризисов к политике их предотвращения, просто невыгодно для власти. В этом случае в экологическом направлении развития общественного сознания, которое способно оказывать влияние, как на политические силы, так и на отдельного гражданина, у власти отнимают один из самых, если не самый эффективный и безвредный относительно ее самой элемент управления – экологический страх. Вернее будет сказать, что современная власть на исследуемом уровне своего влияния еще неспособна отказаться от применения указанного принципа управления обществом. Более простой для государства является политика идеологического подавления и подчинения человека.

Тревога, переживание чувства нестабильности, поиск поддержки извне – то, на что делают упор в разработке своих программ экологически направленные политические организации. Те силы, которые должны являться носителями аксиоматики экологического сознания и активно распространять его идеалы, пользуются теми же средствами манипуляции общественным сознанием, что и власть, стремящаяся таким образом не столько воздействовать на мнение общества, сколько его подчинить. Как российская партия «Зеленых», так и движение «Greenpeace», которые известны в основном медийными акциями протеста, в своей основе являются, скорее, не экологическими, а политическими организациями.

При этом стремление к увеличению количества собственных членов не ведет партии к решению глобальных проблем (площадь зеленых насаждений, например, не становится ощутимо больше), зато их лидеры получают доступ к государственной власти, экономическим рычагам страны. Жажда власти, которая базируется на антропоцентризме и эгоизме, не только способна привести к тому, что интересы формирования экологического сознания отстаиваются средствами, которые ему противоречат, но даже к их открытой подмене.

Так, например, в России, в частности в Саратовской области, гораздо выгоднее считается захоронение побочных продуктов ядерного распада, чем забота о здоровье собственных жителей и их потомков. Принцип действия медийного инструментария здесь предельно ясен. Власть, пользуясь всеми возможными СМИ, заявляет о безопасности технологий утилизации, самом передовом оборудовании, используемом в этом процессе. Человеку внушается состояние защищенности, комфорта и даже – экономической выгоды. Решение экологически проблемной ситуации возлагается на плечи властных структур, и они «успешно» с ней справляются. Власть сдерживает вредное влияние негативного экологического фактора на окружающую среду и здоровье человека. На самом же деле, причиной возникновения этого фактора является экономический интерес властных и бизнес-элит, но не практическая польза людей. Здесь может встать вопрос о принципиальной необходимости использования экологически небезопасных технологий. Ответ в большинстве случаев очевиден: он заключен в обратнoзависимой цепи «необходимость – власть – лоббирование интересов элит – деньги – консюмеристские ценности». Указанный же факт приведен в качестве конкретного примера подмены ценностей экологического сознания путем манипуляции общественным сознанием посредством пропаганды в СМИ.

Существует две основные проблемы, о которых говорят сами государственные деятели: декларативность законодательных норм и их недостаточность. На самом же деле, эти обозначенные проблемы скрывают необходимость решения более глубоких, являясь их следствиями. Это – государственный приоритет интересов экономического развития над экологическим благополучием и слабое внимание власти к возможности предотвращения экологических катаклизмов. В настоящий момент для государства и его представителей выгоднее в финансовом и идеологическом плане устранять последствия.

Как отмечалось выше, основной деятельностью государства и природоохранных организаций является точечное, показатель-

ное воздействие на негативные экологические факторы. Решение проблем, связанных с экологическим кризисом посредством трансформации общества, не является приоритетной задачей ни тех, ни других. Движения экологического характера ставят экологическое сознание во главу своей идеологии, но на практике действуют точно так же, как и политико-экономические институты.

Для становления экологического сознания необходима легитимация экологических ценностей и подготовленная культурная среда, которая пока еще не создана. Вопрос о наличии в европейской культуре рычагов, с помощью которых экологическое сознание способно проникнуть в массовую культуру, сменив чувство защищенности со стороны государства чувством ответственности за собственную деятельность, остается за гранью политического дискурса, ограничивающегося редкими поощрениями продуцирования экологической культуры через образовательный процесс.

В нашей стране развитие данного направления деятельности органов государственной власти не имеет под собой твердой почвы. Власть, сосредоточенная на экономических ценностях, неспособна стать той, которая могла бы применить максимы экологического сознания к современной культуре и мировоззрению. Баланс между направленностью человеческого общества и политических институтов на экспансию техногенной цивилизации и возможностью построения общества, характеризуемого экологическим сознанием, смещен в сторону первой. И без мировоззренческой и нравственной переориентации социально-значимых ценностей, включения в государственный политико-правовой инструментарий факторов культурно-идеологического влияния на нынешнем этапе развития политической системы в России процесс формирования властью эффективной экологически направленной официальной идеологии невозможен.

Примечания

¹ Урсул А.Д. Устойчивое социоприродное развитие / А.Д. Урсул, Ф.Д. Демидов. М., 2006. С.15.

² Чумаков А.Н. Метафизика глобализации (Культурно-цивилизационный контекст) / А.Н. Чумаков. М., 2006. С.54.

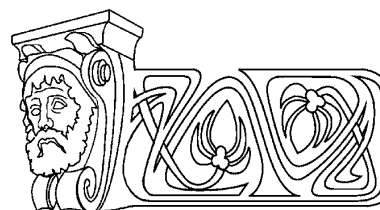

УДК 111.1

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ: «ЗАКАТ» ИЛИ РАЗВИТИЕ?

Б.И. Мокин

Саратовский государственный университет
E-mail: borisivanovitch.mokin@yandex.ru

В статье обосновывается, что философия есть особый способ постижения действительности, неразрывно связанный с дедуктивным методом и не опирающийся на фактическое знание об окружающем мире. Ей свойственно и свое мышление – «осмысляющее», в отличие от научного – «вычисляющего», которому чужды проблемы духовности, что обедняет духовный мир человека, превращая его постепенно в «живой мыслящий робот».

Ключевые слова: «закат» философии, «осмысляющее» мышление, «вычисляющее» мышление, душа, духовность.

Modern Philosophy: the Decline or the Development?

B.I. Mokin

In the article the author bases the statement that the philosophy is a peculiar way of the comprehension of the actuality, the way that is inseparably connected with deduction and is not leaned upon the actual knowledge about the surrounding world. And the way of thinking that is inherent to the philosophy is 'interpretative' unlike the scientific way of thinking that can be defined as a 'calculative' one. The problems of the spirituality are alien to it and it impoverishes the spiritual world of a human turning him gradually into a lively thinking robot.

Key words: the decline of the philosophy, the interpretative way of thinking, the calculative way of thinking, the soul, the spirituality.

Идея заката западноевропейской культуры, выдвинутая в начале прошлого века О. Шпенглером, потрясла читателей его книги. Со временем острота этой оценки притупилась, но активное освоение пространства современной культуры постмодернизмом не может не заставить вновь задуматься о проблеме «заката». Размышляя об этом, остановимся на философии, которая обладает в постижении человеком мира особым статусом, заключая в себе и мировоззренческую, и методологическую сферы, определяя, в конечном счете, направленность всей человеческой деятельности. Итак, правомерно ли говорить о «закате философии»? Или слухи об этом оказались «преждевременными»?

Негативное отношение к традиционной философии и философии вообще возникло не сегодня. Еще в конце XIX в. известный физик Э. Мах, размышляющий о философии и ее роли в обществе, заявлял, что задачей своего творчества в этой сфере он считает очи-

щение науки от метафизических домыслов с тем, чтобы избавить научную мысль от напрасных блужданий, к чему, по его мнению, ее толкают априорные идеи философов. При этом он отмечал, что его работы, посвященные анализу философского знания, представляют собой творчество ученого, подчеркивая: «Нет философии Маха»¹. Но особенно отрицательное отношение к традиционной философии присуще постмодернизму, представители которого заявляют, что в Тексте как культурном коде все языки равны (Р. Барт) – художественный, философский, политический, научный, и утверждают, что подходить к Тексту надо исходя из феномена интеллектуальной игры. В деконструкции Ж. Деррида такой феномен представлен наиболее ярко, что связано у него с интересом, как он сам отмечает, к такому «критическому чтению»², в котором он стремится осуществить тотальную игру взаимозависимостей знаков. Эта игра и приводит его к отрицанию всей предшествующей философии, о чем особенно выразительно высказалась поклонница Деррида С. Кофманн, призывающая сжечь всё, чему мы ранее поклонялись, чтобы войти в новый храм, ибо «неслышанное и невиданное» письмо Деррида запрещает нам все привычные подходы³.

Учитывая такую направленность отношения к традиционной философии и философии вообще, прежде всего следует обратиться к истокам ее формирования, раскрывающим ее сущностную основу, а следовательно, и назначение.

Сама история становления и развития человеческого сознания свидетельствует о том, что осмысление мира – это способ выживания предчеловека и человека, не обладающего многими свойствами животных, необходимыми для приспособления к окружающей среде, а его осуществление шло

двумя путями – в соответствии с двумя объектами этого осмысления. *Первый* – путь познания конкретных вещей и явлений окружающего мира, дающий возможность использовать получаемое знание в практических целях, что обеспечивает жизнеспособность становящегося человека. Это отмечают многие философы, сошлемся лишь на Ю. Хабермаса, который, обобщая данные истории человеческого рода, говорит, что «познание является инструментом самосохранения»⁴. Это путь наблюдения, сопоставления, а затем – обобщения, абстрагирования и образования понятий с установлением между ними логических, по своей сути содержательных, связей. На этом пути формируется мышление, которое, используя термин М. Хайдеггера, следует определить как *вычисляющее*; его основой является индуктивный метод получения знания.

Но формирующийся человек уже выделяет себя из природной среды, что связано с логикой размышления иного порядка, когда сравниваются не отдельные вещи, а осуществляется сопоставление двух целостностей и их различение – себя и окружающей среды. Это – *второй* путь постижения действительности, в котором их мысленное соотнесение есть первый акт дедуктивной мысли. Здесь происходит понимание себя лишь в предельно общем аспекте на основе отличия от окружающего мира. Такое знание, по своей сути, является мировоззренческим, и оно уже включает в себе существенные черты *философского* осмысления действительности. Но в своем *особом статусе* – как *философского* – знание, полученное в результате сопоставления мыслящего Я и окружающей среды, оформляется исторически позднее, а именно в процессе целенаправленного стремления человека выявить фундаментальную основу не только самого Я, но и окружающего мира как целого. Смысл такого сопоставления ясно выразил Фихте: он заключается во взаимоотношении Я и не-Я. Само же это стремление человека обусловлено формированием той стороны мышления, которая основана на дедуктивном выведении связей. Первым актом такого мышления является указанное сопоставление Я и не-Я.

Философское мышление, таким образом, уже в самом становлении отличается от научного (и, конечно, обыденного) как по объекту своего осмысления, каковым в первом случае является предельно общая картина действительности во взаимодействии Я и не-Я, так и по способу размышления – дедуктивному. Такое мышление не опирается на знание конкретных вещей и их связей; к его характеристике применим термин «осмысляющее», введенный Хайдеггером и подчеркивающий его принципиальное отличие от «вычисляющего» мышления. Последнее присуще обыденному и научному познанию, а также – технической мысли. Знание, полученное в процессе такого мышления, несмотря на высокий уровень обобщения и абстрагирования, свойственный научной сфере, в конечном счете, восходит к знанию фактов чувственного мира. Обратимся вновь к Э. Маху, который писал, что «цель всякой науки – изобразить факты в идеях»⁵, уточняя при этом, что «наши идеи вполне воспроизводят факты чувственного мира. Это воспроизведение и есть задача и цель физики»⁶. Следует лишь подчеркнуть, что восходят они к стремлению древнейшего человека познавать свойства и связи отдельных вещей с тем, чтобы использовать их в практических целях.

Вычисляющее мышление достигло в настоящее время колоссальных, даже фантастических, успехов; оно способно создать коллаидеры, нанороботов, вычислить, куда выгоднее вложить финансовые средства, но оно мало что может дать не только для осмысления духовного бытия человека, но и для мировоззренческого знания вообще, ибо такое знание, полученное в ходе вычисляющего мышления, нацелено, в конечном счете, на господство над окружающим миром (пусть даже разумным). Эта установка не дает человеку возможности размышлять о себе, о душе, духовности, о своем месте в мире и не продвигает нас в понимании себя. Даже если бы была достигнута фантастическая ситуация, созданная воображением Р. Рорти, когда вместо заявления: «Мне больно», – употреблялось бы выражение: «С-волокна стимулируются»⁷, а с помощью цереброскопов можно было бы тщательно исследовать,

как происходит трансформация физиологических процессов в психические, ментальные, – все равно «душа» осталась бы «в потемках».

Безусловным засилием вычисляющего мышления объясняется и утрата интереса к духовной сфере, размышления о которой, с точки зрения «положительного» знания, бесплодны. Но забвение духовной жизни и является выражением деградации мысли человека, которому в равной степени важно и нужно знание как об окружающем мире, так и о своем духовном бытии. Правда, падению интереса к духовной сфере в определенной степени препятствует религия, которая никогда о ней не забывала. Но ее понимание духовности существенно иное, нежели нерелигиозные представления о ней. И философия не заменима в осмыслении этого феномена человеческого бытия, что напрямую связано и с практической жизнью человека, прежде всего, с формированием нравственных установок его поведения.

Понимание же Я на основе сопоставления с не-Я связано с сущностной стороной, фиксирующей его принципиальное отличие от не-Я. Этот познавательный акт и служит истоком дедуктивных размышлений, которые относятся уже не только к пониманию Я, но и к другому компоненту системы «Я – не-Я». Происходит становление философии как особого *способа познания* и размышления. Причем понимание того и другого на основе выявления их различия носит предельно общий характер, а знание, получаемое в результате этого сопоставления, логически оценивается как фундаментальное.

Возможный же ход размышления – при наличии лишь двух компонентов мысли (Я и не-Я) – включает целую систему вопрошаний, начиная с выяснения, не является ли материальность окружающего мира, от которого отлично сознающее Я, лишь видимостью, за которой скрывается некое духовное, родственное душе человека начало – иначе откуда бы взятась человеческой душе? С этим связано и множество других вопрошаний, осмысление которых создает предельно общую картину мира – онтологическую, сопряженную и с логикой дедуктивной мысли, и с общими вопросами теории познания. При

этом речь идет не только о фундаментальных основах не-Я, но вместе с тем о всё новых размышлениях о душе, духе, сознании, к осмыслению которых человек обращается вновь и вновь, поскольку их понимание непосредственно связано с трактовкой фундаментальных основ окружающего мира (не-Я), что обусловлено всеобщим характером смыслов, вкладываемых в эти понятия.

Не опираясь на факты, философское знание, однако, связано с накоплением опыта, но иного порядка, нежели в науке, а именно: с возможностью понимания многообразия предметов и явлений как целостностей, к чему мышление приходит не через цепь логических связей, устанавливаемых между единичными вещами, а в результате его *синтезирующей* способности, наподобие той, что свойственна чувственному восприятию, представляющему собой тоже целостное образование как совокупность ощущений. Это та способность, благодаря которой для человека очевидно взаимное отличие треугольника, круга, квадрата и т.п. без всяких логических доказательств. Гуссерль эту способность мышления связал с феноменологической интуицией, хотя для определения данного познавательного феномена обязательно использовать именно этот термин.

Имея в виду наличие такого мыслительного опыта, позволяющего «схватывать» некоторую совокупность явлений как целостность, на чем, собственно, и покоится философствование, не следует понятие «априорный» оценивать негативно – как только что умозрительное, не имеющее отношения к реальному миру. С образованием априорного знания связан не опыт отношений человека к единичным вещам, а *интеллигибельный опыт* «видения» некоторого их множества как целостности и способности сознания мысленно ее сопоставлять с другими целостностями. Уже в античном мышлении такой способ использовался в полной мере. Наиболее широко он осуществляется Платоном, отправной точкой в понимании фундаментальных основ мира у которого выступает аналогия с миром идей человека. Размышлять о душе, о мире и его «основах», о смысле жизни, бытия, о судьбе и свободе, на что прежде всего и нацелено философское мыш-

ление, невозможно как о чем-то конкретном, ибо философское знание определяет объекты своего интереса в предельно широком плане – через выяснение их принципиального различия, восходящего к взаимоопределению Я и не-Я, в силу чего оно существует в бинарных понятиях: материальное – идеальное, бытие – небытие и т.п.

Но такое мышление, опирающееся на априорные идеи, не может удовлетворять исследователей, ориентированных на естественные науки. Поэтому с тех пор, как в обществе широко утвердилось «положительное» знание, знание, получаемое дедуктивным способом из некоторых всеобщих логических оснований, подвергается отрицанию. Перевод же исследовательского внимания с вопрошаний, возникающих в процессе рассмотрения фундаментальных, всегда бинарных понятий, на проблемы, связанные с «положительным» знанием, стирает различия между последним и философией. По поводу такой ситуации в философии М. Хайдеггер справедливо говорил в беседе с французским корреспондентом: «Сегодня то, что называется философией, редко бывает чем-либо иным как отпечатком технической идеологии, заимствующим методы, свойственные физике и биологии»⁸.

Однако благодаря успехам науки и техники вычисляющее мышление оставляет все меньше пространства в сознании человека осмысляющему компоненту. И это проявляется не только в том, что представители «позитивного» знания отрицают значимость традиционного философствования, но и в том, что в самой философской мысли в XX в. центр внимания переносится на языковую сферу («лингвистический поворот»), причем в различных аспектах, начиная с утверждения о том, что «язык – дом бытия» (Хайдеггер), и представителей философов-аналитиков, с точки зрения которых решение философских проблем невозможно без логического анализа языка, поскольку «1) рассмотрению языка не предшествует рассмотрение мысли; 2) рассмотрение языка исчерпывает рассмотрение мышления; 3) не существует иных адекватных способов, посредством которых может быть достигнуто адекватное рассмотрение мысли»⁹. Конечно, об-

ращение к объектам, для анализа которых могут быть использованы понятия, не обладающие всеобщностью, возможно, но такое знание не составляет фундамента философии как *особого способа постижения* действительности; оно выступает «частным» случаем философского исследования, т.е. представляет собой анализ какой-либо сферы действительности с философских позиций, который никак не может исчерпать философскую сферу знания, такую же безграничную, как процесс познания действительности конкретными науками.

Подмена же философского, осмысляющего мышления вычисляющим обедняет человека настолько, что он превращается в своего рода «мыслящий деловой робот». Правда, остается еще поэтическое мышление, «мышление в образах», которое восходит к эстетическому созерцанию (о нем мы в данном случае не будем вести речь), но и оно может быть вытеснено вычисляющим мышлением, а человеку с таким мышлением непонятно и чуждо паскалевское «безмолвное созерцание» с его вопросом: «Человек в бесконечности – что он значит?»

Понимание же духовной сферы при этом связано с многознанием (если, конечно, не сводится к религиозному представлению), а размышление о духовности личности как ее устремленности мыслить и переживать высокое предназначение человека, преодолевающей господство мелких и обыденных интересов, сводится к социологическим выкладкам, обращенным к сфере культуры вообще. «Душа», «дух» при этом становятся ненужными понятиями, что равноценно потере человеком самого себя, ибо понимание себя было, есть и будет для него так же важно, как и познание законов окружающего мира. Поэтому мировоззренческое знание, представляющее собой в основе отношение Я и не-Я, на базе которого и возникает философия как особый способ постижения действительности, формируется независимо от познания конкретных вещей. И этот способ невозможен в пространстве вычисляющего мышления, ориентированного на получение практического знания, хотя осмысляющее мышление использует его обобщающие выводы, в свою очередь, методологически направляя процесс познания окружающего мира.

В преувеличенном критицизме современных философов по отношению к философствованию предшествующих веков безусловно одно: философская мысль современности не может быть такой же, как в прошлом, так как любая мысль, особенно философская, динамична. Ж. Делёз такой динамизм выразил в идее «номадической» (кочующей) философии. И в этом отношении он прав – философская мысль не может быть «застывшей», ибо, как показывает история философии, в то или иное понятие, идею каждый философ вкладывает свой смысл, выражаемый, по Делёзу, в «концепте». Именно в смене смыслов, что связано с изменением видения, заключается динамизм философской мысли, поэтому нельзя не согласиться с Делёзом в том, что «как только появляется концепт, рождается и подлинная философия»¹⁰.

Однако нельзя философскую мысль, учитывая ее динамизм и неопределенность – вследствие всеобщности и широты понятий – сводить к своего рода интеллектуальной игре. Ее предназначение с самого начала формирования – постигать мир и, прежде всего, себя, человека, свою «душу», духовность. Стремление к ее интерпретации в игровом аспекте – напластования уже современной философии, обусловленные опять же влиянием вычисляющего мышления, для которого умозрительные философские построения бессмысленны.

Конечно, критика предшествующих концепций для философии является, по существу, ее необходимым компонентом, но попытки «преодолеть» традиционную философию каким-то другим способом размышления не могут быть успешным. Даже такой критик метафизики, как Ж. Деррида, понимал, что ее нельзя «выбросить в мусорный ящик»¹¹. Эта невозможность обусловлена тем, что философское, по своей сути, осмысляющее мышление восходит к фундаментальной основе – взаимоотношению Я и не-Я, хотя в современном философствовании этот «фундамент» сокрыт, неявен вследствие его ориентации на анализ языковой сферы.

Примечания

¹ Мах Э. Анализ ощущений / Э. Мах. М., 2005. С.299.

² Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. М., 2000. С.111.

³ Там же. С.54.

⁴ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас. М., 2007. С.185.

⁵ Мах Э. Указ. соч. С.263.

⁶ Там же.

⁷ Рорти Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. Новосибирск, 1997. С.59.

⁸ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. М., 1992. С.157.

⁹ Dummett M. The interpretation of Frege's Philosophy / M. Dummett. L., 1981. P.39.

¹⁰ Делёз Ж. Переговоры / Ж. Делёз. СПб., 2004. С.50.

¹¹ Жак Деррида в Москве / Пер. с фр. и англ.; предисл. М.К. Рыхлина. М., 1993. С.168.

УДК [111.32+316.37](100)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ТРАДИЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Н.В. Огонесова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: naducha-84@mail.ru

Статья посвящена анализу социально-философских оснований деструктивной деятельности человека. Дается краткая характеристика различных концепций по данной проблеме, которые можно условно разделить на два направления. С одной стороны, природа

деструктивности рассматривается как биологическая предрасположенность, а с другой – как социально детерминированная.

Ключевые слова: деструкция, деструктивная деятельность, цивилизация, агрессия, насилие, инстинкт.

Conceptual Grounds of the Human Destructive Activity in Tradition of the Social-Psychological Approach: Social-Philosophical Analysis

N.V. Ogonosova

The article is devoted to the analysis of the social and philosophical grounds of the destructive human activity. The brief characteristic of various concepts on the given problem which can be divided into two directions conditionally are also given. On the one hand the nature of destruction is examined as a biological predisposition, and on the other hand – as socially determined.

Key words: destruction, destructive activity, civilization, aggression, violence, instinct.

Исследование феномена человеческой деструктивности затрагивает такие пласты развития общества, от которых зависят его здоровье и перспективы развития. Философия одна из первых откликнулась на изменения, происходящие в современной социокультурной среде. Эти изменения и многочисленные проявления деструктивной деятельности человека особо ярко проявили себя в XX – начале XXI в. XX в. раскрыл в человеке самые темные стороны. Мировые войны, революции, террор – и это только часть тех деструктивных действий, которые так активно освоил и применил человек. Современное общество характеризуется также увеличением влияния информационной сферы на социальное бытие. Используются различные технологии формирования сознания, которые разрушают личность изнутри и моделируют ее согласно определенному социальному заказу. Исходя из вышесказанного, возникает необходимость, помимо констатации факта и анализа форм проявления деструктивной деятельности человека, выявить, что является причиной, породившей данное явление.

Рефлексия исторической событийности XX в. породила теоретический анализ социальной деструктивности как ключевой характеристики современного общества. Такие мыслители, как О. Шпенглер, Н. Бердяев, К. Лоренц, Х. Ортега-и-Гассет, Ю. Лотман и другие, отразили в своих трудах нарастание деструктивных тенденций в общественной жизни, однако их работы не были посвящены детальному изучению этого феномена.

Феномен социальной деструктивности можно рассматривать с позиций двух уровней: *субъектно-антропного* и *макроуровня*.

На первом применяется социально-психологический подход к анализу феномена социальной деструктивности, который, в свою очередь, следует подразделять на социобиологизм и социопсихологизм. На втором уровне социальная деструктивность рассматривается как один из элементов социальной системы. Здесь выделяются такие направления, как концепции теории власти, теория социального конфликта, к проявлениям которого относятся следующие социальные явления: ксенофобия, терроризм, anomia. Феномен социальной деструктивности исследуется как существующий не на уровне отдельных личностей, а как важный фактор протекания социальных процессов.

В данной статье будут рассмотрены варианты интерпретации феномена социальной деструктивности в рамках социально-психологического подхода. Этот феномен традиционно изучался в рамках психоаналитических и социологических школ: рассматривались такие проблемы, как фрустрация, девиантное поведение, подростковая агрессия, криминальная субкультура. Представители этих школ берут за основу один из элементов деструктивных проявлений, в то время как социально-философское исследование представляет целостную картину явления.

В работах социобиологического характера природа деструктивности трактуется как биологическая предрасположенность. Например, с точки зрения Ч. Ломброзо, асоциальное поведение представляет собой такое же необходимое и естественное явление для человека, как рождение и смерть, как зачатие и болезни. В связи с этим он выдвигает тезис, согласно которому существуют «прирожденные» преступники, обладающие специфическими антропологическими, физиологическими и психологическими признаками. Сходные идеи развивает теория «наследственного предрасположения» (труды О. Кинберга, О. Ланге, Е. Гейера, Ж. Пинателя). Сторонники указанной концепции полагают, что по наследству передаются ключевые психические свойства, в том числе и склонность к преступлениям¹.

В рамках биологического эволюционизма проблему агрессивности исследовал К. Лоренц, сделавший выводы о человеческой де-

структивности, изначально основываясь на наблюдениях за животными. Ученому принадлежит знаменитая фраза: «Есть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьезной опасностью, которая грозит человечеству в современных условиях»². Исследователь проводит аналогию между психоаналитической теорией инстинктов и влечений и результатами изучения физиологии поведения. Агрессия наделяется «правами» наравне со всеми другими инстинктами живого существа, и в естественных условиях она служит цели сохранения вида, выживания его отдельных представителей. Развитие цивилизации с её нормами социального поведения сопряжено с запретом разрядки инстинктов, агрессивных побуждений, от чего и страдает современный человек. Отсутствие адекватного выхода агрессивности, которой снабдил человека внутривидовой отбор в далёкой древности, приводит к нервным или психическим расстройствам.

С точки зрения данного подхода, гипертрофированная агрессивность современного человека объясняется хищническим началом в его натуре. Однако являясь по натуре существом всеядным и сравнительно безобидным, человек не располагает естественным оружием, которое есть у хищников, но именно поэтому у него и нет тех механизмов, которые сдерживают агрессию, например, против сородичей. Развитие надындивидуального опыта, общедоступность и возможность применения искусственного оружия вступают в конфликт с запретами на агрессию. Дальнейшее развитие «техники» убийства, изобретение всё более утонченных механизмов «дистанционного» убийства приводит к тому, что человек не осознает последствий своих деяний.

Среди факторов, оказавших сильнейшее воздействие на растущую агрессивность человека, К. Лоренц выделил следующие: исходное действие внутривидового отбора, изобретение оружия и растущие темпы развития культуры и науки, такие социальные параметры, как скученность, огромное количество социальных контактов при общей анонимности социума и отдельных групп. С

другой стороны, существуют механизмы, сдерживающие человеческую агрессивность. Прежде всего, это – мораль как требование разумной ответственности.

Сублимация социальной деструктивности может быть связана с переориентацией агрессии. Социально приемлемыми клапанами являются спорт, поиск экстремальных ситуаций (например, исследования космического пространства), в целом – наука и искусство, в которых реализуется энергия воодушевления, изначально имеющая агрессивный характер.

С позиции эволюционизма источник деструктивности заключается не в цивилизационных основаниях социума, а в биологической природе самого человека, причем инстинкт агрессивности выступает необходимым элементом естественного отбора, способствующим выживанию вида. Иным вариантом данного подхода является концепция конституционального предрасположения, согласно которой между физической конституцией, психическим складом и типом поведения существует тесная взаимосвязь. Подобных взглядов придерживались З. Фрейд и его последователи, которые рассматривали природу деструктивности как проявление врожденных, бессознательных инстинктов и влечений. В своей работе «По ту сторону принципа удовольствия» ученый свел все врожденные инстинкты к двум началам: Эросу, инстинкту продолжения рода, стремлению к жизни, т.е. созидающему началу, и Танатосу – стремлению к смерти, деструктивному началу³. Агрессивность является составным элементом Танатоса, и при определенных условиях деструктивный потенциал человека результируется в войнах, репрессиях, насилии и жестокости. Влечение находится между бессознательными биологическими процессами и сознательным желанием или волевым актом. И само бессознательное, согласно З. Фрейду, выступает как биологическое основание сознания, наделенное смыслом, доступным для интерпретации.

Агрессивность меньше всего поддается «окультуриванию», и её естественное проявление с необходимостью заканчивается вытеснением. Скрытая агрессивность человека,

если она проявляется на протяжении всей его жизни, в частности, объясняется подавлением неприятия строгости его родителей. Ребенок не может себе позволить открытое агрессивное поведение с родителями, оказывающими сильное давление, и в дальнейшей жизни подавленная агрессивность проявляется в своеобразных формах: например, в необъяснимо сильном стремлении испытывать чувство смертельной опасности.

Интересными являются наблюдения З. Фрейда за агрессивностью социальных групп. В своем исследовании общества психоаналитик заметил, что если агрессивности необходим выход за рамки нормального поведения конкретного социума, то наблюдается направленность агрессии на представителей других групп. «Всегда можно соединить связями любви огромное множество людей; единственное, что требуется, – это наличие того, кто станет объектом агрессии»⁴. Агрессия может актуализироваться в различных формах, но все ее проявления представляют собой попытку индивида подвергнуть контролю и воздействию окружающий мир или себя самого. Достижение желаемого (цели) требует контроля над воздействующими факторами, кроме того, необходима определенная активность (энергия). В этом смысле агрессию можно рассматривать как модулированную энергию, направленную на преодоление препятствий.

Понятие агрессивного стимула, объединяющего в себе психологические и биологические проявления, в качестве «основного» инстинкта обозначил А. Адлер. В этом отношении агрессивный инстинкт выступает аналогом психической энергии, которая служит для компенсаторного преодоления путем агрессии биологических недостатков индивида. С точки зрения исследователя, агрессивный инстинкт доминирует над сексуальным и представляет собой способ преодоления препятствий на пути к цели, неся адаптивную функцию.

Необходимо отметить, что насилие, которое является одним из видов разрушения, это, прежде всего, социальный феномен. Человеку присущи инстинкты и страсти. Первые – это категория биологическая, страсти –

социобиологическая. Соответственно, человеческая агрессивность может рассматриваться в двух аспектах: как биологический и как социальный феномен. В своей книге «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм дает терминологическое пояснение употреблению слова «агрессия»: «Я в данной книге употреблял слово “агрессия” в отношении поведения, связанного с самообороной, с ответной реакцией на угрозу, и, в конечном счете, пришел к понятию доброкачественной агрессии. А специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать (злокачественная агрессия) я выделяю в особую группу и называю словами “деструктивность” и “жестокость”»⁵. «Доброкачественная» агрессия является общим филогенетическим импульсом любого живого существа как инстинкт к сохранению жизни. Деструктивность и жестокость не служат биологическому приспособлению, не являются частью биологической программы, таковой род агрессии присущ только человеку.

В рамках анализируемого социально-психологического направления более высокий интерес субъективный уровень, приближенный к философскому пониманию проблемы, представляют концепции Франкфуртской школы, видными представителями которой являются Т. Адорно, М. Хоркхаймер и Г. Маркузе. Не создав четкой концепции социальной деструкции, значительное внимание франкфуртцы уделяют анализу негативных проявлений западной цивилизации. Рассматривая эпоху Просвещения, Т. Адорно и М. Хоркхаймер интерпретируют цивилизацию как деструкцию, обосновывая это тем, что воспринимавшийся ранее человечеством путь прогресса оказался путем самоуничтожения: «Эта линия является линией одновременно и деструкции, и цивилизации. Каждый шаг являлся прогрессом, этапом Просвещения»⁶.

Выходя за пределы марксистской интерпретации проблемы социальной деструкции, мыслители находят причины данного явления в особенностях взаимоотношения человека и природы, поскольку «...со времен

своего возникновения биологический вид “человек” всегда демонстрировал себя всем остальным в качестве эволюционно самого развитого и потому как самую страшную разрушительную силу»⁷. Отношение человека к природе вследствие их противопоставления имеет насильственный характер. Это противопоставление определило «просвещенческий» вектор развития человечества и деструктивный вектор развития цивилизации. С позиции франкфуртской школы генезис социальной деструктивности заключается в гносеологическом посыле: через познание человек стремится осуществить доминирование над природой.

В рамках Франкфуртской школы Г. Маркузе исследует разрушительную сторону цивилизации. Понимание социальной деструкции у Г. Маркузе диалектично: выявляется соотношение абсолютной и относительной деструкции. Абсолютную деструкцию философ интерпретирует как процесс трансформации индустриальной цивилизации в одномерное общество, а следовательно, в тоталитарную систему господства и завуалированного рабства. Итогом обозначенного процесса может стать самоуничтожение. В основе структуры общества относительная деструкция проявляет себя в процессе возникновения и развития базового социального принципа господства, взаимодействующего с общественной производительностью, т.е. деятельностью, направленной на создание социальных благ. В этом качестве социальная деструкция предстает попеременно как регрессивный и реформирующий потенциал общества, способствующий общественной динамике в ходе исторического процесса. Исходя из амбивалентности деструкции, Г. Маркузе считает главным не различие деструкции и производительности, а их взаимодействие под воздействием цивилизации: «Универсум дискурса, в котором примиряются противоположности, обладает твердой основой для такого объединения, а именно его прибыльной деструктивностью»⁸. Соответственно, разрушительные тенденции не противоречат принципу западной цивилизации, но являются проявлением ее природы.

В социально-психологическом подходе деструктивность понимается исключительно как человеческий способ отношения к реальности, ключевым моментом которого является разрушение окружающих объектов и систем. В этом смысле деструкция может быть направлена человеком как на внешнюю среду, природу (вследствие разделенности мира на субъект и объект манипулирования), другого человека (в инстинктивном стремлении к выживанию) или обращена на себя, что приводит к алкоголизму, наркомании, суициду. Однако в этом случае проблема социальной деструктивности выходит за пределы дискурса социальной философии. В рамках данного подхода феномен социальной деструктивности рассматривается преимущественно на уровне интенций субъекта как существа биологического и социального.

Социально-психологический и эволюционный подходы, как правило, феномен социальной деструктивности отождествляют с агрессией, что неверно с методологической точки зрения. Социально-философской методологии в большей степени соответствует Франкфуртская школа благодаря ее ориентации на внесубъектные механизмы в формировании и проявлении деструктивности и преимущественной ориентации на макроуровень социальной структуры при концептуализации феномена деструктивности.

Примечания

¹ Targ R. The mind race / R. Targ, K. Hararj. N.Y., 2005. P.250.

² Лоренц К. Агрессия (так называемое «Зло») / К. Лоренц. М., 1994. С.47.

³ См.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд. М., 2004. С.29.

⁴ Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / З. Фрейд. М., 1992. С.53.

⁵ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. Минск, 1999. С.206.

⁶ Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. М.; СПб., 1997. С.117.

⁷ Хоркхаймер М. Указ. соч. С.235.

⁸ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. М., 2003. С.354.

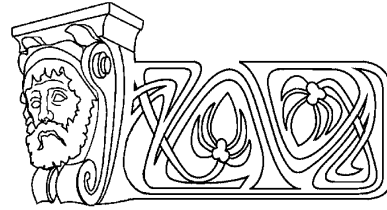

УДК 1(091)

СТРУВЕ В ЭМИГРАЦИИ ОБ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

В.И. Повилайтис

Российский государственный университет им. И. Канта (Калининград)
E-mail: povilaitis@mail.ru

Статья посвящена философии истории Петра Струве. Идеи русского мыслителя исследуются в контексте философии русского зарубежья. Анализируются проблемы философских оснований истории и исторической науки. Рассматриваются публицистические («Дневник политика» 1925–1935) и философские работы Струве в эмиграции.

Ключевые слова: история, познание, методология, русское зарубежье.

Struve in Emigration about History and Historical Knowledge

V.I. Povilaitis

Article is devoted philosophy of history of Peter Struve. Ideas of the Russian thinker are analyzed in a context of philosophy of Russian abroad. Problems of the philosophical bases of history and a historical science are analyzed. Publicistic («The Diary Of The Politician» 1925–1935) and philosophical works of Struve in emigration are considered.

Key words: history, knowledge, methodology, Russian abroad.

Петр Бернгардович Струве (1870–1944) был одной из ключевых фигур русского зарубежья. Идеолог и вождь русского политического консерватизма, он, выражая мнение, действительно, широких слоев эмиграции, делал это нетривиально – его консерватизм базировался на *философском плюрализме*, имея, возможно, одно из самых оригинальных оснований среди доктрин подобного рода. У Струве был свой путь: в духовной эволюции от *легального марксизма* к *либеральному консерватизму*, он никогда не терял своей, всегда узнаваемой манеры мышления.

Сложность изучения идейного развития Струве в эмиграции заключается в том, что, захваченный политической борьбой, он так и не изложил свои философские взгляды систематически. Мы вынуждены реконструировать их, обращаясь к политической публицистике, рецензиям, статьям, ранним работам Струве, а также воспоминаниям современников. Однако подобный метод, к которому вынуждены обращаться все исследователи Струве, подразумевает достаточно высокую свободу в интерпретации материалов, вари-

ативность толкования, что, в свою очередь, приводит к значительным расхождениям в оценках. Не ставя перед собой цели решить все эти вопросы, мы сосредоточились на анализе комплекса его представлений, связанных и с общим пониманием истории, и с его методологическим оформлением.

Начнем с эскизной, но довольно точной характеристики, данной С. Франком философскому мирозерцанию Струве. Говоря о плюралистическом характере его онтологических построений, о склонности признавать реальным только конкретно-единичное («аристотелик»), о тенденции «духовно вкладываться в мир, а потому и воспринимать духовное начало как силу, имманентную миру, активно действующую в нем и его формирующую», Франк отметил действительно важные особенности взглядов Струве¹.

Еще одним, бесспорно важным для Струве, является сформулированный им еще до революции тезис, согласно которому «из того, что нечто существует, не следует, что нечто должно быть; должное никогда не выводимо из сущего; оно всегда утверждается самостоятельно»². В этих пунктах заключена сама возможность автономизации сферы исторического: «...мы должны признавать себя свободными и ответственными <...> Мы можем и потому должны действовать и бороться <...> В этом – философская суть того направления ума и состояния всего духа, которое мы называем активизмом»³. Действительно, для того чтобы отстоять возможность истории, понимаемой в таком ключе, ученый должен, признавая закономерность развития общественной сферы (право сущего), сохранить право на ее нравственную оценку (право должного). Но подобная оценка невозможна в случае, если человек не творец истории, а только ее жертва. С другой стороны, прямым следствием такого подхода является

отказ от веры во всемогущество прогресса, возможность признания значительнейших по своим масштабам событий случайными: далеко *не все* действительно *разумно*, и происходит это именно потому, что человек свободен.

Полемизируя с представителями *народничества* в эмиграции, Струве одним из ключевых его недостатков называл неверное понимание сущности человека. Порок этой популярной в свое время идеологии заключался в том, что она «*свободы лица не ощущает и не любит*», а с этим напрямую связана и другая неприятная особенность части русской интеллигенции – она лишена «*всякого исторического воображения*»⁴. Этот дефект, по мнению Струве, напрямую связан с распространением принципов позитивизма, которыми определяется не только, как мы познаем историю, но и как мы ее *творим* – убеждение в тотальной детерминированности всего происходящего связано не только с *гносеологией*, оно, вызывая определенные ожидания, определяет и нашу *практическую* деятельность.

Есть ли здесь противоречие? Отчасти, да. Признание человека существом свободным с одновременным утверждением самостоятельности и закономерности других сфер (к примеру – экономической) могло бы вызывать определенные сложности при построении монистической историко-философской модели.

Но Струве находит выход, используя идеи А. Курно, который «рассматривал “случай”, или “случайность” как результат пересечения двух независимых один от другого причинных рядов, которые вовсе не должны быть ни равнозначительными, ни однокачественными, и в этом смысле именно незнание и непонимание того, что совершается с нами и вокруг нас, может обуславливать “случайность” исторических событий»⁵. Конечно, нечто подобное говорит и П.Н. Миллюков, но в отличие от него Струве никогда не отрицал *свободы воли*. Если у Миллюкова причинные ряды просто накладываются друг на друга, то у Струве, по крайней мере, один из факторов исторического развития содержит ростки свободы, взрывающие веру в

возможность развернутого исторического предвидения. Вот почему, разрешая вопросы социальной онтологии, Струве выступает как плюралист. К примеру, в статье-рецензии «Заметки о плюрализме» (1923) он заявляет: «Если нужна какая-нибудь метафизическая исходная точка для отдельных наук, то таковой должен быть плюрализм, который в области теории познания и логики может рождать известный номинализм»⁶. Утверждению, что история творится независимыми и свободными личностями, в его гносеологии соответствует *номинализм* – убеждение, что реально существуют только единичные вещи. Но из этого следует признание определенной двойственности используемых нами понятий: так, с точки зрения социологии, прославляющей принцип причинности, «революции или реакции всегда происходят и никогда не “делаются”», в то время как «с точки зрения практической или политической, революции, реакции, контрреволюции всегда именно – “делаются”»⁷.

Вкус к единичному Струве демонстрирует почти во всем: рассуждая, к примеру, об ошибочности социалистической идеи, он указывает, что «хозяйственной жизнью нельзя всецело и сплошь управлять <...> Идея заменить хозяйственное сплетение единичных волей – конъюнктуру сосредоточением хозяйственной воли – управлением есть большая утопия»⁸. С учетом того, что Струве-экономист был сторонником социально-экономического индивидуализма (см. его критику теории *народного хозяйства*) становится очевидным, что и в этой сфере для ученого ключевой является идея *свободной личности*. Все это согласуется с его ранними работами, где он своей задачей называет превращение экономической теории на базе *решительного эмпиризма* в последовательную *идеографическую дисциплину*.

Интересно и другое: утверждая многофакторность исторического процесса, ученый, по нашему мнению, не удовлетворяется формальным сведением свободы к непредсказуемости. Он ищет иных, метафизических оснований этого феномена и находит их в отказе подчинить должное сущему, о котором говорилось выше. Метафизика здесь

нужна потому, что даже фактическое подтверждение реальности свободы ничего нам не скажет о ее высшей необходимости и значимости по причинам, уже указанным (для Струве далеко не все действительно разумно и необходимо в каком-то высшем смысле).

Масса исторического материала требует систематизации, причем следует понимать, что власть материала не безгранична – огромное значение также играют те принципы, которыми руководствуется ученый, пытаясь преодолеть неизбежные проблемы, связанные не только с недостатком фактических данных, но и с их избытком. Вопреки надеждам позитивистов объяснение истории не происходит автоматически, и Струве это хорошо понимает.

Полемизируя с Милюковым, выступавшим за *русскую государственность*, но против *русской монархии*, Струве указывает на недооценку русской интеллигенцией глубокой органической связи между исторически сложившимися формами власти в России и реальной русской государственностью и культурой. Для обоснования своей позиции Струве ссылается на фразу Конта о начале «солидарности между общественными явлениями», да и вообще, позволяет себе зло иронизировать по поводу *исторической* состоятельности вождей февраля: «... ибо если бы не было, – пишет Струве, – именно этой исторической круговой поруки между общественными явлениями, то Александр Федорович Керенский и Павел Николаевич Милюков теперь бы оспаривали один у другого президентство в процветающей российской республике»⁹. Нас в этом фрагменте, в первую очередь, интересует то, что меру *органичности* того или иного культурно-политического образования Струве готов определять, руководствуясь не только метафизикой, но и *фактами* – не случайно высшим аргументом в защиту своей позиции для него становится то, что связь между русской государственностью и русской культурой *экспериментально установлена* самой историей¹⁰.

Для Струве одним из главных критериев исторической полноценности того или иного общественного явления становится его вклю-

ченность в некую исходную динамически развивающуюся традицию. Вот почему для него коммунизм – враг, причем враждебность его предопределяется не только содержанием, но и происхождением: «в нем слышится не только и не столько русская старина, сколько ядовитая европейская новизна, *dernier cті* самой Европы <...> Вообще все русские *чрезмерности* и *уродства* получаются от сопряжения русской дикости и озорства с западными ядами»¹². Здесь Запад не осуждается напрямую – разговор идет о том, что русская культура не выработала противоядия к тем пресловутым *европейским ядам*, к которым сама Европа оказалась вовсе не так чувствительна. В нашем случае этот пример важен и интересен, в первую очередь, тем, что указывает на фундаментальные расхождения, которые существуют, по мнению Струве, между Россией и Европой. Хотим мы того или нет, но при таком подходе велика вероятность признать Россию особым миром, в котором история творится на свой манер.

В этой связи интересно указать на ту оценку, которую Струве давал евразийству. В нем он не находит ни оригинальности, ни самобытности. Более того, никакого философского единства, по мнению Струве (и это верно), оно также не демонстрирует: весь опыт евразийства есть попытка «сознательного и искусного духовного и душевного приспособления каких-то элементов зарубежной и внутривосточной интеллигенции к поразившей русский народ “заразе” большевизма»¹². Логика Струве проста: из оправдания большевизма следует примирение с коммунизмом – одним из тех самых *европейских ядов*, и никакой *азиатской* мишурой этого факта не скроешь.

Чтобы сохранить представление о единстве всемирной истории, Струве вынужден, противопоставляя Россию Европе, придавать этому противостоянию исключительную важность. Россия не превращается у него в изолированный и замкнутый мир – ее история именно благодаря своему *своеобразию* обретает общечеловеческий смысл: «в истории наших дней происходит грандиозная борьба двух идеологий, пролетарски-уравнительной

и упразднительной и идеологии земледельческой, или крестьянской, идеологии государственной, не упразднительной, а строительной и охранительной»¹³. С точки зрения Струве, эта борьба не есть только русское явление – в той или иной степени она «окрашивает социальную жизнь почти всех стран», и от результатов этой борьбы зависит судьба цивилизации. В своих прогнозах Струве более всего неточен, когда в качестве главной альтернативы социализму в ближайшем будущем отдает предпочтение *аграризму* – общественному устройству, «опирающемуся на здоровое самоутверждение солидарного с другими классами земледельческого класса, вместе с ними несущего на себе и в себе самое государство»¹⁴. Однако эта ошибка позволяет лучше понять самого Струве: его неспособность оценить перспективы индустриального и постиндустриального сценария развития более чем характерна. Дело в том, что для него государство, несмотря на все те *конкретные* результаты, которых добились общественные науки, остается органически связанным с национальностью: для него национальная идея и государство есть те «две силы, которые, для того чтобы перевернуть судьбы народов, должны найти одна другую и действовать в полном союзе». Продолжением этого же мотива является и разделяемое им, судя по всему, и в эмиграции, известное утверждение о *мистическом характере государства*: «государство во много долговечнее индивида, и с точки зрения индивида и его разума – оно сверхразумно и вне разумно. Это можно выразить так: Государство есть существо мистическое»¹⁵.

Однако русский философ удерживается на грани, которая отделяет его от сторонников религиозного истолкования истории. Причину этого мы уже называли: она в тяготении построений Струве к номинализму – в *теории познания*, и эмпиризму – в *методологии* (следует еще раз вспомнить, что склонность Бердяева из положений фило-

софского или богословского характера напрямую выводить рекомендации конкретного свойства русский философ однозначно критиковал). В этой связи следует учитывать убеждение Струве, что «между историческими причинами и их следствиями вовсе не всегда и не непременно существует соотношение “необходимое” и “общеобязательное”»¹⁶. Для него исторический факт не всегда выражает сущность явлений: многое в этом факте связано с нашими взглядами и нашими ошибками. Неспособность увидеть это приводит к *фактоклонству* – методологическому принципу, который в политической сфере приводит к примирению с большевизмом.

Так выстраивается взгляд Струве, в основе которого лежит убеждение в том, что историю призван творить *свободный человек*.

Примечания

¹ Франк С.Л. Биография П.Б. Струве / С.Л. Франк. Нью-Йорк, 1956. С.78.

² Струве П.Б. Предисловие к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» / П.Б. Струве // Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С.370–371.

³ Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935) / П.Б. Струве. М.; Париж, 2004. С.519.

⁴ Там же. С.70.

⁵ Там же. С.519.

⁶ Струве П.Б. Заметки о плюрализме [1923] / П.Б. Струве // Струве П.Б. *Patriotica*. С.448.

⁷ Струве П.Б. Дневник политика. С.184.

⁸ Там же. С.82.

⁹ Там же. С.32.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С.263.

¹² Там же. С.283.

¹³ Там же. С.408.

¹⁴ Там же. С.409.

¹⁵ Струве П.Б. Отрывки о государстве / П.Б. Струве // Струве П.Б. *Patriotica*. С.64.

¹⁶ Струве П.Б. Дневник политика. С.519.

УДК 1:316

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННОГО КОНФЛИКТА

Н.А. Стеклова

Саратовский государственный университет
E-mail: natalya-steklova@yandex.ru

В статье представлена специфика коммуникационного конфликта и виртуального человека в пространстве современного глобального мира. В работе сделан вывод о том, что необходимо социально-философское осмысление коммуникации в связи с тем, что связано с раскрытием идентичности человека, его ценностных установок.

Ключевые слова: коммуникация, конфликт, глобализация, виртуальная реальность, Homo Virtualis, информационная война, элита, риск, диалог, коммуникационный конфликт.

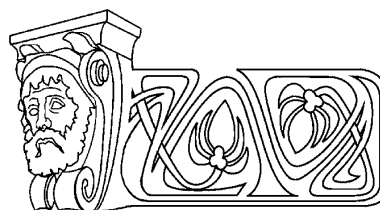
The Conceptual Bases of the Communication Conflict

N.A. Steklova

In article we present the specifics of the communication conflict and virtual person in the modern global space. In this context, concluded that it is necessary social-philosophical understanding of this phenomenon, especially since the problem of communication is connected with the disclosure of the identity of the person, their valuable installations.

Key words: communication, conflict, globalization, Virtual reality, Homo Virtualis, information warfare, elite, risk, dialogue, communication conflict.

Человек, выступая одновременно актером и сценаристом рискогенных ситуаций, все чаще оказывается в пространстве вызовов и ответов, инициированных его практическими действиями, социально ориентированными в убыстряющихся, благодаря информатизации, ритмах жизни. Новые информационно-коммуникационные технологии воздействуют на все структуры общества, образ жизни и сознание людей. Коммуникационность становится существенной социально значимой компонентой общественного бытия. Но одновременно она может нести в себе признаки рискогенности – в том случае, например, если возникает коммуникационный конфликт. Известный принцип постиндустриального общества: кто владеет информацией, тот владеет миром, не теряет своего смысла в XXI в., особенно в связи с распространением информационных войн как выражения коммуникационного конфликта. Ценности виртуального мира остав-

ляют за кадром общечеловеческие ценности – долг, честь, достоинство. Поэтому необходимо философское осмысление того, с какими опасностями встречается человек, вступивший на путь тотальной информатизации и глобализации.

Информационные революции подразумевают совокупность качественных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, происходящих в результате внедрения новых средств передачи информации. Современное видение мирового процесса все больше концентрируется на понимании того, что информационные революции характеризуют наиболее крупные переломные этапы в истории человечества. Так, например, Э.Тоффлер в своей книге «Третья волна» уверен в том, что в революционный период перехода к информационному обществу необходимо подготовить человека к быстрому восприятию и обработке больших объемов информации, овладению им современными средствами коммуникации, методами и технологиями работы. Он предупреждает о новых социальных конфликтах, опасностях, глобальных проблемах, с которыми столкнется человечество на рубеже XX–XXI вв.¹ Новые условия работы порождают зависимость информированности одного человека от аналогичных процессов, происходящих с другими людьми.

Таким образом, коммуникационность – это свойство сознания устанавливать различные каналы связи для интегративного потока информации. Коммуникация – это социально обусловленный процесс формирования канала, посредством которого поток информации, достигая цели, вызывает определенное взаимодействие, способное вызвать конфликт. Конфликт – открытое противостояние сторон как следствие их взаимоисключающих инте-

ресов и позиций, направленное на реализацию собственных целей. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что коммуникационный конфликт – предельный случай обострения социально-коммуникативных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между объектами и субъектами коммуникации, направленный на достижение социальных, духовных, экономических и политических интересов и целей, на подавление действительного или мнимого соперника, ограничение реализации его личных интересов.

С.К. Шайхитдинова считает, что «медиа сегодня – это средства коммуникации, инструмент для ведения информационных войн, “промывки мозгов” и манипулирования общественным мнением»². Важным становится осознание информационных войн как продукта информационной революции. Информационное противоборство возникает с целью нанесения ущерба критически важным структурам противника, подрыва его политической и социальной системы, а также дестабилизации общества и государства. Информационная война является выражением коммуникационного конфликта, она концептуально оформлена, представляет собой всеобъемлющую, целостную стратегию, призванную отдать должное значимости и ценности информации в вопросах командования, управления и выполнения приказов и реализации национальной политики. Она использует все возможности и нацелена на факторы уязвимости, неизбежно возникающие в условиях возрастающей зависимости от информации, проводится как в мирное, так и в военное время. Манипулятором информационных войн является информационная элита. Элиты в пространстве информационных войн – специально создаваемые органы, организации и учреждения, призванные осуществлять разработку и реализацию военно-информационных отношений государства при помощи активного использования новых коммуникационных технологий, способных воздействовать на сознание противника. Объектом внимания становятся информационные системы (включая соответствующие

линии передач, обрабатывающие центры и человеческий фактор этих систем), а также информационные технологии, используемые в системах вооружений. Информационная война имеет наступательные и оборонительные составляющие, но начинается с целевого проектирования и разработки своей тактики, обеспечивающей лицам, принимающим решения, осязаемое информационное превосходство. В силу своей глобальности информационные войны становятся сейчас одним из средств достижения власти. В данном случае речь идет о конфликте информационных элит. Но с другой стороны, владение информацией – один из способов совершенствования социальных отношений. Здесь война – не конфликт противоборствующих элит, а одно из средств наделяния информативностью общества, его качественного изменения.

Результатом тотальной информатизации становится новая виртуальная реальность как компьютерная симуляция реальных вещей и поступков, которая существенно влияет на жизнь и культуру социума, генерируя новый тип социально-коммуникативной реальности и новый тип социального индивидуума как субъекта виртуальной культуры. Нахождение в виртуальной реальности небезопасно для личности, поскольку имитация действительности есть своеобразный психологический инструмент воздействия на сознание и подсознание человека³. По мнению В.В. Афанасьевой, «Номо Virtualis являются создателями, носителями и потребителями виртуальных культурных и социальных феноменов»⁴. У виртуальной личности особые, условные антропные характеристики, нетривиальная идентификация и самоидентификация.

Решение проблемы идентичности в пространстве коммуникационного конфликта имеет первостепенное значение для раскрытия мотиваций виртуального человека. Идентичность – это процесс отождествления индивида с социальными образцами поведения. Э. Тоффлер утверждает, что в эпоху всеобщей компьютеризации настало время «модульного человека». В виртуальном прост-

ранстве человек заменяет свое Я, свою индивидуальность изменчивым мозаичным набором частичных идентичностей, которые предлагают современные медиа. Посредством своих информационных сценариев, подбором «героев дня», сюжетных картинок и других приёмов медиа представляют нам специфические стратегии поведения различные групп, вызывающие у нас желание идентифицироваться с ними или быть в оппозиции к ним⁵. С помощью виртуальных средств происходит реальное структурирование социокультурного пространства⁶. Информационная глобализация воздействует на все уровни социальной структуры. На самом ее вершине уже возникла информационная виртуальная элита, в состав которой входят квалифицированные специалисты, деятели Интернета, международные менеджеры. Характеризуя их психологический облик, американский культуролог М. Фезерстоун пишет, что им присущи разрыв с традициями соответствующей профессиональной среды, доминирование ценностей технической компетентности, меритократический этос, агрессивный стиль поведения⁷. В ходе такой коммуникации реализуются два процесса: с одной стороны, это внимание и восприятие, а с другой – реакция в форме принятия или непринятия информационного воздействия, выраженная в конфликте.

При определенных условиях отдельные представители правящей элиты (особенно встревоженные действиями других) полагаются на коммуникацию как средство сохранения власти. Здесь функцией коммуникации становится обеспечение информацией об активности и информационных возможностях других элит. Из-за опасности того, что основные каналы информации и знаний могут тайно контролироваться соперниками, допускается тенденция использования скрытого наблюдения и методов информационных войн, которые нацелены на подчинение сознания противника, дестабилизацию общества и государства. Удивительным становится то, что с виртуальными людьми, разрабатывающими тактику коммуникационного конфликта, у нас складываются такие же отношения,

как с друзьями, соседями и коллегами. Вместо реального человека сегодня волнуется, страдает, ненавидит и восторгается виртуальный человек. Средства массовой информации аккумулировали подавляемые индивидами аффекты и влечения – в сферу публичности сейчас вынесены самые сокровенные темы и сюжеты.

К. Ясперс, исследуя современный ему мир, сделал вывод о том, что отличительной чертой современности является разбожественность мира и принцип технитизации, благодаря которым становится возможной связь и единение в невиданных до сих пор масштабах. Подлинная коммуникация связана с самосознанием и сознанием личности. Она должна трансформироваться в философскую веру, которая сама есть «глубочайшее откровение»⁸, вера в беспредельную коммуникацию. Более того, философ утверждает, что наряду с подлинной коммуникацией существует псевдокоммуникация, которая является просто процессом связи и передачи информации и проявляется в трех сферах: управлении, технитизации и массовой коммуникации. Здесь нравственным критериям отводится второстепенная роль.

Виртуализация действия (подмена эмпирического опыта личности опытом представления и созерцания того, как переживается этот опыт на экране) фактически означает самоотчуждение человека, лишение его целостности, атрофию самокритичности. Опасность заключается в очевидности тенденции к стиранию различия между виртуальным и реальным миром.

Жизнь и смерть в виртуальном пространстве лишаются тайны, которой они наделены в действительности, где есть место сакральному и профанному, вечному и случайному. Виртуальные люди, находясь в виртуальном пространстве, не имея ни опоры в религии, ни веры в человека, перестают ощущать экзистенциальное в себе, видят только обыденность жизни и смерти. Обыденность смерти означает ослабление психологического барьера перед агрессией: идея лишения жизни, идея смерти другого может стать средством для достижения «более вы-

соких» целей⁹. Так происходит и в информационной войне, где главной целью становится достижение власти над противником, подавление его жизненных потенциалов. При этом человек, использующий информационное оружие, чаще всего не идентифицирует себя с агрессором, не осознает опасности своих поступков и не отвечает за них. Специалист информационной войны обязан постоянно осуществлять контроль своих действий, соблюдать все известные требования конфиденциальности, постоянно самосовершенствоваться. Это человек, уверенный в себе и в своих силах. У него своя собственная система получения информации, что говорит о скрытности и осторожности. Таким образом, информационная война диктует свои особые экзистенциальные характеристики тому, кто попал в виртуальную реальность. Потребности и мотивы виртуальной личности почти не регулируются культурой, системой традиций, нормами и ценностями той социальной среды, в которой он реально себя позиционирует. Здесь можно выделить угрозу амбивалентности личности, участвующей в разработке информационной войны. Амбивалентность (от лат. *ambo* – оба и *valentia* – сила) выражает двойственность существования социальных субъектов, влияние противоположных сил, объединенных человеческими качествами. Амбивалентный человек в пространстве информационной войны, с одной стороны, находится в виртуальном пространстве, использует виртуальное оружие в своих действиях, а с другой – реализует себя в реальной действительности.

Таким образом, информационная глобализация – это резкое расширение того социального и коммуникационного пространства, в котором реализуются разнородные связи людей и детерминация когнитивной и мотивационно-ценностной сфер их сознания. На другом уровне эта глобализация служит дополнительным мощным фактором разнообразных социальных трансформаций, дифференциации общества. С одной стороны, формируются виртуальное пространство, новые информационные элиты, которые борются за власть, используя новейшие коммуникаци-

онные технологии. Получают распространение коммуникационные конфликты, происходящие между элитами, носящие разрушительный характер. С другой стороны, информационная глобализация стимулирует распространение не только новых типов экономической деятельности, технологии, информации, образа жизни, но и все более разнородных культурных моделей, жизненных смыслов, мотиваций и ценностных ориентаций личности. Этот вывод подтверждает необходимость философского исследования механизмов и систем коммуникационного конфликта. Решением проблем, связанных с данным конфликтом, может стать, во-первых, диалогичность процесса коммуникации: понимание факторов, влияющих на коммуникацию, и способы осмысления людьми риска конфликта и рискованной информации; во-вторых, эффективный обмен информацией в целях улучшения взаимопонимания между людьми; в-третьих, формирование согласия по ряду сложных и спорных вопросов при обеспечении учета интересов различных заинтересованных сторон. Исследование концептуальных оснований коммуникационного конфликта может привести к установлению понимания и толерантности в обществе, в индивидуальном и общественном сознании.

Примечания

¹ См.: *Тоффлер Э.* Третья волна / Э. Тоффлер; пер. с англ. М., 2004. С.9–10.

² *Шайхитдинова С.К.* Информационное общество и «ситуация человека»: эволюция феномена отчуждения / С.К. Шайхитдинова. Казань, 2004. С.13.

³ См.: *Панарин И.Н.* Информационная война и дипломатия / И.Н. Панарин. М., 2004. С.242.

⁴ *Афанасьева В.В.* Виртуалистика / В.В. Афанасьева. Саратов, 2008. С.76.

⁵ См.: *Тоффлер Э.* Шок будущего / Э. Тоффлер; пер. с англ. М., 2002. С.110.

⁶ См.: *Волкова Ю.Г.* Социология / Ю.Г. Волкова, И.В. Мостовая. М., 1999. С.205.

⁷ См.: *Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития / М.С. Горбачев [и др.].* М., 2003. С.344.

⁸ См.: *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. М., 1991. С.507–508.

⁹ См.: *Шайхитдинова С.К.* Указ. соч. С.188.

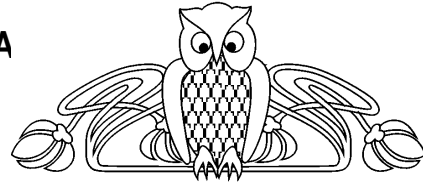

УДК 101.1:316

СОЦИАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ П.Л. ЛАВРОВА

А.Н. Степанов

Самарский государственный технический университет
E-mail: damos0705@yandex.ru

Объектом изучения статьи является проблема прогрессивного развития и эстетизации общественных отношений дореформенной (1861 г.) России, отражённых в литературных, социальных, политических работах русского революционного народника П.Л. Лаврова. Предметом исследования являются его литературные, социально-экономические и общественно-политические воззрения, анализируемые с эстетических позиций. В статье поднята актуальная социально-философская проблема развития, преобразования, эстетизации, совершенствования, гуманизации и гармонизации социальных отношений.

Ключевые слова: эстетические социальные отношения, гармонизация социальных отношений, совершенствование социально-политических отношений.

Social-Aesthetic Ideas of P.L. Lavrov

A.N. Stepanov

Object of study this article is the problem of progressive development and aesthetizations social relations of Russia before reform (1861), reflected in literary, social, political works political attitudes of P.L. Lavrov. An object of research are his literary, social, economic, political views analyzed from aesthetic positions. In article is the actual socio-philosophy problem of development, transformation, perfection, humanisation and harmonisation social relations.

Key words: aesthetics of social relations, harmonisation of social relations, perfection of social and political relations.

Идеолог русского пореформенного революционного народничества Пётр Лаврович Лавров (1823–1900) – русский философ, социолог, публицист, ученый-антрополог, пропагандист и участник демократического движения 60-х гг. XIX в. в России. Лавров как социальный философ сформировался накануне крестьянской реформы 1861 г. под влиянием отечественной революционно-демократической социальной философии и идей немецкой классической философии. В идеях отечественной и западно-европейской социальной философии он обрёл общественно-историческую цель прогрессивных преобразований условий общественного бытия, которые расценивались им как эстетические.

Свою систему философско-материалистических социальных воззрений мыслитель называл «реализмом». Она включает в себя учение о бытии природы, «антропологизм» – учение о человеке и обществе и «позити-

визм» – соответствие науки социальным реалиям и жизни человека. В содержании его философских воззрений стоит отметить некоторые положительные черты позитивизма – стремление основываться на естествознании, хотя он был категорическим противником нефилософского мышления, догматизма и спекулятивизма. Кроме того, он выдвинул ряд диалектических положений. Перерабатывая космологические и эстетические теории прошлого, он разрабатывал историко-материалистическую концепцию эстетики, которая состоит в признании объективности и красоты существования материального мира, его вечности, несотворимости, неуничтожимости. Он подчеркивал, что «эволюция вещества» привела к появлению и развитию жизни, человека и сознания¹.

В работе «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» философ создал эстетическую концепцию, раскрывавшую связь общественной жизни с художественно-творческой деятельностью. Он истолковывал эстетическую суть искусства, отражающую жизнь, как триединое начало красоты. «Стройность, пафос, идеал – эти три начала <...> составляют весьма важный элемент бытия человека <...> правильная оценка этого элемента может уяснить многие стороны исторической жизни обществ или указать на возможные решения вопросов будущего»².

Как социолог Лавров признавал огромное социальное значение материалистического учения Маркса об общественном бытии. Движущими мотивами социального прогресса, по его мнению, являются три группы индивидуально-общественных потребностей. *Основные* – зоологические и социологические (в питании, безопасности, нервного возбуждения), *временные* – формы государства, собственности, права, религии и *потребности развития и совершенствования* индивидуального и общественного бы-

тия – историческая жизнь, социально-экономические (производственно-трудовые, хозяйственные, финансово-коммерческие) и духовно-политические.

Эстетической целью общественного развития является укрепление социальной солидарности, которую можно осуществить на основе научного постижения сути человека, его мышления и гармонизации интересов. Люди стремятся к семейной, групповой, родоплеменной (коллективной, этно-национальной, классовой) солидарности. Поэтому улучшая материальные условия жизни, они одновременно совершенствуют общественные отношения и формы общественного бытия. Проблема улучшения условий жизни особенно актуальна для простых тружеников, следовательно общее стремление народа к благосостоянию является важнейшим инструментом развития и совершенствования содержания общественного бытия. В работе «Исторические письма» (1868–1869) Лавров утверждает, что «мысль реальна лишь в личности», поэтому главной движущей силой общественно-исторического развития являются яркие личности передовой русской интеллигенции, критически переосмыслившие содержание существующих социальных отношений. И основная социально-эстетическая задача заключается в подготовке общественного сознания к необходимости проведения прогрессивных социальных преобразований в интересах простого народа.

Из-за специфики социально-исторического и духовно-политического развития России – наличия крестьянской общины, патриархального сельскохозяйственного уклада жизни, необразованности части населения (крестьянства), архаичных христианско-языческих нравов и господства абсолютной монархии – Лавров сначала сомневался в актуальности для России марксистской концепции по преобразованию общественного бытия. Но затем он приветствовал появление социал-демократического движения и призывал все революционные движения России к солидарному объединению против абсолютной монархии, остатков крепостничества и развивавшегося капитализма. Эстетический прообраз будущего российского общественного и государственного устройства

Лавров видел в Парижской Коммуне и в общественной деятельности коммунаров в интересах простого трудового народа. Лавров был сторонником ведения просветительно-пропагандистской работы и социалистических преобразований в жизни общества.

По его мнению, формирование эстетического содержания общественного бытия надо начинать с выработки «рациональной формулы» социального прогресса. В основе такой формулы должно находиться нравственное развитие и совершенствование сознания, взаимосвязанное с трудовой деятельностью человека и с формированием справедливых и базирующихся на культуре взаимоотношений людей. В «Исторических письмах» Лавров предложил антропологическую формулу духовного и социально-правового прогресса общества: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении: воплощение в общественных формах истины и справедливости»³.

Рассматривая онтологию общественных отношений, философ полагал, что каждый человек стремится быть полезным для общества. Социальное развитие осуществляется на основе совпадения множества субъективных устремлений, направленных на извлечение, прежде всего, материальной пользы. Эти устремления обеспечивают право выбора соответствующего типа социального устройства и производных форм общественных отношений, которые должны быть наполнены гуманистическим содержанием. Поэтому Лавров пристально анализировал тезис о критически мыслящих личностях и их роли в деле преобразования существовавших общественных институтов. В фундаментальной работе «Социальная революция и задачи нравственности» (1884) Лавров подчёркивал, что «для разрушения политического препятствия» – монархии и самодержавия – единственно надёжным средством является «сила организованной партии революционеров», способных повести за собой крестьянские массы.

Ярких личностей передовой русской интеллигенции, критически переосмысливших суть социальных отношений, народник считал двигателем общественного прогресса. В творчестве критически мыслящих личностей

господствуют просветительские, демократические, гуманистические, эстетические идеи, закономерно способствующие разрешению главных социальных проблем. Представители «натуральной школы» все ближе подходили к объективному осмыслению реалий повседневной жизни и к конструктивным методам разрешения общественных проблем.

Для формирования эстетического содержания общественного бытия философ считал необходимым выработку нового социального мировоззрения, основу которого должны составлять принципы демократии, правды, справедливости, нравственности. Лавров подчёркивал, что в русской социальной философии развито стремление мыслителей к правдивому отражению содержания общественной жизни – социально-политических, экономических и правовых условий жизни. «Наша натуралистическая школа <...> развила в русской интеллигенции влечение к правде <...> Белинский внес <...> влечение к общественной практике <...> “Современник” – требование правды в мысли при помощи понимания мира с точки зрения антропологического материализма, требование правды в жизни с точки зрения политики, опирающейся на социалистическое понимание экономических вопросов, на практическое служение прогрессивной идее, на живое отношение к действительности»⁴.

Наиболее общим и существенным признаком эстетического содержания общественной жизни, по мнению мыслителя, является способность человека ощущать духовную радость и наслаждение от творчества. Эстетическое содержание социального бытия он связывал с эстетическим вкусом, детерминированным конкретным содержанием бытия человека и общества. Следовательно, содержание общественных отношений можно постигать благодаря разнообразным эстетическим чувствам – ощущениям, восприятиям и представлениям. Суть эстетического содержания жизни также проявляется в способности человека получать наслаждение от ощущений, вызванных игрой красок, звуков, форм, и творческой деятельности. В силу этого общественная жизнь зависит от уровня развитости эстетических ощущений, эстетических восприятий, эстетического мышления

каждого человека. Он признавал объективность красоты социального бытия. Его философские позиции по истолкованию категорий прекрасного, совершенного, трагического, комического в содержании социальных отношений отличались самобытностью.

Актуальность социально-философских и эстетических воззрений Лаврова возрастает в период социальных преобразований в России. Порядок общественной жизни рассматривается как стройность социального бытия, как объективное и гармоничное начало его красоты. Эстетическое начало стройности социального бытия Лавров рассматривал как содержание существующих отношений между индивидами, группами, коллективами. Он считал, что поскольку существует математическая формула стройности музыки и из какофонии звуков рождается гармония, следовательно будет найдена и всеобщая математическая формула стройности общественного бытия. Что касается идеала социального бытия, то он относил его к субъективному началу, зависящему от разнообразных интересов, желаний, претензий, мотиваций людей. По его мнению, прекрасное содержание социальных реалий есть противоречивое единство объективного и субъективного эстетического начала.

Эстетическое чувство стройности и гармонии обязательно приносит наслаждение творческому человеку – естествоиспытателю, литератору, философу, поскольку они в разнообразных социальных явлениях общественного бытия и в фактах частной жизни обнаруживают устойчиво повторяющиеся социально-исторические причинно-следственные отношения – эстетические законы и закономерности. «Уже одно представление, что все составляет единое гармоническое целое, увлекательно для человека, и всякая искусная попытка действительно построить все сущее в гармоническое целое не может не действовать приятно <...> Во всех этих случаях человека поражает стройность, он ищет <...> стройности, он наслаждается ею»⁵.

Мыслитель отождествлял красоту и гармонию содержания социальных отношений. Он считал, что если формы гармонируют, гармоничны и их содержания. Сущност-

ным содержанием гармонии является «пропорциональность», «сбалансированность», «равновесие», «устойчивость» социальных отношений, базирующихся на основе демократии, правового равенства и научно-технического прогресса. Иначе говоря, совокупная гармония отношений между людьми есть гармония всех сфер общественной жизни. Оттого, каковы отношения между людьми – такова и жизнь общества. Но эстетическое чувство человека не всегда связано только с гармонией, но и с истиной общественного бытия.

Гармонию социальных отношений, по мнению философа, можно наблюдать при выяснении психо-социальной роли другого эстетического начала – пафоса, который понимается как эстетическое переживание, возвышенное настроение создателя или ценителя «стройных» объектов (предметов, фактов, социальных явлений, исторических событий). Лавров считал общественно значимыми, а по содержанию эстетическими те художественные и философские произведения, в которых ощущался неподдельный пафос душевных порывов, вызывавших чувство воодушевления и ощущение духовного и нравственного возвышения человека. Произведения, в которых обнаруживались формальные условия стройности, но не ощущался воодушевленный пафос, он считал безличными, холодными, безжизненными, поскольку в них не было эмоциональной экспрессии, отражавшей динамику жизни человека и общества. Поэтому такие произведения в большей степени, по его мнению, являются разновидностью не художественной, а научной мысли, а сила эстетического содержания проявляется в чувствах, настроении, устремлениях творца. Он рассматривал стройность, пафос и идеал как всеобщие эстетические начала. «Начало пафоса есть жизненное начало искусства, от которого зависит его увлекательная сила, его обаяние. В нем отражается личность художника, и оно действует на личность ценителей»⁶.

П.А. Лавров расходился с Чернышевским в интерпретации содержания категории прекрасного в жизни. В статье «Иностранная литература» (1862) патетическую силу искусства он связывает с нравственным содер-

жанием человека, которое благотворно воздействует на мировоззрение, идеи, действия и поступки, способствуя формированию и развитию эстетического чувства, мышления и бытия человека. Хорошо развитые эстетические чувства и эстетическое мышление человека способствуют созиданию эстетического содержания общественного бытия. В то же время содержание социальных отношений устойчиво воздействует на человека, коллектив, общество.

Большое внимание мыслитель уделяет эстетическому идеалу и стройному порядку общественной жизни. Сутью первого является соизмеримость степени совершенства духовности личности и созданных человеком и коллективом форм и условий общественной жизни, морали поступков людей и нравственного начала творческой деятельности. Он различает два типа и несколько функций идеала общественного бытия: жизненный тип идеала с общественной, политической, гражданской, правовой функциями и эстетический – с нравственной, религиозной, этической и художественной. В процессе формирования эстетического содержания общественного бытия каждый тип и каждая функция имеют свое специфическое социальное предназначение. Например, художник «в своих произведениях отражает определенный нравственный, политический, религиозный идеал»⁷.

Глубина эстетического содержания творческой деятельности, по мнению Лаврова, заключается в идейной силе решаемой социальной проблемы. Он отмечал, что только те произведения общественно значимы, в которых реальность социальных картин и образов воспринимается прекрасно-притягательной, поскольку они вызывают общественное сочувствие и симпатию. «Но мир истории, противоречащий нашему пониманию прошлого, мир <...> идеалистических колоссов и совершенств, или сатирических пигмеев и уродливостей, которые для нас не колоссы и не совершенства <...> для нас совсем невыносим. Красота формы здесь большею частью бессильна доставить нам наслаждение: напротив, она возмущает нас своим диссонансом с правдою»⁸.

Идеал прекрасного содержания общественного бытия он рассматривал как антропологический, потому что человек является вершиной развития природы и представляет собой идеал совершенных возможностей среди всего живого на земле. Человек обладает логическим и абстрактным мышлением, рассудком и разумом, способностями к творческой, трудовой деятельности и постижению красоты, гармонии совершенства природы и общества.

Эстетическая оценка человеком социальных отношений представляет собою осознанное сравнение исследуемого объекта с идеалом красоты общественного бытия. Поэтому все, что имеет эстетическую аналогию с человеком, его жизнедеятельностью и произведёнными им объектами духовно-материальной культуры, может быть признано прекрасным. Для определения содержания духовной красоты общественных отношений необходимы критерии культурологического, нравственно-этического и эстетического порядка, поэтому нравственно одухотворённый и эстетически совершенный человек является мерилем красоты физического мира, духовных, социальных, политических, экономических, производственных, этических, правовых и творчески-трудовых отношений. Эстетическое содержание общественной жизни заключается в социально-правовой защите достоинства личности, в патриотической са-

моутвержденности, гражданской справедливости, нравственной чести и духовном милосердии. Источник эстетически справедливых общественных отношений – развитие и совершенствование общественных условий жизни, формирующих «понятия о справедливости из естественного стремления к наслаждению»⁹.

Формирование эстетического содержания общественного бытия, по мнению Лаврова, «может быть совершенно лишь самим народом». «На первое место мы ставим положение, что перестройка русского общества должна быть совершена <...> с целью народного блага <...> для народа <...> и посредством народа»¹⁰. Лавров по праву считается основоположником теории и практики революционного народничества.

Примечания

¹ Лавров П.Л. Философия и социология / П.Л. Лавров // Избр. произв.: в 2 т. М., 1965. Т.2. С.635.

² Лавров П.Л. Этюды о западной литературе / П.Л. Лавров. Пг., 1923. С.8.

³ Лавров П.Л. Философия и социология. С.54.

⁴ Там же. С.669–670.

⁵ Лавров П.Л. Этюды о западной литературе. С.47–48.

⁶ Там же. С.45.

⁷ Там же. С.52.

⁸ Там же. С.188.

⁹ Лавров П.Л. Философия и социология. С.460.

¹⁰ Там же. С.483.

УДК 316.3

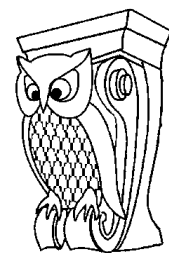
СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ В РОССИИ: НА ПУТИ ОТ АРХЕТИПА К СОЦИАЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

М.М. Ступин

Саратовская государственная академия права
E-mail: stupinmm@rambler.ru

В статье рассматривается современная российская социальная мифология, выделяются основные архетипические элементы и наиболее распространённые мифологические сюжеты, роль социальных ритуалов в процессе их реализации. Анализ технологических методов мифоконструирования показывает слабые и сильные стороны социомифологического подхода в социальном управлении. Отдельное внимание обращается на проблему противостояния общественного сознания манипуляциям над архетипической структурой социальных мифов.

Ключевые слова: социальная мифология, архетип, социальный ритуал, этномифология, неоязычество, ситуационизм.

Social Mythology in Russia: on a Way from an Archetype to Social Technology

M.M. Stupin

In article considers the modern Russian social mythology, allocates the basic archetypal elements and the most widespread mythological plots, a role of social rituals during their realization. The analysis of technological methods of myth-constructing shows weak and strong sights of the approach in social management. The author pays separate attention on a problem of opposition of public consciousness to manipulations for archetypal structure of social myths.

Key words: social mythology, archetype, social ritual, ethnomythology, neopaganism, situationism.

В последние полтора десятка лет интерес исследователей к области социальной мифологии можно считать не только устойчивым, но и прогрессирующим. Это во многом объясняется прагматическим потенциалом данных исследований, что стало возможным с привнесением в поле социальных изысканий ряда иных теорий (из антропологии, психологии, филологии, семиотики, информатики, кибернетики, синергетики и др.) Особый интерес вызывают перспективы манипулятивных форм социального управления, среди которых не последнее место занимает социальное мифотворчество. Огромный вклад в изучение мифов, в том числе и социальных, внёс психоанализ, теоретически и категориально обогатив исследователей¹. Это позволило раскрыть многие сущностные черты и структурные элементы мифов, подвергнуть их анализу через призму категорий: бессознательное, символ, архетип. Причём последний был провозглашен базовым элементом всего мифологического мышления.

Архетипы существуют в сознании, задавая определенный вектор раскрытия мифологических макросюжетов, повторяющихся ситуационно в различных вариациях. Воспроизведение архетипических сюжетов происходит потому, что сознание не в состоянии пребывать в области рационального, вследствие чего архетип актуализируется. Однако архетипическая структура мифа представляет собой многослойное образование, что сказывается на конечных формах проявлений мифа в пространстве современной социальной реальности.

Отступая в мифологическое пространство, психика человека опирается на архетипы²:

состояния: Хаоса и Порядка и их оппозиции;

оценки: Света и Тьмы (Добра и Зла);

отношения: Свое–Чужое, Мы–Они;

чуда: преодоление оппозиций;

происхождения: Демиурга-Творца, Матери-Природы;

родственности: Отца, Матери, Братства (вместе с сюжетными оппозициями мужского и женского, отцовского и братского и т.д.).

Исторически все они в разных пропорциях и в разном виде актуализировались в национальных мифологиях и мифологемах.

В данный момент наблюдается их рукотворное смешение, и здесь рациональный мотив играет главную роль, в отличие от коллективного бессознательного как естественной среды мифогенеза.

В каждом человеке скрыты архаические черты. Реальные исторические факты человеку не доступны, поэтому любые представления об истории неминуемо заключают в себе элементы мифологического. И чем дальше происходит отход от научного и рационального, тем в большей степени его представления мифологичны. Именно историческая наука является одним из современных лидеров в области мифотехнологий. Это во многом объясняется тем, что в современном обществе стратегии управления в основном опираются на искусственное создание кризиса идентичности и, как следствие, создание постмодернистского варианта исторического континуума.

Характерная для всех национальных культур структура архетипического содержания мифов применительно к анализу российской мифологии имеет ряд характерных черт и мифосюжетных приоритетов. Оценочные и ситуационно оппозиционные архетипы сознания в русской смысловой интерпретации претерпели трансформацию в архетипы *Правды и Лада*. Правда – это совокупность представлений об истине, истинной и праведной жизни, о справедливости и честном деянии. Лад представляет собой идеальный образ гармоничного мироустройства бытия и человека.

Миф народной воли относим к России. В его повествовании говорится о народной воле, заключающей в себе тайну Правды, которую следует искать, отождествляя себя с частью народа, будучи при этом странником, жаждущим Правды. В ином аспекте воля понимается как свобода и простор, что позволяет провести параллель с мифами пространства и, следовательно, с архетипом Лада, символизирующего народный порядок и гармонию.

Мифы о власти (о добром царе-герое или царе-мученике) повествуют о наличии силы, охраняющей Правду. Обычно в мифологическом сознании между царем и народом располагаются нарушители обществен-

ной гармонии (искажающие волю царя, обманывающие, заговорщики). Во времена государственной смуты или политического кризиса обычно популярен *миф о герое-избавителе* (о сильной руке), от него ожидают чудесного избавления народа от бед и напастей.

Мифы идентификации проявляют себя в период социокультурного кризиса. Именно в это время субъект стремится к идентификации с какими-либо группами по интересам, субкультурными объединениями, этносом, политическим сообществом, культурным стереотипом. Один из аспектов данного мифа – *миф присоединения*, согласно которому через присоединение к более сильной и развитой стороне (например Европе) народ и его идентификация получают оздоровительный эффект. О смене идентичности говорят *мифы перехода, пограничья*. Люди, стремясь к восстановлению собственной идентичности, к духовному исцелению, покидают привычную жизнь. К таким мифологическим явлениям относятся: эмиграция в необжитые и таинственные земли (Беловодье, град Китеж), странничество, богоискательство.

Социальной значимостью обладает *миф провинциальности*, истоком его возникновения являются экономически развитые общности с ярко выраженным центром, в котором сфокусирован весь капитал, что вызывает чувство ущемленности и неполноценности у провинциальных сообществ. Это порождает мифологемы возврата к истинным истокам общежития, сохранившимся в провинции. Региональное пространство выступает островком стабильности в хаосе кризиса государственности. Отсюда усиление федеральной политики в регионах в период нынешнего кризиса.

В пространстве современной постперестроечной и постсоветской социальной мифологии исследователи выделяют четыре основные группы мифов³:

политической и общественной жизни, которые создаются политиками и журналистами;

этнической и религиозной самоидентификации (к примеру, совокупность мифов о России и православии в аспектах прошлого и настоящего);

отражающие внерелигиозные представления (к этому типу следует отнести мифы о снежном человеке, НЛО, экстрасенсах и т.д.); массовой культуры, среди которых одним из основных выступает миф об Америке и американском образе жизни.

Здесь мы уже имеем реальную возможность наблюдать процессы целенаправленного управления мифодинамикой с характерным смешением рационального и иррационального компонентов. Это даёт возможность «замаскировать» миф, одновременно используя всю иррациональную мощь его архетипического содержания. Любой миф может быть воспроизведен так, чтобы логико-рациональный уровень общественного и индивидуального сознания восстанавливался и видоизменялся. Этот новый трансформированный уровень позволяет субъекту воспринимать то, что провоцировало мировоззренческий кризис и потребность в мифах за новую реальность. Однако здесь технологических навыков может не хватить по ряду причин:

отсутствие подробных знаний о работе коллективного бессознательного в процессе естественного мифогенеза;

необходимость глубинного мотива мифотворчества, затрагивающего все уровни архетипической структуры мифа;

обязательное сочетание мифотехнологий с их подробным ритуальным оформлением с целью установления общей модели социо-космогонического праксиса;

обязательная личностная включённость мифотворца в процесс реализации мифотехнологии, так как для создания жизнеспособной мифоконструкции необходимо её укоренение сначала в индивидуальном бессознательном автора, а потом и в коллективном бессознательном.

Тем не менее в сложившейся исторической ситуации применение технологий в пространстве мифов национальной идентичности имеет весьма большой КПД. Во многом это объясняется возникшей политической, социальной и культурной маргинализацией нашего общества и, как следствие, интенсивным поиском идентификационных оснований, часто в форме подражаний, заимствований, сравнений. С этим связаны проб-

лемы самоопределения в контексте международных и внешнеполитических отношений. Острота проблемы заключается в том, что образ России сегодня не только не выглядит привлекательным в глазах живущих за ее пределами, но вызывает много претензий и у собственных граждан. Следует также подчеркнуть особую значимость формирования привлекательного образа первых лиц государства, так как именно они во многом определяют восприятие власти и страны. Технологии имиджмейкерства акцентируются на реализации мифологических конструкций образов героев, лидеров, вождей, пророков. Раскрывается архетипическая специфика героической личности не только лидера, но и лично каждого члена сообщества, внутренне парадоксальная (одновременно культивируется миф об исторической общности и соборности русской ментальности и – о самодостаточности и свободолюбии русского народа).

Одним из направлений этно-идентификационной мифологии стало этно-религиозное и, в частности, неоязыческое. В отличие от православно-христианской, неоязыческая социальная мифология ориентирована на создание нового мироуложения со своей антропоцентрической онтологией, теологией, социологией, этикой. Она имеет целью не воцерквление личности с введением её в гомогенное пространство общины, в системе ценностей которой центральной фигурой является Бог. На первом месте в структуре неоязыческой мифологии находятся архетипы свободы, семьи, дома, происхождения, родства. Это объясняется как процессами технологизации и глобализации социальной сферы, так и их принципиальной новизной и иностранностью для российского менталитета, в связи с чем может интерпретироваться как оборонительно-наступательная стратегия. «Идеология и религия основной массы европейцев и россиян в значительной степени обслуживает экономические интересы. Поэтому они мирятся с положением дел и очень вяло реагируют на симптомы грядущей экологической и этнической катастрофы. Это означает, что для выживания в исторической перспективе нам требуется новая или хорошо забытая старая идея <...> кризис всей евро-

пейской цивилизации обязан забвению язычества и извращению представлений о нем»⁴. Вследствие подобной позиции на уровне идеолого-политических программ возникает противоборство этноса и нации как социополитических макроструктур, что может привести к политической дестабилизации, особенно для полиэтнических государственных образований, в основании политических мифов которых лежат имперские архетипы.

Как уже отмечалось выше, мифотехнологии имеют ограниченную эффективность вследствие ряда объективных причин. Однако рассматривая наиболее действенные из них в рамках мифов национальной идентичности, стоит обратить внимание и на способ увеличения их эффективности. Для национального мифа основополагающим защитным механизмом выступает ритуал, с помощью которого миф проявляется, акцентируя единство с общностью, принявшей субъекта. Субъекты ритуального действия символически представляют себя архетипическими героями через исполнение ролевых функций. «Устойчивость ритуала связана с потребностью в утешении и психоаналитическом очищении, с потребностью в ощущении непрерывности времени (прошлое – настоящее – будущее), потребностью в отождествлении с прототипами прошлого, потребностью в публичном закреплении общественного статуса индивидов, потребностью в символическом преодолении смертности через пополнение коллективного опыта своим индивидуальным опытом, потребностью общества в осознании своего единства»⁵. Ритуал позволяет сонастроить мифологическую программу с процессами социальной динамики, а впоследствии и управлять ими по внедрённой мифосхеме. Мифолого-идеологический императив в данном случае дублируется соответствующими вариантами социально значимых действий, что замыкает диалог должного и реального в массовом сознании.

Говоря о мифотехнологиях, их эффективности, значимости, области и границах применения, не стоит забывать об их главном недостатке: технологичности. Технология всегда отвечает на вопрос «Как эффективнее?», но не на вопрос «Для чего?». Она

всегда инструментальна и в любом процессе играет роль необходимого условия, но не смыслообразующего элемента. В случае с мифом как формой мышления технология своим инструментализмом превращает объект манипуляции из живой, активной, однозначно не определяемой субстанции в вещь, что не может не вызывать сопротивления со стороны последнего. В современной культуре присутствует достаточно моделей протестного поведения: нонконформизм, анархизм, нигилизм, экстремизм и т.п. Но в данном случае, говоря об осознанном сопротивлении символическому насилию над массовым сознанием, стоит упомянуть направление ситуационизма, в последнее десятилетие проявившее себя и в российском интеллектуально-культурном ареале.

Ситуационизм, зародившийся в середине 1950-х гг., представлял собой радикальный вариант борьбы с буржуазным идеологическим террором. С точки зрения ситуационизма, основополагающей компонентой современного капиталистического общественного устройства является «Спектакль», т.е. некое игровое представление, которым может стать все что угодно – от рекламы женских сумочек до предвыборных президентских кампаний. Обычный человек, вовлеченный в пространство Спектакля, не осознает своей зависимости и попадает в рабство. Выход ситуационисты видят в искусственно сконструированной ошеломляющей ситуации, которая разрывает цепи Спектакля. В качестве подобного действия может быть все что угодно – перформанс, выступление, художественное произведение. Фактически основой ситуационизма являются символично-ритуальные технологии, которые, как уже говорилось, работают на социально-деятельностном уровне, а если вспомнить о генетическом родстве религиозного ритуала и театрального действия, то метафора Спектакля как ключа к осознанию сущности происходящего вокруг была выбрана ситуационистами весьма удачно.

Другой приём ситуационизма – декодирование семиотических структур социальных мифов – тоже имеет ритуальную природу.

Семиотический код мифа не даёт раскрыть его глубинную архетипическую структуру, в таком свёрнутом состоянии миф владеет человеком, а значит – всегда представляет для него скрытую потенциальную угрозу, подобно незримому хтоническому началу, растворённому в пространстве космоса. Космогонический ритуал декодирует хтоническое начало, раскрывая его семиотическую структуру, включая её в общий космический семиосис (часто это представляется как процесс называния, или раздачи имён). Таким образом, ситуационизм как бы старается переварить внешнюю закодированную агрессивную среду и в какой-то степени даже упрочить свои позиции.

Подводя итоги обзору основных направлений и технологий современного социального мифотворчества, не стоит делать однозначных выводов о роли и месте подобных явлений социальной реальности. Как было показано, они несут в себе и прогрессивные тенденции и опасность, внутренне парадоксальны, и часто негативные оценки перевешивают. Однако хочется заметить, что философской мысли следует больше обращать внимание не на пути, перспективы и области технологического развития, а на место человека в этом процессе, на эволюционную реакцию его сознания и проступающие за всем этим контуры человеческой сущности.

Примечания

¹ См.: *Зелинский С.А.* Анализ массовых манипуляций в России. Анализ задействования манипулятивных методик управления массами в исследовании деструктивности современной эпохи на примере России. Психоаналитический подход / С.А. Зелинский. СПб., 2008.

² См.: *Кольев А.Н.* Политическая мифология: Реализация социального опыта / А.Н. Кольев. М., 2003. С.68.

³ См.: *Топорков А.* Мифы и мифология в современной России / А. Топорков // *Неприкосновенный запас*. 1999. №6. С.18–24.

⁴ *Велимир, волхв языческой общины «Коляда Вятчей».* Языческий миф в современном обществе. URL: 11.09.2009. <http://www.velimir.ru/txt/t36.html> [Электронный ресурс] / Велимир, волхв языческой общины «Коляда Вятчей».

⁵ *Полосин В.С.* Миф, религия, государство / В.С. Полосин. М., 1998. С.63–64.

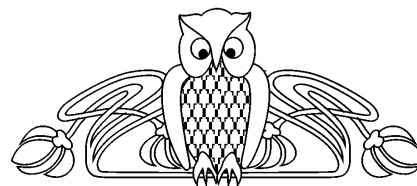

УДК 1(315)(091)+929 Конфуций

КОНФУЦИЙ И ПРОЕКТ «ГЛОБАЛЬНАЯ ЭТИКА»

Э.Р. Фахрудинова

Саратовский государственный университет
E-mail: elmirafah@yandex.ru

В статье рассматривается взаимосвязь между философией Конфуция и «глобальной этикой». Подчеркивается, что фундаментальные конфуцианские принципы совпадают с главными морально-нравственными установками «мирового этоса».

Ключевые слова: Конфуций, конфуцианство, «глобальная этика», «мировой этос», глобализация, диалог, глобальный гуманизм, моральная мудрость.

Confucius and the «Global Ethics» Draft

E.R. Fakhrudinova

The article investigates the relationship between the philosophy of Confucius and «global ethics». It is emphasized that the fundamental Confucian principles coincide with the important moral and ethical installations of «world ethos».

Key words: Confucius, Confucianism, «global ethics», «world ethos», globalization, dialogue, global humanism, moral wisdom.

Проблемы формирования «глобальной этики» относятся к актуальнейшим и труднейшим проблемам современной философии, стремящейся к самообновлению, а исследования данной проблематики ведутся в рамках философской компаративистики, сравнительного анализа восточной и западной традиций. Однако этим исследованиям не хватает сбалансированности вследствие недостаточной исследованности восточной традиции.

Ситуация, в которой оказалось человечество в начале XXI в., внушает серьезные опасения. Очевидное для многих разрушение общечеловеческих ценностей, понижение их императивного статуса в XX столетии поставили на повестку дня вопрос о «новом гуманизме» и новой, «глобальной», этике, основу которых должны составить принципы глобальных ответственности и поведения¹.

Стремление к глобальной этике не является побочным продуктом процесса глобализации – оно имеет свои основания. Это стремление неизменно присутствовало в традиционных религиях и философских учениях. Если рассматривать философию как поиск мудрости, то этот поиск должен быть универсальным, т.е. открытым для различных возражений и вопросов в любое время.

Еще со времен Конфуция философия занималась подобным универсальным поиском, следовательно актуальные глобальные проекты как теологические, так и философские имеют давнюю традицию. Однако именно XX в. как эпоха столкновения различных цивилизаций отчетливо выявил «глобализирующие» тенденции во всех сферах социальной реальности.

В современных этических системах следует выделить международный макроэтический проект «глобальная этика» (global ethics) или «мировой этос» (world ethos) Г. Кюнга². Его целью является построение диалога между философами, религиозными деятелями и учеными западно-европейских и восточно-азиатских культур по вопросам актуальных этических ценностей и норм. Для преодоления так называемого «кризиса Запада» или «кризиса модерности» («the crisis of modernity») Г. Кюнг предлагает стратегию морального возрождения, которая в наш век глобальных процессов должна быть нацелена на формулировку глобально значимых и глобально приемлемых нормативных стандартов³. По мнению ученого, глобальная этика должна базироваться на некоем «минимальном базовом консенсусе» («minimal basic consensus») между людьми всего мира по вопросам ценностей и норм. «Единый мир, в котором мы живем, имеет шанс выжить только в том случае, если в нем не останется места для различных, взаимно противоречащих и даже антагонистических этик. Этот единый мир нуждается в единой базовой этике», – пишет немецкий ученый⁴. Далее Г. Кюнг делает главный вывод: глобализация не может быть ограничена сферами экономики, политики, культуры, но должна осуществляться, прежде всего, в сфере ценностей и норм: «Если цель этики – благо для всех, то она должна быть неделимой. неделимый мир все острее нуждается в неделимой этике»⁵.

Фонд Г. Кюнга «Мировой этос» особое внимание уделяет Китаю и конфуцианской этике. По мнению ученого, эта страна – один из главных участников дискуссий, посвященных формированию макроэтического проекта. Китай также проявляет большой интерес к деятельности фонда «Мировой этос», активно участвуя в подобных мероприятиях. Так, в Пекине было проведено две конференции «Мировой этос и традиционная китайская этика». Участники конференций полагают, что первостепенным вкладом конфуцианства в дальнейшую разработку проекта «глобальной этики» может стать идея «единства в многообразии» («гармонии через различия»), которой уделяется значительное внимание в конфуцианской этике⁶. Таким образом, «мировой этос» представляет собой систему, открытую для обсуждений, критики, совершенствования и построения продуктивного диалога между философами, религиозными деятелями и учеными западно-европейских и восточно-азиатских культур.

Говоря о связи между философией Конфуция и «глобальной этикой», следует упомянуть о наличии у китайцев «эко сознания», идентичного экоэтике или экофилософии⁷. Именно «эко сознание» объясняет специфический подход китайцев к экологическим проблемам, которые, безусловно, относятся к глобальным проблемам современности.

Конфуций и его последователи считали, что доброта проявляется не только как любовь к своей семье и близким, но и как любовь ко всем существам. Вследствие этого несомненна ошибочность притязаний человека на роль «повелителя природы». Смысл жизни и счастье в гармонии человека с Природой – в этом и заключается сущность глобального гуманизма. Одним словом, «эко сознание», свойственное всем культурам, способствует объединению всех народов в построении «глобальной этики» или «мирового этоса».

По словам М.Т. Степанянц, «согласно конфуцианским представлениям, модель будущего мира должна символизировать гармоническое единство всех существующих цивилизаций»⁸. В социально-этической доктрине конфуцианства гармония представляет

собой универсальный путь, которого следует придерживаться при любых обстоятельствах. Это предполагает умеренность во всем: в эмоциях и желаниях, отказ от противоречивых поступков, т.е. реализацию принципа «золотой середины». Лишь таким путем можно сохранить мир и избежать насилия. Гармония тем не менее не исключает и различий. Так, современному обществу необходима гармония взаимодополняющих различий («гармония через различия») во имя всеобщего процветания. Поэтому конфуцианская модель глобального мира исключает доминирование какого-либо государства (или группы государств). «Глобальный мир должен сохранять культурное многообразие и уважать право каждого народа действовать в соответствии с собственными культурными идеалами и ценностями»⁹.

Не вызывает сомнений, что глобальный гуманизм, представляющий собой основу глобальной этики, имеет ряд достоинств. В современном мире, раздираемом войнами и конфликтами, затрагивающими все сферы жизнедеятельности индивида, весьма значимо и необходимо напоминание о нашей всеобщей принадлежности к роду человеческому и об универсальных установках философских и религиозных учений. В частности, этико-философские воззрения Конфуция, в которых главным образом постулируются принципы взаимной ответственности за принятые решения и четкое следование установленным моральным правилам без ущемления при этом свободы личности, заслуживают большого внимания.

Этическая доминанта конфуцианства в настоящее время может стать рациональным основанием для универсализации этических норм. Реальным в этом направлении видится компаративистский анализ этических учений, систем и понятий различных цивилизаций: западно-европейской, конфуцианской и мусульманской, а также последующее выявление их общей основы.

Однако почему именно конфуцианская философия рассматривается западными исследователями в качестве главной составляющей «глобальной этики»? Можно выделить следующие причины:

во-первых, феномен актуальности и значительности конфуцианства как синтезирующего и нравственного начала всей китайской культуры;

во-вторых, этическая доминанта в конфуцианстве: нравственность и моральные нормы являются единственным источником гармоничного функционирования государства – правления, основанного на гуманности («жэнь-чжэн»);

в-третьих, конфуцианство способно к адекватному восприятию критики и самореформированию.

В этой связи следует упомянуть о реформировании конфуцианства в XIX–XX вв. влиятельными китайскими учеными (Кан Ювэем и Лян Цичао) под мощным влиянием Запада. Переосмысление морально-нравственных основ конфуцианства следовало осуществлять с учетом западных концепций, тем не менее, в итоге, попытка реформирования конфуцианства осуществилась в традиционной направленности. Вследствие всего вышесказанного «конфуцианская этикоцентричная, коллективистская доминанта в жизни социума способна сыграть важную роль в укреплении современного гражданского общества, формировании новой модели организации социального космоса и разработке парадигмы нового “экологического” сознания XXI века»¹⁰.

Важно отметить, что для проекта «глобальная этика» может быть весьма полезна конфуцианская этическая установка на «совершенного человека» («цзюнь-цзы»), заключающаяся в постоянном самосовершенствовании, и на гармонии с окружающей природой. С процессом обучения Конфуций связывает моральное совершенствование человека – «выявление человеческого в человеке». По мнению мудреца, размышления, не подкрепленные изучением древности, губительны: внутри себя никогда не найдешь того, чем обладала «высокая древность», поэтому ей необходимо целенаправленно и неустанно учиться.

Согласно китайскому философу, и это вполне применимо к контексту современной реальности, совершенный человек должен обладать двумя основными достоинствами –

гуманностью и чувством долга. Именно установка на преодоление эгоистических ценностей способствует формированию глобального сознания. Этическая ориентация на должностное поведение также весьма актуальна для индивида, существующего в контексте глобализации. Каждый человек должен хорошо осознавать существующие проблемы и пытаться их решить на основе рациональных, а не эмоциональных установок. Гуманность и долг, как представляет Конфуций, при условии их совместного применения к моделированию поведенческой установки современного человека позволят преодолеть ряд трудностей и проблем, прежде всего, в пространстве отношений человека и окружающей среды.

Конфуций отличался весьма прогрессивными взглядами, носящими во многом прогностический характер. Так, по мнению философа, эффективны не технические приспособления сами по себе, а воля и разум самого индивида, методы человеческого воздействия, обеспечивающие доверие и искренность в отношениях между людьми. Так называемая «техника сердца», соединенная с «техникой ума» и «техникой рук», – это залог будущего развития человечества, по мнению Конфуция. Технизация жизни наделяет человека ответственностью за будущее Вселенной и, как никогда ранее, требует от него веры в силы и возможности человеческого разума. В итоге, техника заставляет человечество вернуться к природе духовного опыта. Эта позиция весьма актуальна в контексте глобальных и, зачастую, уже неразрешимых проблем современности, связанных с бесконечной технизацией социальной реальности.

У Конфуция моральная мудрость заключается в связующих силах человеческих отношений и в решениях, определяющих дальнейшую судьбу человечества. Именно моральная мудрость как высшая ценность делает возможной человеческую жизнь и поддерживает ее. Людью руководит не биологический инстинкт, они являются индивидуализированной и поэтому независимой формой жизни. Но начиная с момента рождения, мы зависим от индивидов нашего ви-

да. Приспособление людей друг к другу происходит не только за счет морали. Существует общий глобальный кодекс поведения, который регулирует взаимоотношения личностей, способствуя их гармонизации, а также является основой глобальной этики. Именно здесь, для Конфуция, моральная мудрость имеет решающее значение. В качестве сознательного коррелята добродетельного действия она дает возможность людям оценить внутренние и внешние помехи на пути к счастливой жизни посредством рефлексивного понимания их природы, помогает им в реалистической оценке своих способностей, побуждает их принимать информированные решения. Но такая мудрость требует морального воображения, самопознания и моральной глубины, возможной только через благожелательный контакт с другими культурами.

Таким образом, новое мировоззрение в условиях глобализации современной жизни приводит к необходимости создания нового культурного пространства, в котором культура и традиции всех народов находятся в состоянии активного диалога и взаимодействия. Натиск виртуального мира вынуждает осознать значимость коллективной ответственности и обратиться к глобальной этике. Ф. Даллмар отмечает: «Перед лицом этнических конфликтов и грозящих “столкновений между цивилизациями” человечество должно выработать глобальную этику и глобальную гражданскую культуру (культуру гражданственности), достаточно прочные для того, чтобы противостоять натиску насилия и разрушения»¹¹.

Социально-этическая доктрина конфуцианства актуальна и созвучна общечеловеческим нравственным ценностям. Фундаментальные конфуцианские принципы совпадают с главными морально-нравственными установками «мирового этоса» – это свидетельствует о перспективах построения межкультурного, межнационального, глобального ди-

алога между философами, религиозными деятелями и учеными западно-европейских и восточно-азиатских культур по вопросам актуальных этических ценностей и норм. Ключевая идея нравственного самосовершенствования в этико-философской системе Конфуция также может рассматриваться в качестве целеполагающей для современного человека.

Подводя итоги, следует сказать, что конфуцианская этическая доминанта способна сыграть важную роль в укреплении и дальнейшем формировании современного глобализирующегося общества, в воссоздании новой модели социально-культурного пространства, в решении проблемы обеспечения диалога идентичностей: межкультурного, межнационального, глобального, а также – в формировании проекта «глобальная этика».

Примечания

¹ Фролов И.Т. Новый гуманизм / И.Т. Фролов // Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 2002. С.567.

² Kueng H. Global Responsibility: In Search of a New World Ethic / H. Kueng. N.Y., 1991.

³ Даллмар Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм» – «партикуляризм» / Ф. Даллмар // Вопр. философии. 2003. №3. С.13–29.

⁴ Kueng H. Op. cit. S.9,28,35.

⁵ Ibid. S.5.

⁶ См.: Erste Konferenz ueber Weltethos und traditionelle chinesische Ethik // Allgemeine Erklarung der Menschenpflichten. Ein Vorschlag / Hrsg. H. Schmidt. Muenchen, 1998. S.104.

⁷ См.: Степаняц М.Т. Восточные сценарии глобального мира / М.Т. Степаняц // Вопр. философ. 2009. №7. С.35–43.

⁸ Там же. С.39.

⁹ Там же. С.43.

¹⁰ Середкина Е.В. Конфуцианские тенденции в современных дискуссиях о «глобальной этике» / Е.В. Середкина // Путь Востока. Традиции и современность: материалы V молодежной науч. конф. по проблемам философии, религии, культуры Востока. Серия: «Symposium». СПб., 2003. Вып.28. С.55–59.

¹¹ Даллмар Ф. Указ. соч. С.26.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

НОМО VIRTUALIS: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В.В. Афанасьева

Саратовский государственный университет
E-mail: veraafanasyeva@mail.ru

Обсуждается формирование нового типа человеческой личности, человека виртуального, и изучаются особенности его психологических характеристик.

Ключевые слова: человек виртуальный, виртуальная личность, виртуализация социума.

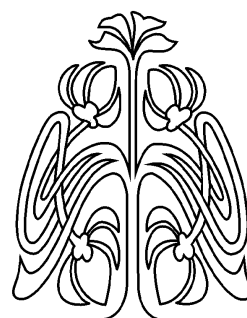
Homo Virtualis: Psychological Characteristics

V.V. Afanasyeva

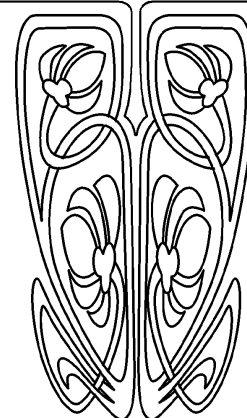
Formation of a new type of human personality, Homo Virtualis is discussed, and peculiarities of its psychological characteristics are investigated.

Key words: Homo Virtualis, virtual personality, virtualization of society.

Интерес к виртуальным феноменам во всех их проявлениях, возникший в конце двадцатого века, инициировал активное психологическое¹, онтологическое², социально-философское³ исследование последних. Самые значительные успехи в изучении виртуального бытия, на наш взгляд, достигнуты с помощью онтологического анализа. Его результатом стало выделение существенных свойств виртуального (онтологическая ущербность, недовоплощенность, отсутствие субстрата, телесности; кратковременность; переходность; способность активно влиять на реальность или даже превращаться в нее) и прояснение соответствующего понятия: «Виртуальный – недовоплощенный, существующий, хотя и не воспринимаемый таковым, изменяющий реальность»⁴. Представления о виртуальном бытии заставили отказаться от классических дихотомичных представлениях о существующем, построить постнеклассическую картину полионтичного, многоуровневого многослойного мира, в котором прежде полярные существование-несуществование соединяются бесконечной цепью состояний с разными степенями воплощенности в действительности. Нами введены также представления о *человеке виртуальном*, для которого бытие в виртуальном мире более значимо, чем реальное бытие, и о *виртосфере* – виртуальной оболочке Земли, включающей в себя все множество виртуальных феноменов⁵. Широкое рассмотрение позволило к настоящему времени осмыслить как виртуальные не только продукты компьютерных технологий, но и многие ранее известные феномены, связанные с культурой, искусствами, религией, мифологией, политикой, наукой, экономикой⁶. Не преувеличивая, можно утверждать, что *виртуальность стара как мир, а представления о виртуальных объектах изначально свойственны человеческому сознанию.*

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

На сегодняшний день виртуальным следует признать все бестелесное, но значимое для реальности: любой интеллектуальный, духовный акт, любой чувственный или сверхчувственный опыт. И в этом смысле, все мы в той или иной степени люди виртуальные, все мы так или иначе пребываем в виртуальных мирах, создаем виртуальные объекты, определяющие нашу и чужую жизнь, все находимся под действием виртуальных феноменов, творимых другими или нами самими. Однако смысловая, интеллектуальная, чувственная, этическая, ценностная нагруженность виртуальных миров различна и по-разному соотносится с действительностью. С точки зрения того, что любой человек связан с собственными, творимыми в процессах познания и творчества мирами, виртуальность присуща человеческому сознанию изначально, однако эта первичная, имманентная человеку виртуальность может дополняться и дополняется вынужденной, навязанной извне виртуализацией сознания и личности. Двадцатый век преуспел в творении виртуальностей, вбирающих человека в свое поле, современный социум довел процессы виртуализации личности до максимума.

Не вызывает сомнения тот факт, что на наших глазах уже родилась новая социально-культурная общность людей, объединенных стремлением значительную часть своей жизни проводить в виртуальном мире, где успешно удовлетворяются их основные культурные и социальные потребности. И одним из самых значимых итогов виртуализации всех сфер жизни следует признать возникновение Homo Virtualis, человека виртуального, который ориентирован на виртуальность, обладающего чрезмерно виртуализированным сознанием и являющегося создателем, носителем и потребителем виртуальных феноменов. Именно в виртуальном пространстве человек виртуальный работает, учится, отдыхает, общается, потребляет информацию и удовольствия, именно для Homo Virtualis и с помощью Homo Virtualis возникают и существуют все новые и новые виртуальные феномены, целые виртуальные миры. В первую очередь, появление ярко выраженного

человека виртуального связано с повсеместным распространением компьютерных сетей, однако процессы виртуализации человеческого сознания определяются и деятельностью СМИ, в том числе, телевидения, радио, прессы, индустрией массовой пропаганды, виртуализацией коммуникаций, творчества, творением новых мифов и т.д. Люди виртуальные приобретают специфические психологические характеристики, а появление ярко выраженного «человека виртуального» ставит перед современной психологией множество проблем.

Одной из самых значительных является особая притягательность виртуальной реальности для человека, и причины этого можно выделить самые разные. Исследования показывают, что в ряде случаев побудительными мотивами предпочтения виртуальной реальности актуальному миру могут быть бегство от реальности, суперкритическое отношение к традиционному, получение удовольствий, в некоторых – всегда присущее человеку стремление познать новое, погрузиться в иной, пока еще неизведанный мир. Безусловно, существует множество причин, по которым человек стремится уйти в виртуальный мир, но одной из *основных*, на наш взгляд, является *малая «энергоёмкость» всех происходящих в виртуальной жизни процессов*. В человеческой природе заложено стремление минимизировать собственные энергетические затраты и время любой деятельности (лень), и именно в виртуальном киберпространстве это достигается проще всего. Чтобы общаться с виртуальным партнером, например, не нужно одеваться и выходить из дому; чтобы прочитать электронную книгу, не нужно идти в библиотеку; путешествовать можно, не покидая своего места за компьютером. Присущее человеку стремление сохранять свою энергию в виртуальном мире удовлетворяется максимально полно, именно поэтому основными жителями компьютерного виртуального мира являются именно ленивые. И речь идет не только о физической, но и духовной лени. До создания глобальной компьютерной сети роль «суррогата» реального мира выполняло телевидение, однако компьютерная виртуальная реальность, об-

ладающая интерактивностью, оказывается более вязким заменителем реальности. Не требующее духовных и физических затрат пребывание в подобном энергетическом болоте, по сути, – наркомания, сродни реальной наркотической зависимости или алкоголизму.

Другой важной психологической проблемой, связанной с человеком виртуальным, является пренебрежение своей телесностью. Совершенно очевидно, что в виртуальном существовании человек значительно умаляет свою телесность: забывает о теле, не заботится о своем здоровье, как правило, максимально отходит от реальных физических и биологических обязанностей. Бестелесная виртуальность стремится уменьшить реальную телесность, забирая у действительности часть энергии, и делает это весьма агрессивно, порой доводя до болезни. Заметим, что в большинстве случаев это ни в коем случае не приводит к развитию интеллектуальной, духовной, нравственной человеческих ипостасей. Сидящие у мониторов и экранов не становятся умнее, вместо информации, как правило, получают информационный мусор, безусловно, не становятся нравственнее и, конечно, далеки от процессов духовного строительства. Дело в том, что развитие ума, нравственного потенциала и духовного начала для человека напрямую связаны с физическими, телесными усилиями: чтобы чему-то научиться, что-то построить, узнать нечто важное, следует потрудиться не в виртуальном, а в реальном мире. Итак, существенной особенностью человека виртуального является пренебрежение своим физическим и духовным здоровьем, хотя часто это пренебрежение не осознается или камуфлируется новыми, навязанными масс-медиа представлениями о здоровом и телесном.

Сегодня уже следует различать «вне-виртуальную» и «виртуальную» человеческие личности. Формирующаяся новая виртуальная личность раскрывается через самосознание и самоотнесенность внутри самой же виртуальной реальности. Для этой виртуальной личности образы виртуального мира не являются недоовоплощенными или аллегоричными, они вполне реальны, ибо сущест-

вуют с ней в одном пространстве. У *Homo Virtualis* особые, условные антропные характеристики, нетривиальная идентификация и самоидентификация. В пространстве виртуальной реальности в процессах виртуального общения любой человек может приобрести желаемые внешность, возраст, пол, национальность и т.д. Проблема «виртуальной телесности» в настоящее время еще недостаточно изучена психологией, однако представляется весьма интересной и важной.

Важнейшей особенностью виртуальной личности является наличие ярко выраженных зависимостей. Существует мнение, что творение виртуальной реальности создает основу для максимального увеличения свободы индивидуумов, свободы творчества и т.д. Однако тезис о возрастании индивидуальных свобод для *Homo Virtualis* сомнителен и нивелируется зависимостью сознания и образа жизни человека, ориентированного на виртуальность, от функционирования компьютерных сетей и своей новой, виртуальной личности. Отрицательное влияние виртуальной реальности на психику и здоровье людей, например интернетомания и телемания, широко обсуждается в психологической и медицинской литературе. Мы полагаем, что существенной характеристикой виртуальной личности является именно ее *несвобода*, зависимость от виртуальных пространств, в которых она формируется и пребывает.

Нынешний человек виртуальный – это человек коллективный. Психологи и социологи полагают, что стремление попасть в Сеть заложено в человеке на генетическом уровне. Сегодня уже установлено, что сетевые социальные структуры оживляют генетическую память о первобытном обществе, об отсутствии социальной и имущественной иерархии, привилегий, деления на «начальников» и «подчиненных», о возможности существования в человеческом сообществе только частичного или временного лидерства. Учитывая это, Интернет можно рассматривать как модель, воскрешающую некоторые черты первобытного прошлого, ведь все вышесказанное точно соответствует сетевой этике и известной на сегодняшний день структуре Интернета. Бурный рост Сети и

создание «электронных общин» проявляются как реакция на изоляцию субъекта современного социума. Интернет компенсирует процесс атомизации общества, включает генетическую память об исходном социуме, помещает человека в предельно демократический виртуальный коллектив. Уже сейчас компьютерные технологии сформировали несколько ярко выраженных субкультур. Это разработчики и модификаторы компьютерных технологий – компьютерщики. У них свой стиль поведения, свой язык, своя система ценностей, своя «философия», претензии на сверхэлитарность. Они заражены идеей мессианизма, убеждены в том, что творят будущее человечества: благодаря высокому социальному статусу сообщество пополняется высококлассными специалистами из многих областей науки, искусства, превращаясь в сплоченную междисциплинарную среду. Им сопутствуют другие группы, так называемые квалифицированные пользователи, например, инфоброкеры, свободно и целенаправленно передвигающиеся в виртуальном пространстве в поисках информации. Носителями особой субкультуры является маргинальная «богема» виртуального пространства – «киберпанки». Это тысячи компьютерных маньяков, футурологов, ученых-одиночек, художников, музыкантов и т.д. Для многих из них виртуальное общение – единственный способ контактировать с людьми и получить персональный статус. Киберпанкизм как маргинальное культурное явление обеспечивает существование нового андерграунда.

Виртуализация личности современного человека связана не только с погружением в кибер- или телепространство, но и с множественными, навязанными масс-медиа симуляциями. Множественные симуляционные технологии, распространенные в современном социуме, либо захватывают человека в бессмысленную гонку, симулирующую реальную жизнь, навязывают ему многочисленные, иногда не свойственные ему желания, либо делают его вечным зрителем, давая вместо жизни лишь ее иллюзию, видимость, а вместо включенности в реальность – ощущение включенности и приобщения ко всему, что делается на экранах телевизоров. Че-

ловек виртуальный четко следует многочисленным новейшим ритуалам. Миллионы телезрителей строят свой реальный день соответственно сетке телепередач, а невозможность посмотреть привычную программу воспринимают как личную трагедию. Женщина, помешанная на покупках, делает потребление товаров ежедневным ритуалом, она уже не может остановиться, ведь вне этого ритуала открывается дверь в экзистенциальную пропасть, за которой пустота несуществования. Жажда потребления информации, удовольствий и товаров, превращающаяся в экстаз, становится отличительной чертой виртуального человека.

Выдвижение на первый план многих современных исследований концепции виртуальных миров очень тесно связано с доминированием идей личностной идентификации, сформулированных в 60-е гг. XX в. Э.Х. Эриксеном. Известно, что каждое поколение в процессе своего духовного становления неизбежно сталкивается с проблемой новой личностной идентификации, причем чаще всего в зашифрованной форме, в виде архетипических мифологических или литературных образов. Формирование, духовное становление почти каждого человека в современном обществе происходит в условиях развала структур традиционализма и свободы выбора своего будущего каждой личностью. Виртуальные объекты, создаваемые современными искусствами, куда следует включить телевидение и рекламу, зачастую определяют направления самоидентификации и создают ее особые условия. Современные искусства выдвигают в виде архетипических моделей эталоны, соответствующие не бесконечным (как в мифе), а конечным, достижимым пределам человеческих возможностей. И если в мифе образцом мужской силы является Геракл, то в современном мифе – Шварценеггер. Стремиться стать Гераклом нельзя, Шварценеггером – можно попробовать, и эта возможность формирует определенные установки сознания на достижение намеченной цели, приводит к заблуждениям, неверным самооценкам, и как следствие этого, кризисам самоидентификации.

В условиях навязанной средствами информации массовой симуляции проблема положительной самоидентификации становится чрезвычайно важной. В первую очередь, она связывается с желанием изменить свою внешность и телесность сообразно новым, придуманным на потребу модным технологиям стандартам, мода в широком смысле определяет самоидентификацию современного человека. Нынешняя востребованность пластической хирургии неслучайна: виртуальная личность стремится к воплощению виртуальной же телесности. Старость и увядание, естественные в нормальной жизни, кажутся неестественными в громадном виртуализированном и симулирующем ярком социуме, где постоянно появляются новые молодые «охотники за удачей», где никому нет дела до чужих проблем, где обстановка меняется с молниеносной скоростью, а праздничный способ существования диктует свои жесткие правила. На сохранение молодости и красоты работают целые индустрии, и эта погоня в большом городе тоже становится ритуалом и даже смыслом существования. Культ красоты и молодости питается из перенасыщенного образами виртуального пространства СМИ. По заключениям психологов, основанное на древних инстинктах сознание человека не рассчитано на такую массивную стимуляцию эстетическими и эротическими образами, поток которых обрушивается сейчас на современного жителя мегаполиса с каждого плаката, рекламного щита, с экрана телевизора и компьютера. Реальная самоидентификация в таком массивном потоке может оказаться негативной и чрезвычайно болезненной и для компенсации становится виртуальной, стремится в самую простейшую сферу виртуального, в интернет-пространство. Виртуальное тело, виртуальный пол, виртуальное имя, виртуальный статус, виртуальная психика, виртуальные привычки, виртуальные достоинства и пороки, которые так легко приобретаются в компьютерном мире, входят в сферу обыденного. Виртуальная идентичность дает свободу коммуникаций, оставаясь мнимой идентичностью. Социум же может принимать либо не принимать эту мнимую идентичность, у-

верждая ее в виде основной социальной или отвергая как маргинальную.

Отметим еще один важный факт: большинство виртуальных людей пребывают в несобственных, чужих, созданных не ими самими виртуальных мирах. Создание собственного виртуального мира, написание книги, например, создание философской концепции или научной теории сопровождаются значительными физическими усилиями в реальности и предполагают определенный нравственный уровень, не позволяющий забывать о реальном мире, в том числе, о близких людях. Творчество не терпит лени и в идеале предполагает следование моральным нормам. Существование в несобственных виртуальных мирах чревато рисками чрезмерной виртуализации, умаляющей человеческую телесность через человеческую же духовную и физическую лень, и находясь в несобственных виртуальных мирах, следует помнить об этом. Однако хотелось бы отметить еще одно важное обстоятельство: чрезмерная виртуализация может возникать и в собственных виртуальных мирах, в этом случае собственное «духовное» развитие в значительной степени подавляет физическое и становится особенно опасным. В некоторых случаях этому можно найти причины и оправдание, однако зачастую это связано с особыми рисками. Одержимость, фанатизм, мании, паранойи входят в круг подобных рисков.

Итоги формирования *Homo Virtualis* как нового типа личности со специфическими психологическими характеристиками и особенностями самоидентификации обсуждать пока преждевременно, однако уже прослеживаются некоторые неутешительные тенденции. Достаточно большой процент современных людей предпочитают виртуальное общение реальному. Создаваемый человеком новый онтологический уровень реальности не только разобщает людей в актуальном мире, но и меняет его самого, последнее кажется негативным и опасным. Вот почему психологический анализ процессов виртуализации личности современного человека представляет собой чрезвычайно важную проблему. В заключение можно сказать, что

в качестве специфических психологических характеристик *Homo Virtualis* мы выделяем его несвободу, зависимость от виртуальных пространств, виртуальных феноменов, виртуальных коммуникаций; пренебрежение своим реальным здоровьем и реальной телесностью; неопределенность, неоднозначность, размытость самоидентификации. Все эти особенности виртуальной человеческой личности требуют отдельных специальных исследований.

Примечания

¹ См.: Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности / Н.А. Носов. М., 1994; Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития / Под ред.

Н.А. Носова. М., 1996; *Он же*. Манифест виртуалистики / Н.А. Носов // Труды лаборатории виртуалистики. М., 2001. Вып.15; *Он же*. Виртуальная психология / Н.А. Носов // Труды лаборатории виртуалистики. М., 2000. Вып.6.

² См.: Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии / С.С. Хоружий. М., 2005.

³ См.: Иванов Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. СПб., 2000; Гасилин В.Н. Виртуализация социума / В.Н. Гасилин, Л.А. Тягунова. Саратов, 2007.

⁴ Афанасьева В.В. Тотальность виртуального / В.В. Афанасьева. Саратов, 2005.

⁵ Там же.

⁶ Акчурин И.А. Виртуальные миры и человеческое познание / И.А. Акчурин // Общетеоретические и логические проблемы виртуальных миров. М., 2003. С.12.

УДК 159.9.01(091)+572.08; 572.5/.7; 572:612

КОНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

А.А. Зайченко

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: zaichenko1958@mail.ru

Конституциональная психология – область знаний, предметом которой являются связи конституциональных – телесных, дерматоглифических, серологических и психических (личностных, главным образом, темпераментальных, «психодинамических») особенностей. Конституциональная психология развивается на границе биологической психологии как области психологии, использующей измерения психических (поведенческих) и биологических переменных с целью выявления их связей, и конституциологии как раздела физической (биологической) антропологии, предметом которой является конституция человека – совокупность свойств организма, связанных с его реактивностью и индивидуальным своеобразием биологического времени (особенностями, темпом индивидуального развития).

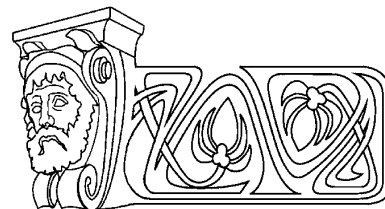
Ключевые слова: конституциональная психология, биопсихология, физическая антропология, частные конституции, личность, телосложение, дерматоглифика

Constitutional Psychology

A.A. Zaichenko

The subject of the constitutional psychology is correlations of constitutional – body, dermatoglyphic, serologic and psychological (personality, and mainly temperamental, «psychodynamic») features. Constitutional psychology is developing on the boundary between biological psychology (the area of psychology which uses the observations of behavioral and biological parameters with the purpose of identifying their associations) and constitutionology (the division of physical [biological] anthropology), the subject of which is the constitution of a person – the set of organism properties associated with sensibility and individual diversity of the biological time (features, rate of individual development).

Key words: constitutional psychology, biopsychology, physical anthropology, particular constitutions, personality, body-built, dermatoglyphics.

Конституциональная психология – область знаний, предметом которой являются связи конституциональных – телесных, дерматоглифических, серологических и психических (личностных, главным образом, темпераментальных, психодинамических) особенностей. Она развивается на границе биологической психологии и конституциологии как раздела физической антропологии.

Биологическая психология, биопсихология или психобиология – область психологии, использующая измерения психических (поведенческих) и биологических (морфологических, физиологических или генетических) переменных с целью выявления их связей¹. Основным теоретическим положением, на котором базируется биологическая психология, является признание материального субстрата психических явлений и поведения.

Конституциология – область физической (биологической) антропологии, предметом которой является конституция человека (лат. *constitutio* – состояние, устройство) как совокупность свойств организма, связанных с его реактивностью и индивидуальным своеобразием биологического времени (осо-

бенностями, темпом индивидуального развития)². Конституциональное направление в психологии и медицине в европейской научной традиции базируется на трактатах «Гипократова сборника» и трудах Галена, дуализме «телесной» и «мыслящей» субстанций Р. Декарта, работах Ф. Гальтона, Э. Кречмера и У.Г. Шелдона.

Конституциональная психология близка к дифференциальной психологии – науке, сложившейся благодаря трудам Гальтона, методологической базой которой стали тесты и их статистический анализ³. Гальтон постоянно акцентировал внимание на индивидуальных различиях, измерении и наследственности, при этом центральное место в его представлениях занимала идея, согласно которой индивидуальные психические и поведенческие различия частично или преимущественно наследуются. Ученый полагал, что следует производить измерения физических и психических характеристик, после чего выявлять корреляционные соответствия между полученными данными, т.е. им был предложен корреляционный анализ. Он считал, что коррелирующие признаки имеют общий источник или причину, что заложило основу факторного анализа – основного инструмента современной теории личности, при помощи которого пытаются выявить факторы, объясняющие корреляции между бесконечным количеством личностных черт. Ведущими теоретиками факторного анализа являлись Р.Б. Кэттелл и Г.Ю. Айзенк, последний – создатель трехфакторной модели личности. Сначала Айзенк выявил два фактора – экстраверсию и нейротизм, а пять лет спустя добавил третий фактор – психотизм⁴. В последних изданиях четвертая шкала в модели Айзенка – ложь или социальная конформность – также рассматривается в качестве личностной черты, нейротизм называется «эмоциональностью», а психотизм – «склонностью к приключениям / осторожностью», что должно подчеркивать оценку личностными шкалами факторов личности в пределах нормы⁵. Многие исследователи, в частности, П.В. Симонов, считают, что вариативность экстраверсии и нейротизма зависит от специфики взаимодействий струк-

тур мозга, которая частично наследуется. В последние годы большую популярность приобрела пятифакторная модель личности⁶, которая согласуется с трехфакторной моделью Айзенка в важности факторов экстраверсии и нейротизма⁷. Однако в ней добавляется новый фактор – открытость опыту, а психотизм делится на два независимых фактора: сознательность и уступчивость или альтруизм (доброжелательность)⁸. Р. Клонинджер сконструировал психобиологическую модель личности, в которой темперамент включает четыре свойства: избегание ущерба, поиск новизны, зависимость от награды и упорство⁹. При этом обнаружены связи трех первых с биохимическими (медиаторными) системами мозга и полиморфизмом определенных генов¹⁰. С позиций этой модели в основе антисоциального поведения личности лежит сочетание низкого «избегания ущерба», высокого «поиска новизны» и низкой «зависимости от награды»¹¹.

В отечественной психологии исследования темперамента всегда шли в тесной связи с учением И.П. Павлова о типах высшей нервной деятельности (типах нервной системы), а в дальнейшем – с изучением Б.М. Тепловым и В.Д. Небылицыным индивидуальных различий поведения и деятельности, что легло в основу дифференциальной психофизиологии. В.С. Мерлин проводил исследования темперамента¹² и личности¹³ в структуре различных уровней интегральной индивидуальности – биохимического, соматического, нейродинамического, психодинамического, личностного и уровня социальных ролей¹⁴, что ознаменовало проникновение идей конституциологии в отечественную психологию¹⁵. В теории антропологической психологии Б.Г. Ананьева индивидуальность рассматривается в качестве высшего уровня организации человека – как индивида, так и личности. Б.Г. Ананьев утверждал: «В реальном человеческом развитии нет каких-либо фиксированных границ между умственным и физическим, речедвигательным и двигательным, корковым и висцерально-общесоматическим развитием»¹⁷. Это позволило ему сделать вывод о том, что комплекс свойств индивида (половозрастных, нейродинамиче-

ских, конституционально-биохимических) входит в структуру личности наряду с направленностью, мотивами, отношениями, чертами характера¹⁷. Б.Г. Ананьев положил начало комплексным исследованиям человека, в которых психологи должны были освоить смежные антропологические специальности, чтобы проводить исследования на стыке наук¹⁸. В работах Г.И. Акиншиковой, проводившихся на грани психологии, физической антропологии и генетики, показано наличие связей в структуре индивидуальной организации – телосложения, тканевого метаболизма и психических функций¹⁹. По ее словам, «глубоко укоренившийся в науке биосоциальный дуализм, стремление либо противопоставить психическое соматическому, либо рассматривать их как явления независимые друг от друга, тяжело отражается на отдельных областях наук о человеке и на человекознании в целом»²⁰.

В.М. Русалов, продолжая исследования темперамента, выдвинул концепцию существования «частных конституций»²¹, которая получила развитие в работах антрополога Б.А. Никитюка (1933–1998)²², благодаря чему понятие «общей конституции» наполнилось конкретным содержанием. Таким образом, если общая конституция отражает видовую (биологическую) реактивность организма, связывает и обуславливает морфологические, биохимические, физиологические и психические свойства человека, то частные конституции отражают групповую (типовую) реактивность и являются ее проявлением на соматическом, дерматоглифическом, серологическом, нейродинамическом, психодинамическом уровнях: соматическая (телесная) конституция (тип телосложения или соматотип) является ее анатомическим проявлением – условный комплекс маркеров, выявляющих состояние реактивности и профиль индивидуального развития на соматическом уровне; дерматоглифическая конституция – тип гребешковых узоров и сгибательных борозд пальцев, ладони и подошвы; серологическая конституция – принадлежность к той или иной группе крови; нейродинамическая конституция – тип нервной системы; психодинамическая конституция – тип темперамента

или личности. В связи с этим ключевой задачей конституциологии стало обнаружение наличия и выявление характера связей частных конституций («уровней индивидуальности») в общей конституции («интегральной индивидуальности»).

В результате исследований немецкого психиатра Э. Кречмера и американского психолога и антрополога У.Г. Шелдона наиболее изучены и широко освещены в литературе связи частной психодинамической конституции (темперамента и личности) с частной телесной конституцией. Именно благодаря этим исследованиям и возникла конституциональная психология. В 1921 г. в монографии «Строение тела и характер» Кречмер предложил выделять три типа телосложения (или габитуса): лептосомный, или астенический, атлетический и пикнический²³. По характеристикам личности Кречмер выделил две конституциональные группы: 1) шизотимик, основным психическим содержанием которого является «психоэстетическая пропорция» между «чувствительным и холодным полюсами» – колебания эмоций между «раздражением до сухости»; 2) циклотимик с диатетической пропорцией между «веселым и грустным полюсами» – эмоции колеблются между радостью и печалью. Шизоиды включают гиперэстетический чувствительный и анестезирующий холодный полюсы, а циклоиды – депрессивный, или «меланхоличный», и гипоманиакальный полюсы. Кречмер полагал, что людей можно классифицировать на дискретные категории, за рамками которых остается лишь небольшое число индивидуумов. Эта предпосылка была распространена до 1930–40-х гг., хотя многие исследователи признавали, что большая часть людей не относится к выделенным крайним вариантам.

О том, что существуют не дискретные «типы», а непрерывно распределенные «компоненты» телосложения, впервые заявил У.Г. Шелдон, для которого «компонент» представлял собой совокупность физических черт, по которым можно описать и количественно оценить телосложение любого конкретного человека. Система Шелдона опубликована в 1940 г.²⁴ и иллюстрирована вы-

шедшим в 1954 г. атласом²⁵. Ученый разработал систему оценки трех первичных (главных) компонентов телосложения, которые условно назвал по трем зародышевым листкам (энтодерма, мезодерма и эктодерма): эндоморфия, мезоморфия, эктоморфия. Кроме того, он выделил три первичных (главных) компонента темперамента: висцеротония, соматотония, церебротония²⁶. Определив число баллов по компонентам темперамента у 200-т испытуемых и сопоставив их с данными по компонентам соматотипов, Шелдон установил, что коэффициент корреляции между висцеротонией и эндоморфией, соматотонией и мезоморфией, церебротонией и эктоморфией составляет порядка +0,8²⁷. Подчеркивая неразрывную связь телосложения и темперамента, Шелдон даже пользовался терминами эндотония, мезотония и эктотония. Однако эта более тесная связь, чем можно было предположить, вызвала критику не столько из-за наличия противоречащих ей данных, сколько из-за недоверия оппонентов. Продолжение конституционального направления в изучении психических и поведенческих расстройств в отечественной клинической психологии и психиатрии в России нашло в трудах психиатра и антрополога Н.А. Корнетова²⁸.

Начало научных исследований психодерматоглифических связей можно отнести к работам 1930-50-х гг. английского специалиста по дерматоглифике Н. Джекуина²⁹. В настоящее время проблемам связей дерматоглифической конституции с нейродинамической и психодинамической конституциями посвящены работы антропологов Л.И. Тегак³⁰ и Т.Ф. Абрамовой³¹, нейрофизиолога Н.Н. Богданова³². Изучаются особенности частной дерматоглифической конституции лиц с психическими и поведенческими расстройствами вследствие употребления психоактивных веществ³³ и, в частности, синдромом зависимости от алкоголя³⁴. Проводятся комплексные исследования связи уровней депрессии, тревоги и алекситимии с вариантами частных соматической и дерматоглифической конституций³⁵. Выявлены особенности личности, телосложения, пальцевых узоров и их связей у лиц с синдромом зави-

симости от алкоголя³⁶, делинквентных подростков³⁷ и мужчин, осужденных за насильственные преступления³⁸.

Наименее исследованы связи психодинамической и серологической конституций. При этом обнаруженные О.Д. Волчек³⁹ и Н.В. Ротмановой⁴⁰ и другими исследователями ассоциации факторов личности (темперамента) с фенотипами групп крови далеко не однозначны. Продолжается изучение связей частной серологической конституции с уровнями депрессии, тревоги, алекситимии и вероятностью возникновения опухолевого роста⁴¹.

Представляется, что связи между телосложением, дерматоглификой, группой крови и темпераментом могут интерпретироваться в русле причинно обусловленных корреляций, так как объясняются действием сцепленных генов. Кроме того, связи нейродинамической, психодинамической и дерматоглифической конституций могут быть обусловлены тем, что эпидермис и нервная ткань имеют общий источник развития в эмбриогенезе – эктодерму, в связи с чем форма пальцевых узоров маркирует темпы роста нервной ткани, а свойства нервной системы, в свою очередь, тесно связаны с типом темперамента. Таким образом, маятник направленности научных исследований человеческой индивидуальности качнулся назад к «nature» («природе» как совокупности биологических факторов) после длительного акцента на «nurture» («воспитании, образовании, обучении, питании» как совокупности социальных факторов), и в центре внимания вновь оказались вопросы о том, какие особенности психики и какие элементы поведения связаны с физическими признаками и, если такие связи существуют, то с какими именно признаками и насколько тесные. При этом комплексность подхода к исследованию особенностей и связей частных психодинамической, соматической, дерматоглифической и серологической конституций делают возможным выделение групп риска развития психических и поведенческих расстройств с фокусированием донозологических экспресс-диагностических и реабилитационных программ.

Примечания

- ¹ См.: *Rosenzweig M.R.* Biological Psychology: An Introduction to Behavioral and Cognitive Neuroscience / M.R. Rosenzweig [et al.]. N.Y., 2004.
- ² См.: *Никитюк Б.А.* Интегративная биомедицинская антропология / Б.А. Никитюк, Н.А. Корнетов. Томск, 1998.
- ³ См.: *Палмер Д.* Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / Д. Палмер, Л. Палмер. СПб., 2003.
- ⁴ См.: *Eysenck H.J.* General features of the model for personality / H.J. Eysenck. N.Y., 1981. P.137.
- ⁵ См.: *Eisenck H.J.* Manual of the Eysenck Personality Profiler (V.6) / H.J. Eisenck, G.D. Wilson; Ed. C.J. Jackson. Guildford, 2000.
- ⁶ См.: *Лаак Я. Тер.* Big 5: как измерить человеческую индивидуальность: Оценки и описания / Я. Тер Лаак, Г. Бругман. М., 2003.
- ⁷ См.: *Слободская Е.Р.* Соотношение личностных моделей «Большой пятерки» Г. Айзенка и Дж. Грея / Е.Р. Слободская, М.В. Сафронова, О.А. Ахметова // Психол. журн. 2007. Т.28, №4. С.75–81.
- ⁸ См.: *Голдберг Л.Р.* Межкультурное исследование лексики личностных черт: «Большая пятерка» факторов в английском и русском языках / Л.Р. Голдберг, А.Г. Шмелёв // Психол. журн. 1993. Т.14, №4. С.32–39.
- ⁹ См.: *Cloninger C.R.* A systematic method for clinical description and classification of personality variants: A proposal / C.R. Cloninger // Arch. Gen. Psychiatry. 1987. V.44. P.573–588.
- ¹⁰ См.: *Cloninger C.R.* Anxiety proneness linked to epistatic loci in genome scan of human personality traits / C.R. Cloninger [et al.] // Amer. J. Med. Genet. 1998. V.81, №4. P.313–317.
- ¹¹ См.: *Cloninger C.R.* Integrative psychobiological approach to psychiatric assessment and treatment / C.R. Cloninger, D.M. Svrakic // Psychiatry. 1997. V.60. P.120–141.
- ¹² См.: *Мерлин В.С.* Очерк теории темперамента / В.С. Мерлин. М., 1964. С.17.
- ¹³ См.: *Мерлин В.С.* Личность как предмет психологического исследования / В.С. Мерлин. Пермь, 1988. С.67.
- ¹⁴ См.: *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. М., 1986.
- ¹⁵ См.: *Никитюк Б.А.* Нейродинамическая конституция и ее дерматоглифические корреляты / Б.А. Никитюк // Российские морфологические ведомости. 1996. №2(5). С.149–154.
- ¹⁶ *Ананьев Б.Г.* Структура индивидуального развития человека / Б.Г. Ананьев // О проблемах современного человекознания. М., 1977. С.217.
- ¹⁷ См.: *Головей Л.А.* Онтопсихология – психология развития индивидуальности / Л.А. Головей // Психол. журн. 2007. Т.28, №5. С.61–69.
- ¹⁸ См.: *Логинава Н.А.* Феномен человека: жизнь и творческая индивидуальность Б.Г. Ананьева / Н.А. Логинава // Психол. журн. 2007. Т.28, №5. С.38–48.
- ¹⁹ См.: *Акинщикова Г.И.* Телосложение и реактивность организма человека / Г.И. Акинщикова. Л., 1969.
- ²⁰ *Акинщикова Г.И.* Соматическая и психофизиологическая организация человека / Г.И. Акинщикова. Л., 1977. С.155.
- ²¹ См.: *Русалов В.И.* Биологические основы индивидуально-психологических различий / В.И. Русалов. М., 1979.
- ²² См.: *Никитюк Б.А.* Конституция человека / Б.А. Никитюк // Итоги науки и техники. Серия: Антропология. 1991. Т.4. С.115.
- ²³ См.: *Кречмер Э.* Строение тела и характер. Исследования к проблеме строения и к обучению теории темпераментов / Э. Кречмер. М., 2003. С.380.
- ²⁴ См.: *Sheldon W.H.* The varieties of human physique: An introduction to constitutional psychology / W.H. Sheldon, S.S. Stevens, W.B. Tucker. N.Y., 1940.
- ²⁵ См.: *Sheldon W.H.* Atlas of Men: A Guide for Somatotyping the Adult Male at All Ages / W.H. Sheldon. N.Y., 1954.
- ²⁶ См.: *Sheldon W.H.* The Varieties of Temperament: A Psychology of Constitutional Differences / W.H. Sheldon, S.S. Stevens. N.Y., 1942.
- ²⁷ См.: *Sheldon W.H.* The somatotype, the morphophenotype and the morphogenotype / W.H. Sheldon // Cold. Spring. Harb. Symp. Quant. Biol. 1950. V.15. P.373–382.
- ²⁸ См.: *Корнетов Н.А.* Клиническая антропология в психиатрии / Н.А. Корнетов. Томск, 1998.
- ²⁹ См.: *Jaquin N.* The Hand of Man / N. Jaquin. L., 1934. P.44–46.
- ³⁰ См.: *Тегакко Л.И.* Рука как морфологический маркер в конституциональной психологии / Л.И. Тегакко // Проблемы современной морфологии человека: Материалы международного науч.-практ. конф. Москва, 25–26 сентября 2008 г. М., 2008. С.43–44.
- ³¹ См.: *Абрамова Т.Ф.* Пальцевые дерматоглифы – генетические маркеры энергopotенциала человека / Т.Ф. Абрамова, Т.М. Никитина, Н.Н. Озолин [и др.] // Сборник научных трудов ВНИИФК / Всерос. науч.-исслед. ин-т физ. культ. М., 1996. С.3–13.
- ³² Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика) / Под ред. Л.Г. Эджубова, Н.Н. Богданова. М., 2002.
- ³³ См.: *Ким В.В.* Особенности пальцевой дерматоглифики у мужчин, систематически употребляющих психоактивные вещества / В.В. Ким, Л.С. Тупицына, Е.С. Гнусарева // Теория и практика физ. культ. 2005. №8. С.53–55.
- ³⁴ См.: *Гасан-заде Н.Ю.* Скорость формирования алкоголизма в зависимости от ряда психоконституционных особенностей / Н.Ю. Гасан-заде // Вопр. наркологии. 1999. №3. С.35–38.
- ³⁵ См.: *Зайченко А.А.* Связи частных соматической и дерматоглифической конституций с депрессией, тревогой и алекситимией / А.А. Зайченко // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. 2006. №1(22). С.22–29.
- ³⁶ См.: *Зайченко А.А.* Связи особенностей личности, телосложения и дерматоглифики лиц с синдромом зависимости от алкоголя / А.А. Зайченко, М.В. Баранова // Областная научно-практическая конференция психиатров, наркологов и психотерапевтов, Саратов, 5 марта 2008 г.: Сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып.6. С.82–87.

³⁷ См.: Зайченко А.А. Особенности и связи частных психодинамической, соматической и дерматоглифической конституций подростков с делинквентным поведением / А.А. Зайченко, Е.Д. Спицына // Там же. С.70–75.

³⁸ См.: Зайченко А.А. Особенности и взаимосвязи частных психодинамической, дерматоглифической и соматической конституций мужчин, осужденных за насильственные преступления / А.А. Зайченко, А.С. Краснощеков // Актуальные проблемы спортивной морфологии и интегративной антропологии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., Москва, 29–30 мая 2006 г. М., 2006. С.80–82.

³⁹ См.: Волчек О.Д. Серологические и психофизиологические характеристики / О.Д. Волчек // Новости спортивной и медицинской антропологии. М., 1990. С.124–125.

⁴⁰ См.: Ротманова Н.В. Проявления агрессивности у представителей различных групп крови / Н.В. Ротманова // Успехи современного естествознания. 2005. №12. С.89–90.

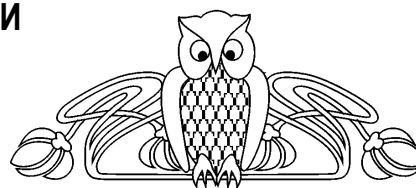
⁴¹ См.: Зайченко А.А. Частные серологическая, соматическая, дерматоглифическая, психодинамическая конституции и частота возникновения опухолей / А.А. Зайченко // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. 2007. №1(28). С.8–13.

УДК 316.37

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

В.А. Иванченко

Новосибирский государственный технический университет
E-mail: ivaleria@mail.ru

В статье рассматриваются существующие научные взгляды на личностные особенности детей из неполных семей. Представлены результаты диагностики мотивационных компонентов личности, социально-психологической адаптации, выбора временной перспективы, способности к самоуправлению, коммуникативных и организаторских способностей. Отражены некоторые отличия детей из полных и неполных семей.

Ключевые слова: неполные семьи, личностные особенности, временная перспектива, мотивация, коммуникация.

The Social-Psychological Features of Children from One-Parent Families

V.A. Ivanchenko

This article is devoted to the analysis of theoretic and practical concepts about children, nurtured in one-parent families. It contains the results of investigation of motivation's components, a social-psychological adaptation, a preference to time perspective, a self-management, communicative and organizational abilities. It shows some differences between children from one-parent family and complete family.

Key words: one-parent family, personal features, motivation, time perspective, communication.

Важнейшим институтом социализации подрастающего поколения является родительская семья, в которой формируются основы характера человека, его ценностные ориентации, нормы поведения и взаимодействия с окружающими. Серьезные социально-экономические и духовно-нравственные трудности нашей жизни являются существенным фактором, который дестабилизирует традиционные семейные отношения. Тенденции развития современной семьи выгля-

дят так: резкое падение количества заключаемых браков, увеличение числа людей, не стремящихся иметь семью, снижение детности семей¹.

Подробную схему анализа семьи предложил известный психиатр Е.А. Личко². Его описание семьи включает следующие характеристики и их варианты:

1) структурный состав: полная семья (есть мать и отец); неполная семья (есть только мать или только отец); искаженная или деформированная семья (наличие отчима вместо отца или мачехи вместо матери);

2) функциональные особенности: гармоничная семья; дисгармоничная семья.

Таким образом, неполная семья – это группа ближайших родственников, состоящая из одного родителя с одним или несколькими несовершеннолетними детьми³. Неполная семья возникает в силу разных причин: рождения ребенка вне брака, смерти одного из родителей, расторжения брака либо раздельного проживания родителей. В соответствии с этим выделяются основные типы неполной семьи: внебрачная, осиротевшая, разведенная, распавшаяся. Различают также отцовскую и материнскую семьи, которые и составляют абсолютное большинство среди неполных семей. Наиболее часто встречающаяся причина возникновения неполной семьи в

наше время – развод, который, по мнению В.А. Сысенко⁴, является стрессовой ситуацией, угрожающей душевному равновесию одного или обоих партнеров и, особенно, детей.

Психологические исследования (А.И. Захарова, А.С. Спиваковской, Е.О. Смирновой, В.С. Собкина, Й. Лангмейера, З. Матейчека и др.) свидетельствуют, что в силу названных причин дети из неполных семей, по сравнению со сверстниками из полных семей, обладают рядом психологических особенностей: более низкой школьной успеваемостью, склонностью к невротическим нарушениям и противоправному поведению, проявлениями инфантильности, негативным отношением к родителям, нарушениями полоролевого поведения⁵, тягостным чувством отличия от сверстников, неустойчивой, заниженной самооценкой с актуальной потребностью в ее повышении, неадекватной требовательностью к матери и высоким желанием изменений ее поведения, активным поиском «значимого взрослого»⁶.

По данным Е.О. Смирновой и В.С. Собкина⁷, детям из неполных семей для их полноценного психического развития не хватает своевременной эмоциональной поддержки и понимания взрослыми своеобразия формирования их характера, признания в семье или среди сверстников; непосредственности в выражении чувств; жизненного тонуса; уверенности в себе и решительности в действиях и поступках; способности легко устанавливать контакты и длительно поддерживать их на взаимоприемлемом уровне; гибкости и непринужденности в отношениях, умения принимать и играть роли.

Психологическая поддержка детей и подростков из неполных семей, в том числе, и с отклонениями в поведении должна быть направлена, прежде всего, на восстановление их нормального психолого-социального статуса, на их адекватную самореализацию за счет проработки психологических трудностей и проблем: информационных, поведенческих, мотивационных, эмоциональных, характерологических.

Цель нашей работы – исследование социально-психологических особенностей детей из неполных семей.

Задачи: определить личностные характеристики детей из неполных семей, особенно касающиеся эмоциональной сферы, общения и социально-психологической адаптации; выявить наиболее часто возникающие трудности и проблемы у таких детей.

На основании теоретического обзора нами были выделены следующие направления диагностики: личностные особенности (коммуникативные, организаторские способности, способности к самоуправлению⁸); мотивация⁹; социально-психологическая адаптация, предпочитаемая временная перспектива¹⁰.

В исследовании участвовали 99 человек в возрасте от 15 до 19 лет, учащиеся 10–11 классов Муниципального бюджетного образовательного учреждения средней общеобразовательной школы № 168 и 1–2 курсов специальности «Оператор связи» Профессионального лицея № 51 г. Новосибирска. Общая характеристика выборки: 37 испытуемых мужского пола, 62 – женского пола. Количество подростков из полных семей – 65, количество подростков из неполных семей – 34. Математическая обработка данных осуществлялась по программе Statistica 6.0 с расчетом r – коэффициента ранговой корреляции Спирмена и U -критерия оценки значимости различий Манна–Уитни.

Основная задача нашего исследования – определить личностные характеристики детей из неполных семей. Поэтому все нижеизложенные основные результаты относятся к выборке ($n = 34$) подростков из *неполных семей*.

Установлено по методике диагностики полимотивационных тенденций «Я-концепции», что в выборке подростков из неполных семей наибольшую выраженность имеют показатели *оптимистической (1.3), коммуникативной (0.9) и трудовой мотивации (0.9)*, при этом *нормативная мотивация (-0.6)* большинством подростков отвергается. Таким образом, для детей из неполных семей особенно значимы вера в лучшее, ярко выражена потребность в общении и взаимодействии с окружающими, направленность на труд, а также следование собственным нравственным нормам, при этом они менее

склонны соблюдать требования социума, слабо выражены ответственность, долженствование, необходимость.

Среди социально-психологических мотиваторов активности личности как в полных, так и в неполных семьях наиболее представлена тенденция к аффилиации (67% и 56%, соответственно).

По методике Зимбардо определения временной перспективы в выборке подростков из неполных семей преобладает ориентация на негативное прошлое и фаталистическое настоящее. В выборке детей из полных семей более выражена ориентация на позитивное прошлое и будущее. Таким образом, дети из неполных семей в основном имеют общее пессимистическое отношение к прошлому, травмы и боль которого накладывают серьезный отпечаток на их взаимоотношения с окружением и жизненные планы, либо считают, что все события их жизни предопределены судьбой, и они не в силах что-либо изменить.

Для выявления взаимосвязей исследуемых факторов в выборке подростков из неполных семей был рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена и установлены следующие значимые взаимосвязи. Альтруистическая мотивация прямо связана с негативным прошлым ($r = 0,65$, $p < 0,01$). Иначе говоря, дети из неполных семей, пережившие в детстве много событий, имевших негативную эмоциональную окраску, больше ориентируются на других людей, готовы думать о других даже в ущерб себе.

Оптимистическая мотивация прямо связана с тенденцией к аффилиации ($r = 0,74$, $p < 0,01$), т.е. эти дети выделяются верой в лучшее, пассивным ожиданием благополучия при наличии желания признания со стороны окружения.

Высоким показателям фаталистического настоящего соответствуют низкие показатели акизитивной (материальной) мотивации ($r = -0,65$, $p < 0,01$). Убежденность в предопределенности будущего и невозможности изменить его собственными действиями определяет низкую значимость интереса к материальной стороне жизни.

Высоким показателям позитивного прошлого соответствуют низкие показатели мотивации избегания неприятностей ($r = -0,73$, $p < 0,01$). Позитивный опыт прошлого позволяет предположить, что у подростка формируется чувство внутренней защищенности, которая, в свою очередь, помогает человеку увереннее сталкиваться с жизненными трудностями и преодолевать их.

Социально-психологическая адаптация прямо связана с фактором «принятие решений» ($r = 0,69$, $p < 0,01$) и самоуправлением ($r = 0,60$, $p < 0,01$). Самопринятие прямо связано с организаторскими способностями ($r = 0,68$, $p < 0,01$). Высоким показателям неприятия себя соответствуют низкие показатели как коммуникативных ($r = -0,61$, $p < 0,01$), так и организаторских ($r = -0,62$, $p < 0,01$) способностей.

Интернальность прямо связана с фактором «анализ противоречий» ($r = 0,62$, $p < 0,01$). Высокие показатели внешнего контроля связаны с низкими показателями самоконтроля ($r = -0,65$, $p < 0,01$).

Прокомментируем эти взаимосвязи. Если дети из неполных семей способны самостоятельно принимать решения, переходить от планов к действиям и управлять своими формами активности: общением, поведением, деятельностью и переживаниями, то процесс социально-психологической адаптации проходит более успешно.

Если эти дети принимают себя со всеми своими достоинствами и недостатками, то они активны, инициативны, склонны организовывать игры, мероприятия, настойчивы в деятельности, которая их привлекает. В то же время, если эти дети недовольны собой, не принимают себя такими, какие они есть, у них возникают трудности в общении, установлении контактов, они чувствуют себя скованно в новой компании, коллективе, предпочитают проводить время наедине с собой, ограничивают свои знакомства, плохо ориентируются в незнакомой ситуации, не отстаивают свое мнение, тяжело переживают обиды, проявление инициативы в общественной деятельности крайне занижено, во многих делах они предпочитают избегать принятия самостоятельных решений.

Способность принимать ответственность за свои действия и чувства позволяет успешнее ориентироваться в ситуации, а также анализировать и разрешать возникающие противоречия. Усиленный контроль со стороны взрослых ведет к снижению самоконтроля, т.е. даже при самостоятельной постановке цели подросток не организует и не выстраивает выполнение своего плана в реальном поведении, деятельности.

При сопоставлении результатов исследования для выборок детей из полных и неполных семей ($n = 99$) были получены значимые различия по шкале методики самоуправления «*принятие решений*» ($U = 731$, $p < 0,05$), – группа детей из полных семей значительно превосходит группу детей из неполных семей по этим показателям. Иными словами, дети из полных семей успешнее ориентируются в ситуации и приводят в действие свои планы.

Результаты нашего исследования в целом совпадают со взглядами и выводами других авторов, в частности с данными Е.О.Смирновой и В.С. Собкина о том, что детям из неполных семей не хватает: уверенности в себе и решительности в действиях и поступках, способности легко устанавливать контакты и длительно поддерживать их на взаимоприемлемом уровне, гибкости и непринужденности в отношениях. Кроме того, наши результаты аналогичны заключению В.С.Мухиной о том, что психологический климат неполной семьи во многом определяется болезненными переживаниями, возникшими вследствие отсутствия одного из родителей.

Проведенное исследование в какой-то степени дополняет приведенные мнения, объясняя частично причины нерешительности таких детей действием предпочитаемой временной перспективы, т.е. погруженностью в травмирующее прошлое или убеждением в предопределенности будущего, независимо от индивидуальной активности личности.

Были получены результаты, демонстрирующие, что дети из неполных семей, имеющие негативное прошлое, больше ориентированы на других людей. Мы можем предположить, что пережитая ими психоло-

гическая травма способствует проявлениям сочувствия, желания быть полезным другим даже в ущерб себе. Вполне вероятно, что они более склонны проявлять заботу и сопереживание, чем дети с позитивным прошлым, поскольку на собственном опыте познали боль.

Наше исследование затронуло также мало освещенные в научной литературе особенности мотивационных компонентов Я-концепции личности детей из неполных семей. Важное место занимает выявление и определение деятельности и навыков, которые позволят им в дальнейшем справиться с этими трудностями и, возможно, в будущем создать полноценную, счастливую семью.

Таким образом, неполная семья, хотя и сталкивается с рядом объективных трудностей, но обладает достаточным потенциалом для полноценного воспитания детей. Психологи и члены семьи могут способствовать развитию необходимых умений и качеств для предотвращения негативных последствий сложившейся ситуации и преобразования семейного сценария.

Примечания

¹ См.: Тюгашев Е.А. Семейведение: учеб. пособие / Е.А. Тюгашев, Т.В. Попкова. Новосибирск, 2003.

² См.: Личко Е.А. Подростковая психиатрия: Руководство для врачей / Е.А. Личко. Л., 1979.

³ См.: Титаренко В.Я. Семья и формирование личности / В.Я. Титаренко. М., 1987.

⁴ См.: Сысенко В.А. Супружеские конфликты / В.А. Сысенко. М., 2003.

⁵ См.: Гребенников И.В. Основы семейной жизни: учеб. пособие для вузов / И.В. Гребенников. М., 1991.

⁶ См.: Захаров А.И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка / А.И. Захаров. М., 1986.

⁷ См.: Смирнова Е.О. Специфика эмоционально-личностной сферы детей, живущих в неполной семье / Е.О. Смирнова, В.С. Собкин // Вопр. психол. 1999. №6. С.18–28.

⁸ См.: Столяренко Л.Д. Основы психологии: Практикум. 4-е изд., доп. и перераб. / Л.Д. Столяренко. Ростов н/Д., 2003.

⁹ См.: Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. М., 2005.

¹⁰ Zimbardo Ph.G., Boyd J.N. Putting time in perspective: a valid, reliable Individual-differences metric / Ph.G. Zimbardo, J.N. Boyd // J. of Personality and Social Psychology. 1999. Vol.77, №6. P.1271–1288.

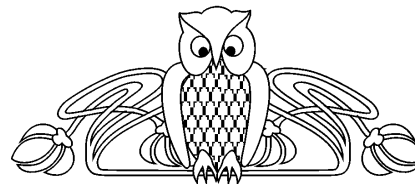

УДК 159.923.2

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС «ДРУГОГО»: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Е.В. Рягузова

Саратовский государственный университет
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

В статье осуществлена теоретическая рефлексия понятия «Другой» с целью определения его методологических возможностей. Показано, что в контексте психологического дискурса пространство интеракций Я и Другого репрезентируется тремя векторами, образующими социально-психологическую, социокультурную и экзистенциально-культурную плоскости.

Ключевые слова: социальная психология, социум, культура, самость, значимый Другой, обобщенный Другой.

Methodological Status of the «Other»: Psychological Discurs

Ye.V. Ryaguzova

The paper reports outcomes of a theoretical reflection of concept Other with the purpose to define methodological opportunities of this concept. The paper alleges that the space of interactions of Self and Other can be represented by 3 dimensions, which construct socio-psychological, socio-cultural and existencio-cultural surfaces.

Key words: social psychology, socium, culture, self, meanful Other, generalized Other.

В психологии понятие «Другой» специально не тематизируется и не определяется, но оно имплицитно (по умолчанию) присутствует практически во всех теориях и парадигмах, ориентированных как на развитие личности, ее социализацию и самореализацию, так и, тем более, на анализ групповых процессов, особенностей групповой динамики и межперсональных интеракций. Проанализируем некоторые основополагающие теории и направления психологических исследований с точки зрения двух взаимосвязанных аспектов: 1) определения понятия «Другой», его места и статуса в контексте той или иной теории; 2) выявления методологических возможностей концепта «Другой».

Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, безусловно, является фундаментальной психологической теорией, которая опередила свое время и до сих пор представляет собой глобальный инновационный проект. В её рамках особый интерес вызывает процесс интериоризации, в ходе которого происходит трансформация опыта интерперсональных отношений в интралич-

ностные мыслительные процессы. По Л.С. Выготскому, этот процесс состоит из нескольких этапов: сначала взрослый (т.е. Другой) регулирует и контролирует поведение ребенка (этап инструктирования), при этом введенное учёным понятие зоны ближайшего развития определяется как разница в актуальном и потенциальном уровне развития ребенка, т.е. таком, которого он может достичь при помощи Другого (взрослого или конкурирующего сверстника); затем ребенок способен самостоятельно использовать данное психологическое приобретение, выступая в роли субъекта и полагая Другого объектом (этап субъект-объектных отношений); и, наконец, ребенок может применять те или иные освоенные способы не только по отношению к Другому, но и относительно самого себя как самостоятельного и самоценного объекта (этап субъект-субъектных отношений, самопознания и рефлексии). Исследователь справедливо полагал, что любая психическая функция возникает на авансцене развития дважды – сначала как совместная социальная деятельность, а потом как способ мышления, при этом мышление рассматривается как «квазисоциальный диалог»¹. Следовательно, Л.С. Выготский, констатируя диалогическую природу мышления, указывает на ключевую роль межличностных отношений в развитии психики ребенка, опосредованных совместной деятельностью, а введенный им принцип единства внешнего и внутреннего расширяет представление не только о доминирующей роли субъекта, но и о том, что источником развития ребенка является сотрудничество с другими людьми. При этом Другой выступает как непосредственный носитель бытийных смыслов, а «связь людей» определяет развитие высших психических функций и сознания.

А.Н. Леонтьев, продолжая следовать по теоретической траектории, намеченной Л.С. Выготским, сосредоточил свой аналитический интерес на изучении роли общественного опыта для психического развития ребенка, подчеркнув при этом, что усвоение не подразумевает пассивный процесс ассимиляции чужого опыта, а непременно предполагает активное воссоздание усваиваемого опыта под руководством и управлением Другого (взрослого). Более того, А.Н. Леонтьев утверждает, что ребенок зависим от тех людей, которые его окружают, поскольку формируемые интимные отношения с ними не только определяют уровень удовлетворения его потребностей, «его успехи и неудачи, в них самих заключены его радости и огорчения, они имеют силу мотива»². Известно, что в фокусе исследовательского интереса А.Н. Леонтьева находились такие базовые категории, как деятельность, сознание, личность, а роль Другого специально не обсуждалась, вместе с тем анализ его работ указывает на манифестацию им монополярной роли взрослого как носителя идеальной формы развития.

А.В. Запорожец, изучая развитие ребенка, делает акцент на эмоциональной регуляции поведения, на необходимости учета аффективных особенностей и проявлений, а именно – на значимости «творческой способности к эмоциональному воображению – аффективному предвосхищению событий действительности», являющихся основой смысловых ориентиров ребенка³. Учёный полагает, что развитие ребенка идет от поискового к аффективному и экспрессивному действию, затем к построению «смыслообразов действительности», и только потом к освоению культурного образца. Эти идеи согласуются с представлениями Л.С. Выготского о смысловом строении сознания, но, согласно А.В. Запорожцу, именно осмысленное предчувствие, творческое эмоциональное содействие, сопереживание Другому позволяют ребенку открывать окружающий мир. Интериоризация не исчерпывается присвоением безличных образцов деятельности, а включает в себя компоненты эмоционального и творческого процесса. Важным для нашего анализа является принцип амплифика-

ции детского развития, введенный этим исследователем, суть которого состоит в обогащении возможностей ребенка, в активизации внешних и внутренних ресурсов при активном вмешательстве Других – ответственных взрослых, при этом необходимо отметить, что А.В. Запорожец ставит вопрос о границах инициативного действия взрослого и указывает на то, что именно амплификация является внутренним условием спонтанного детского развития.

Аналогичную идею высказывает В.В. Давыдов, полагая, что деятельность ребенка поначалу иницируется, контролируется и управляется взрослым (Другим) по социально заданным стандартам, но разумной она становится лишь по мере ее авторизации, когда ребенок выступает в роли соучастника в построении деятельности, способного преобразовывать усвоенные и заданные образцы⁴.

Д.Б. Эльконин, уточняя роль взрослого, считает, что он лишь тогда является носителем образцов и выступает источником смыслов, когда акцентирует и создает идеи и смыслы жизни самого ребенка, фактически ориентируя и сопровождая его в их совместное будущее, не искажая это будущее своими личностными качествами и свойствами. Он пишет: «Наше предположение, что в ходе формирования предметного действия имеет место сложное взаимодействие ребенка и взрослого, выступающего как образец, приводит к заключению, что с определенного момента развития ребенок – это всегда «два человека» – Он и Взрослый. А не может ли быть, что именно внутреннее взаимодействие этих «двух человек», живущих в одном ребенке, раскроет нам процесс развития как процесс самодвижения?»⁵. В своих дневниках Д.Б. Эльконин писал: «Образец – это не образ другого, а образ себя через другого. Это то, каким я хочу, стремлюсь быть. Образец – это не что-то внешнее, это форма его (ребенка) сознания другого в себе»⁶. Следовательно, по Д.Б. Эльконину, носителем культурного образца, источником смыслообразования, способом и формой выделения мира для ребенка является Другой (взрослый), формирующий через «совокупное действие» сознание и самосознание ребенка, в

структуру которого включены взаимосвязанные и комплиментарные составляющие: образ совместного будущего, образ взрослого как другого в себе и образ себя через другого⁷.

В контексте деятельностного подхода Другой рассматривается как доминантная ответственная фигура, формирующая сознание и самосознание человека, выступающая носителем бытийных смыслов, социально заданных эталонов и идеальной формы развития, а процесс интериоризации трактуется как эмоционально-творческое индивидуальное присвоение форм совместной с Другим деятельности, которая активизирует имеющиеся ресурсы и является условием саморазвития.

В рамках психодинамического направления проанализируем роль Другого в психоаналитических теориях (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон, А. Фрейд, А. Адлер, Ж. Лакан) и в теории объектных отношений (Д. Боулби, Д. Винникот, М. Кляйн, Х. Кохут, М. Малер, Р. Спитц, В.Р.Д. Фейрберн, Д. Штерн, М. Эйнсворт).

З. Фрейд пишет: «В психической жизни человека всегда присутствует «другой»⁸, акцентируя внимание на другом как на формирующей фигуре, которая необходима для интернализации социальных норм, правил, поведенческих стандартов. Другой является образцом для подражания и выступает в качестве партнера для установления интимных отношений. З. Фрейд полагает, что идентификация с объектом является решающей при формировании структур эго и Суперэго. В целом, в формате этого подхода Другой рассматривается как источник удовлетворения потребностей (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Эриксон); как стабильный либидный объект (А. Фрейд); как «соучастник» глобальных жизненных проблем – работы, дружбы, любви – и основа для развития творческой силы Я, формирования социального интереса (А. Адлер) и гармоничной идентичности (Э. Эриксон). Что касается структурного психоанализа Ж. Лакана, то интерес для нас представляет понятие Воображаемый Другой, которое трактуется как источник иллюзорной идентичности и репрезентант отчужденной субъектности.

В контексте теории объектных отношений психика человека, включая в себя элементы, интернализированные из внешних первичных аспектов функционирования других людей, представляет собой результат связей человека с внешним миром и позиционируется как система объектных отношений. При этом важным считается то, что стремление к установлению межличностных связей и отношений является ключевым мотиватором человеческого поведения. Объектом могут выступать как другие люди, так и внутренние психические репрезентации, сконструированные на основе этих отношений, которые, в свою очередь, тесно связаны с представлением человека о себе. Именно благодаря интернализированным объектным отношениям личность переживается как единое целое. Более того, эта теория однозначно определяет направление развития объектных отношений – от симбиотической стадии, на которой преобладает недифференцированное слияние между объектом и субъектом (его самостью), к стадии обособления и достижения индивидуализированных состояний, предполагающих полное отделение самости субъекта от объекта.

В рамках этого подхода Д. Боулби разрабатывает теорию, согласно которой эмоциональная привязанность представляет собой результат социального поведения, позволяющий сформировать базовое доверие к миру и позитивную самооценку⁹. Именно благодаря эмоционально окрашенным интерперсональным отношениям ребенок эффективно социализируется, развивается, дифференцирует себя и конструирует идентичность. Понимая привязанность как устойчивую близкую связь с Другим, Д. Боулби и его последователи подчеркивают, что глубокая эмоциональная привязанность предполагает существование значимых Других, аффективно настроенных на субъекта и вступающих с ним в эмпатический резонанс. Объектов привязанности (в детстве это – родительские фигуры) не очень много, но именно они создают контекст защищенности, безопасности и заботы, выступают в качестве источника развития, образца для эмоциональной и когнитивной идентификации. Теория объектных отношений основывается, главным образом,

на реконструкции раннего детства, когда ребенок, вступая в межличностные интеракции, обучается процедуре обоюдных ролей – своей и роли Другого. Вместе с тем она применима и к отношениям взрослых людей, пониманию мотивации их действий, интерпретации отдельных поведенческих паттернов. В целом, эта теория объясняет влияние ранних детских эмоциональных взаимоотношений со значимыми другими на особенности интерперсональных отношений людей в настоящем.

Дж. Морено сосредоточил свое исследовательское внимание на связи «Я–Ты» (под влиянием идей М. Бубера), изучая межличностные отношения и интраперсональные миры. Он интересовался, прежде всего, «столкновениями» между личностями, локусами их переживания целостной реальности, позиционируя человека как личность, а не как объект. Не отрицая влияния и значимости прошлого опыта, он исследовал межличностные горизонтальные отношения, происходящие в режиме «здесь и теперь». Учёный полагал, что коррекция восприятия себя в отношениях с другими происходит через обмен ролями со значимыми другими или с самим собой. По Дж. Морено, именно роли (социальные, психодраматические) определяют поведение человека и имеют отношение к внутреннему миру личности. Он утверждал, что связи между людьми возникают не благодаря переносу, а благодаря интерперсональному процессу (в его терминологии «теле») установления контакта между людьми, процессу вчувствования в Другого.

Определяющее влияние «значимого Другого» на формирование и развитие Я-концепции на стадии первичной социализации достаточно хорошо и полно описано в работах Г.М. Андреевой, П. Бергера, Р. Бернса, И. Гофмана, Ч. Кули, Т. Лукмана и Дж. Мида. Одним из фундаментальных механизмов первичной социализации является механизм эмоциональной идентификации, благодаря которому имеет место усвоение и интернализация правил, норм и конвенций мира значимых других, выступающего не как один из возможных миров, а как единственно существующий. На этой фазе социализации идентифи-

кация осуществляется автоматически, поскольку общество предоставляет (навязывает) значимых других на безальтернативной основе, т.е. при полном отсутствии выбора.

Вторичная социализация также предполагает присутствие и воздействие Другого в качестве своего агента, при этом его роль остается доминирующей. Как известно, вторичная социализация может осуществляться без эмоциональной идентификации и эффективно протекать лишь на уровне взаимной идентификации, лежащей в основе любой межличностной коммуникации, т.е. субъект не столько эмоционально, сколько ценностно идентифицируется и конструирует личностные смыслы в результате «перенимания от другого» того мира, в котором он живет. Безусловно, этот мир не присваивается полностью, не интериоризируется механически, он рефлексивируется в плоскостях личностных смыслов и ценностных кодов субъектов.

Дж. Мид, анализируя природу социальной сущности человека, рассматривает самость как ключевое понятие, обладающее качеством рефлексивности и предполагающее, что человек может выступать объектом для самого себя, адаптируясь к позиции Других и рассматривая себя с их точки зрения. По Дж. Миду, человек не просто реагирует на действия Других, а, прежде всего, интерпретирует их. Если его интерпретация действий синонимична значению, придаваемому Другим, начинаются согласованные действия. Когда люди подобным образом осознают значения, они виртуально формируют ответные реакции через принятие соответствующей роли, способствующей пониманию характера действий Другого, и координируют свое поведение. Когда они овладевают опытом Других, интернализируют поведенческие паттерны Другого, то поведение становится действительно социальным. Дж. Мид, подчеркивая зависимость самости от Других и акцентируя внимание на ответственности человека за свое окружение, утверждает, что самость существует через социальное взаимодействие и только обладание самостью делает возможной символическую интеракцию.

И. Гофман определяет самость не как структуру, а как социальный процесс коммуницирования, получения и интерпретации информации о Других, благодаря которому человек пытается освободиться от заданных определений Других¹⁰. Он подчеркивает конструируемость социального взаимодействия, фиксируя двусторонность динамической самости: один аспект ее скрыт, а другой намеренно демонстрируется окружающим. По И. Гофману, обозначение самости является результатом рассмотрения себя с точки зрения обобщенного Другого, т.е. себя как внешнего социального объекта, наделенного новым значением.

В рамках интеракционистской парадигмы (Дж. Мид, И. Гофман) Другой играет ключевую роль для развития самости, представляющую собой результат социального взаимодействия с «ориентирующим», «обобщенным», «генерализованным» Другим. Интеракционистские теории подчеркивают, что Другой приобретает значение и смысл только в результате взаимодействия с ним, и человек может идентифицировать себя и других через межличностные интеракции, которые способствуют эмпатическому пониманию, осмысленному поведению и саморефлексии.

Представители диспозиционального направления в исследовании личности, констатируя непохожесть людей друг на друга, рассматривают Другого как носителя признаков отличия (Г. Олпорт), тогда как бихевиористы и необихевиористы позиционируют Другого как источник подкрепления (Б.Ф. Скиннер); как модель для подражания и моделирования поведения через наблюдение (А. Бандура); как агент социального научения (Дж. Роттер).

Важной для нашей аналитики является мультисубъектная теория личности В.А. Петровского¹¹. Автор вводит понятие «отраженная субъектность», выделяя такие ее формы как значимый Другой, понимаемый как субъект ситуационного влияния; идеальный Другой – интроект, рассматриваемый как соучастник внутреннего диалога; «претворенный Другой», предполагающий инобытие одного человека в другом. В.А. Петровский рассматривает персонализацию как процесс,

в результате которого личность значимого человека с высокой степенью референтности и эмоциональной привлекательности становится идеально представленной в жизнедеятельности других людей, т.е. это своеобразные интернализированные вклады одной личности в другую, трансформирующие интеллектуальную и аффективно-потребностную сферу субъекта.

Таким образом, проведенный краткий теоретический анализ показывает, что в контексте психологического дискурса пространство взаимодействия Я и «Другого» репрезентируется тремя основными векторами: «Я-социум», «Я-культура» и «Я-самость», образующими специфические плоскости.

Векторы «Я-самость» и «Я-социум» образуют социально-психологическую плоскость, в которой Другой/Другие выступают как внешние по отношению к Я, физически отделенные другие люди, локализованные в пространстве и во времени, занимающие определенную социальную позицию, имеющие тот или иной статус, представляющие собой социальную среду в отношении Я, включенные в со-бытие, в построение целостного, но потенциально не завершенного, ценностно значимого образа мира. Безусловно, основной фигурой является «значимый Другой», однако социальный мир помимо значимых других включает в себя большое количество людей, объединенных понятием «Они/Другие». Мы предлагаем это множество условно разделить на группы, отмечая при этом потенциальную и реальную возможность перемещения и трансформации акторов из одной выделенной группы в другую.

Группа «Мы» образована близкими, понятными, интересными и значимыми для конкретного субъекта людьми, связанными определенными социальными отношениями и/или разделяющими сходные интересы и установки. При этом не вызывает сомнения тот факт, что внутри этой ингруппы также существует дифференциация по разным классификационным основаниям: пол, возраст, психометрический статус, уровень симпатии и т.п.

Группа «Вы» включает людей, вызывающих интерес и уважение, но при этом

разделяющих иные взгляды, мнения, установки. В этом формате взаимодействие с «Другим» является результатом диалога, процесса достижения понимания и согласия, который основывается на поэтапном согласовании ценностных, смысловых, поведенческих, коммуникативных программ партнеров.

Группа «Чужие» предполагает существование аутгруппы, которая актуализирует у субъекта опасения, страхи или, наоборот, агрессивные аттитюды и враждебные установки. Наличие этой группы необходимо, во-первых, для того, чтобы отделиться, обособиться, выстроить защиты, а во-вторых, для того, чтобы сконструировать собственную идентичность на основе признаков отличия.

Группа «Недифференцированные они» состоит из незнакомых, неперсонифицированных, обезличенных людей – «не имеющих лица» (П. Рикер), интеракции с которыми, может быть, и происходят на ритуальном или манипулятивном уровнях межличностного общения, но не оставляют заметного следа.

Приведенная типология, не претендуя на содержательную полноту, показывает, что человек, разделяя «бытие с Другими», дифференцирует и категоризирует их как отдельных и автономных субъектов на основе сформированных и интернализированных критериев. В этой плоскости феноменологический смысл получают визуальные, слуховые, тактильно-кинестетические очевидности присутствия Других, которые имеют тело, устанавливающее и очерчивающее границы Я-не-Я, наделены сознанием, демонстрируют самобытный рисунок поведения и, чаще всего, персонифицированы. Способом постижения Другого выступает пространственно-временная аппрезентация (Э. Гуссерль), представляющая собой отражение фигуры Другого на основе доминантности взгляда Я, особенностей социальных взаимоотношений и межличностных интеракций. Другой оказывается видимой границей, маркирующей права обладания и указывающей на возможность существования множества интрапсихических миров.

Векторы «Я-социум» и «Я-культура» конструируют социокультурную плоскость

взаимодействия, онтологическими посредниками смыслообразующих интеракций в которой выступают язык, традиции, текст и интерпретативные стратегии. Отношения к себе и Другому формируются на основе текстов в пространстве культуры и человеческого опыта, в интерпретации которых человек нуждается, чтобы понять себя, осознать поставленные цели, отрефлексировать смысл собственного поведения и поведения Других. Другим выступает все то, что не было проинтерпретировано и наделено смыслом, что осталось непонятым и не объяснимым. В рамках этой плоскости Другой позиционируется как культурный механизм, инстанция, контролирующая способы вхождения человека в мир символических ценностей. Соответственно, Другой деперсонифицируется, становится безликим носителем символического, задающим определенную модель бытия, выступает как совокупность правил, норм и конвенций, которые позволяют входить в символический порядок культуры и получать право на пользование ее символами.

Экзистенциально-культурная плоскость образована векторами «Я-самость» и «Я-культура». Развитие человека в онтогенезе и его вхождение в культурное пространство происходит под влиянием Другого, своеобразного «инобытия» Я, на границах с которым рефлексруется собственная самость. Индивидуальное сознание характеризуется диалогичностью и зависит от культуры, в которой происходит формирование и становление человека, при этом сознание человека детерминировано языком и смысловым контекстом. Другой в этом случае выступает в виде обобщенного Другого, позволяющего понять, как окружающий мир конструируется в сознании человека, т.е. субъективный образ Другого манифестируется как «Другой-внутри-меня». Интросубъективность обнаруживается не только в отношениях между личностями, но и в глубине каждой личности. При этом имеет место проекция себя на Другого и Другого на себя, что связано как с удвоением и дублированием самости, так и с достраиванием ее целостности. В этой плоскости конструкт «Другой» представляет собой составную часть Я-концепции, поскольку

ку представления о себе могут формироваться только при осознании его различий и рефлексии: Я нуждается в Другом для собственной идентификации и расширения горизонтов самопознания. Образ Другого придает целостность и завершенность Я-концепции, помогая познать и осознать масштабность и многообразие мира, многоликость и разнородность людей, не только основываясь на собственной позиции, но и учитывая взгляд Другого и точки зрения Других. Субъективный образ Другого является образом себя через Другого в перспективе своих возможностей и соотносится с самостью, составляя с ней единый гештальт.

Итак, на основе проведенной теоретической рефлексии можно утверждать, что понятие «Другой» представляет собой многомерное и полифункциональное образование, обладающее большими интерпретативными возможностями. Использование этого конструкта в качестве методологического основания может обогатить, расширить и углубить психологические знания о феноменологии межличностного общения, о способах и средствах познания Другого при столкновении или полилоге культур, о постижении себя в различных социальных дискурсах.

Примечания

- ¹ См.: *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций / Л.С. Выготский. М., 1960.
- ² *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. М., 1981. С.510.
- ³ См.: *Запорожец А.В.* Значение ранних периодов детства для формирования детской личности / А.В. Запорожец // Принцип развития в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М., 1978.
- ⁴ См.: *Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения / В.В. Давыдов. М., 1986.
- ⁵ *Эльконин Д.Б.* Заметки о развитии предметных действий в раннем детстве / Д.Б. Эльконин // Вестн. Моск. ун-та. Серия: Психология. 1978. №3. С.3–12.
- ⁶ Цит. по: *Венгер А.Л.* Проблемы детской психологии и научное творчество Д.Б. Эльконина / А.Л. Венгер, В.И. Слободчиков, Б.Д. Эльконин // Вопр. психол. 1988. №3. С.20–29.
- ⁷ См.: *Возрастные и индивидуальные особенности подростков* / Под ред. Д.Б. Эльконина, Т.В. Драгуновой. М., 1967. С.21.
- ⁸ *Фрейд З.* Массовая психология и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд // По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992. С.256.
- ⁹ См.: *Боулби Д.* Привязанность / Д. Боулби; пер. с англ.; под. общ. ред. Г.В. Бурменской. М., 2003.
- ¹⁰ См.: *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман; пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М., 2000.
- ¹¹ См.: *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. Ростов н/Д., 1996.

УДК 159.923.2

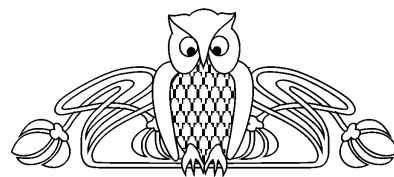
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПЕДАГОГИЧЕСКИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ, С ДОМИНИРОВАНИЕМ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ В ЭКЗАМЕНАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

Ю.В. Тищенко

Брянский государственный университет
E-mail: ercho11@mail.ru

Выявлены взаимосвязи различных психологических характеристик личности с особенностями эмоциональной сферы, проявляющейся в ситуации экзамена. Показано, что специфически неблагоприятные личностно-психологические особенности присущи студентам с различным полюсом эмоций. Анализ результатов исследования приводит к выводу о необходимости более широкого использования методов обучения студентов, будущих педагогов, позволяющих оказать помощь в успешной адаптации, противостоянии стрессовой ситуации не только в экзаменационной, но и в дальнейшей, повседневной профессиональной деятельности учителя.

Ключевые слова: эмоции, дистресс, личность, адаптация, обучение.

Psychological Features of the Students Studying at Pedagogical Specialties with the Dominance of Negative Emotions in an Examination Situation

Y.V. Tischenko

Interconnections of different psychological characteristics of a personality with features of emotional sphere becoming apparent in an examination situation were revealed. It was shown that students with different side of emotions have specific unfavorable personality psychological features. The analysis of results of the research leads to the necessity to use more widely methods of teaching students, future pedagogues, which allow giving help in successful adaptation, resist stressful situation not only the examination one but also in farther everyday professional activity of teacher.

Key words: emotions, distress, personality, adaptation, teaching.

Какие эмоции в наилучшей степени служат преодолению сложных жизненных ситуаций? На этот вопрос нельзя получить однозначно четкий ответ. Основатель психоанализа З. Фрейд пишет о проявлениях негативных, эмоциональных состояний, таких как страх, печаль, отводя им незавидную роль видов актуальных неврозов, разрушающих всякую созидательную деятельность¹. Однако в дальнейшем исследователи все более задавались вопросом о различных причинах печали и, следовательно, ее феноменологических проявлениях. Действительно, состояние печали может продолжаться долго и сопутствовать человеку на протяжении его жизненного пути, который кажется ему неудачным, сопровождаемым недостаточными успехами, слишком напряженным и в целом разочаровывающим. Другое дело – внезапное крушение планов, надежд, стремлений. Печаль, вызванная общим недовольством, чаще всего в зарубежных исследованиях обозначается понятием дистресс, он вызывается значительными событиями, его спутником является общее недовольство собой, например, при меланхолии, депрессии – патологических состояниях, являющихся крайними по глубине переживания печали². Однако в непатологических своих проявлениях дистресс повышает мотивацию и способствует достижениям субъекта³. В некоторых исследованиях показана положительная роль отрицательных эмоций в организации деятельности. Так, Дэвидсон полагает, что эмоции, преимущественно влияя на действия, подготавливают организм к определенным адаптационным реакциям, и в целом отрицательные эмоции вполне могут служить основанием для того, чтобы оставаться собранным и работоспособным до завершения начатого дела, если, конечно, ситуация в целом знакома и не вызывает большого беспокойства³. В отечественных исследованиях подтверждается тот факт, что люди с преобладанием отрицательных эмоций больше способны регулировать свои действия в конструктивных условиях деятельности, чем склонные к положительным эмоциям. А вот в деструктивных условиях эффективность их деятельности снижается больше, чем у людей с преобладанием положительных эмоций⁴. В то же время нельзя не отметить и противоположные слу-

чай, не нашедшие достаточного объяснения. Б.М. Теплов пишет, что «опасность может совершенно непосредственно вызывать эмоциональное состояние стенического типа, положительно окрашенное, т.е. связанное со своеобразным наслаждением и повышающее деятельность»⁵.

Даже такой краткий экскурс в историю исследований эмоций и деятельности позволяет говорить об их неоднозначной связи. Об условности разделения чувств на повышающие и понижающие жизнедеятельность, о необходимости рассмотрения условий, в которых эмоции возникают и от которых зависят, говорит и С.Л. Рубинштейн⁶. Одним из таких условий являются личностные особенности, взаимосвязь которых с эмоциями широко исследовалась, особенно в областях деятельности, непосредственно связанных с риском для жизни и здоровьем граждан. Вопрос о профессионально важных качествах личности ставился при отборе летчиков, космонавтов, операторов больших технических систем непрерывного действия и др.

Конечно, ситуация экзамена студентов, будущих педагогов, не является такой, в которой неуспех может привести к большим материальным потерям. В педагогические вузы нет отбора на профессиональную пригодность. И все же будущему учителю необходимы некоторые индивидуально-психологические качества, способствующие успешной адаптации к стрессовым ситуациям, так как на эту профессию возложена ответственность за обучение и воспитание подрастающего поколения. Логика взаимосвязи личностных особенностей, возникающих и сопровождающих ее эмоций может быть такой же, как и во всех тех профессиях, которые требуют правильной, адаптивной реакции на стресс. Такие личностные качества как эмоциональная нестабильность, внешний локус контроля, нетерпеливость и раздражительность, скованность в ожидании неприятностей порождают отрицательные эмоции и ведут к дестабилизации личности и дела, которым она занимается в данный момент. В особенности интересны взаимосвязи личностных особенностей и состояний тревоги. Тревога как постоянное ожидание опасности, чувство страха могут нарушать восприятие, способствовать ошибкам в рассуждении, ко-

ординации произвольной моторики и др. Однако эти негативные личностные особенности могут компенсироваться и другими качествами, в опоре на которые необходимо корректировать процесс обучения студентов, концентрируя положительные стороны личности и таким образом формируя будущего профессионала – педагога.

Таким образом, в различных личностных качествах человек проявляет свойственную ему «эмоциональную мелодию», обладающую определенной структурой и единством составляющих ее элементов⁷. Именно эту мелодию необходимо слышать, выстраивая процесс обучения студентов, будущих учителей, потому что она и составляет стержень их личностей.

В нашем исследовании был поставлен вопрос о психологических особенностях, присущих студентам, обучающимся по педагогическим специальностям, с преобладанием отрицательных и положительных эмоций в экзаменационной ситуации. В исследовании принимало участие 87 студентов (юношей и девушек) в возрасте 17–19 лет.

Эмоциональная сфера исследовалась по методике «Дифференциальные шкалы эмоций»⁸. Инструкция была изменена с описания самочувствия в данный момент на описание преимущественного самочувствия в экзаменационной ситуации. Опрос проводился до проведения экзамена и после него. Из 110 студентов у 42 человек самочувствие в экзаменационной ситуации более отвечает положительному настроению (студенты с доминированием положительных эмоций в экзаменационной ситуации), у 37 человек самочувствие в большей степени отвечает отрицательному (студенты с доминированием отрицательных эмоций в экзаменационной ситуации).

Для изучения самооценки использовался вариант методики Дембо–Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан⁹. Методика включает семь шкал: «Здоровье», «Ум, способности», «Характер», «Умение многое делать своими руками, умелые руки», «Внешность», «Уверенность в себе», «Авторитет у сверстников» (в исследовании формулировка названия шкалы была изменена на «Авторитет у одноклассников»). Студентам предлагалось оценить себя по каждой шкале в се-

мибальной системе и оценить себя по тем же шкалам с точки зрения значимого родителя (ожидаемые оценки). После заполнения бланков по шкалам самооценки им был задан вопрос о том, кого они считают значимым родителем.

Уровень тревожности диагностировался с помощью методики диагностики самооценки Ч.С. Спилберга и Ю.Л. Ханина, которая предназначена для выявления реактивной тревожности как состояния и личностной тревожности как устойчивой характеристики личности.

При исследовании личности использовались методики «16 – ФЛЮ – 105 – С»¹⁰ и СМЛЛ (адаптированный вариант ММРІ – стандартизированный метод исследования личности)¹¹. Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью метода сравнения двух выборок (с использованием U-критерия Манна-Уитни) и корреляционного анализа (с использованием линейного коэффициента корреляции Пирсона).

Самооценка студентов с доминированием отрицательных эмоций (ДОЭ) в экзаменационной ситуации оказалась выше по шкалам «Здоровье [U = 731; p = 0,05]» и «Успешность в учебной деятельности» [U = 722; p = 0,05] и ниже по шкале «Авторитет у одноклассников» [U = 651; p = 0,01].

Более высокие самооценки собственного здоровья студентами с ДОЭ в экзаменационной ситуации свидетельствуют либо о сильном механизме компенсации, либо о том, что они считают себя более здоровыми из-за собственной способности переносить эмоциональные перегрузки, нежели их одноклассники. Особенностью этих студентов является низкий балл по шкале «Авторитет у одноклассников». Однозначно объяснить это сложно. Возможно, их жизненный опыт в экзаменационной ситуации свидетельствует о невысокой и негативной оценке сверстниками их эмоционального состояния, далекого от жизнерадостности.

Высокая самооценка учебной деятельности также только частично сравнивается со своими объективными успехами в учебе, поэтому не найдено корреляционной связи между самооценкой студентов с ДОЭ в экзаменационной ситуации и их успехами в учебе.

При любой успеваемости в случае успеха в сдаче сессии студенты высоко оценивают свои успехи в учебной деятельности. Возможно, сравнивая себя со своими одноклассниками, такие студенты в экзаменационной ситуации оценивают свои усилия, а не свои оценки.

Средние оценки, ожидаемые респондентами обеих групп, прямо коррелируют с баллами всех шкал самооценки [$r = 0,521$; $p < 0,01$], что означает, что самооценки студентов в основном совпадают с ожидаемыми оценками со стороны значимого родителя. На вопрос «Кого вы считаете значимым родителем?» в 7% случаев был назван отец, в 15% – бабушка, в остальных случаях была названа мать.

В целом у студентов *тревожность* выше среднего уровня. Уровень тревожности у студентов с ДОЭ в экзаменационной ситуации в среднем по группе не отличается от аналогичных оценок другой группы. Присутствуют также внутригрупповые различия: у студенток тревожность выше, чем у студентов [$r = 0,531$; $p < 0,01$]. Но этот показатель не связан с успеваемостью, что является возможным следствием более низких ожиданий и уверенности в себе у девушек, в отличие от юношей. В обеих сравниваемых группах уровень тревожности не имеет корреляционных связей с самооценкой, но в группе студентов с ДОЭ в экзаменационной ситуации он коррелирует с баллами ожидаемых оценок по шкалам «Здоровье» [$r = 0,571$; $p < 0,05$]; «Характер» [$r = 0,541$; $p < 0,05$]; «Авторитет у одноклассников» [$r = 0,519$; $p < 0,01$]. Это означает, что студенты, ожидающие от родителей низких оценок, более тревожны, чем те, кто ожидает высоких оценок и, наоборот, чем выше ожидаемые студентами оценки, тем ниже уровень тревожности.

По выраженности *личностных характеристик* среди студентов с ДОЭ и доминированием положительных эмоций (ДПЭ) в экзаменационной ситуации, несмотря на некоторую однородность характерных личностных характеристик, можно выделить пять групп по типам профиля СМЛ:

в I вошли студенты (28% обследованных) с преобладанием импульсивности, склонностью к риску и высоким уровнем мотивации, для них характерны конфликтность

и обидчивость, создающие сложности в их социально-психологической адаптированности;

у лиц II группы (24% обследованных) преобладает склонность к нерешительности, волнениям, мягкий характер;

в III (22% обследованных) преобладающими свойствами личности являются склонность к риску, соперничество, умение опираться на интуицию, возможно, пренебрежение социальными нормами;

для IV (18% обследованных) характерны некоторая неординарность поведения, интуитивность, замкнутость, недоверчивость, отсутствие популярности в коллективе;

студенты из V группы (14% обследованных) проявили такие личностные черты, как лидерство, настойчивость и активность, стремление рационально решать жизненно важные проблемы. Гибкость в межличностных контактах обеспечивается у них умением владеть собой, контролем над эмоциональностью, внешним спокойствием.

С целью выявления взаимосвязей личностных качеств студентов с их выбором положительных и отрицательных эмоций в экзаменационной ситуации была определена степень корреляции (таблица). Наиболее выраженными личностными качествами для студентов с ДПЭ в экзаменационной ситуации явились недисциплинированность, эмоциональная устойчивость к стрессу, стремление к достижению успеха, интенсивность мотивации, стремление к соперничеству, тревожность, общительность, экстраверсия. Как видно, тревожность и недисциплинированность в этой группе студентов сдерживается за счет стремления к достижению успеха в деятельности и интенсивности мотивации. Что касается студентов с ДОЭ, то у них значимо выражены следующие личностные качества: сознательность, склонность к опасениям, интенсивность мотивации, стремление избежать неуспеха в деятельности, рассудительность, тревожность, общительность и мечтательность. Примечательно, что в этой группе также присутствует интенсивность мотивации, которая в совокупности с такими качествами, как рассудительность и сознательность, компенсирует тревожность и стремление избежать неудач в деятельности.

Обе группы студентов имеют и общие личностные качества, такие как тревожность, общительность и интенсивность мотивации, причем последняя у студентов с ДОО в экзаменационной ситуации выражена сильнее.

Значимые коэффициенты корреляции свойств личности с выбором положительных и отрицательных эмоций в экзаменационной ситуации

Свойства личности студентов в экзаменационной ситуации	Коэффициент корреляции для студентов	
	ДПЭ	ДОО
Эмоциональная устойчивость к стрессу, фрустрации	0,263*	0,233
Сознательность	0,213	0,425***
Недисциплинированность	0,366**	0,186
Склонность к опасениям	0,164	0,498***
Интенсивность мотивации	0,267*	0,322**
Стремление к достижению успеха в деятельности	0,365**	0,156
Стремление избежать неуспеха в деятельности	0,167	0,436***
Рассудительность	0,169	0,267*
Стремление к соперничеству	0,288*	0,105
Тревожность	0,277*	0,281*
Общительность	0,284*	0,281*
Мечтательность	0,121	0,277*
Экстраверсия	0,298*	0,124

Примечания. Использовался коэффициент корреляции Пирсона: * – значимость на уровне 0,10; ** – значимость на уровне 0,05; *** – значимость на уровне 0,01.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. В целом у обследованных студентов преобладают благоприятные, положительные настроения в отношении к экзаменационной ситуации. Всем им присущи следующие личностные характеристики: тревожность, общительность и интенсивность мотивации. Однако наблюдается тенденция к большей выраженности последней у студентов с ДОО в экзаменационной ситуации. Кроме того, вне зависимости от преобладающих эмоций, студентки более тревожны, чем студенты.

Прослеживается зависимость эмоций студентов от родительских оценок. Так, все студенты, ожидающие от родителей низких оценок, более тревожны, чем ожидающие высоких. Наиболее значимым родителем, вне зависимости от преобладающих эмоций, была названа мать.

Студенты с ДОО в экзаменационной ситуации считают себя более здоровыми, ус-

пешными в учебе, но и имеющими более низкий статус у одноклассников, в отличие от студентов с ДПЭ.

Выявлены и различия в личностных качествах студентов с ДОО и ДПЭ в экзаменационной ситуации. Так, первым присущи следующие личностные качества: сознательность, склонность к опасениям, интенсивность мотивации, стремление избежать неуспеха в деятельности, рассудительность, тревожность, общительность и мечтательность. В то время как студентов с ДПЭ отличают иные личностные характеристики: недисциплинированность, эмоциональная устойчивость к стрессу, стремление к достижению успеха, интенсивность мотивации, стремление к соперничеству, тревожность, общительность, экстраверсия.

Анализ проведенного исследования позволяет также сделать вывод о необходимости использования более широкого комплекса методов в процессе обучения с опорой на различные индивидуально-психологические качества личности студентов, для того, чтобы они смогли более успешно адаптироваться к стрессовым ситуациям, опираться на свои положительные качества и компенсировать отрицательные.

Примечания

¹ См.: Фрейд З. Основной инстинкт / З. Фрейд; сост. П.С. Гуревич. М., 1997. С. 601, 604–605.

² См.: Капрара Дж. Психология личности / Дж. Капрара, Д. Сервон. СПб., 2003. С.383.

³ Izard K.C. Human Emotions / K.C. Izard. N.Y., 1977. P.495.

⁴ См.: Ольшанникова А.Е. Роль индивидуально-типических характеристик эмоциональности в саморегуляции деятельности / А.Е. Ольшанникова, И.В. Полявичус // Психол. журн. 1981. Т.2, №1. С.78.

⁵ Цит. по: Конопкин О.А. Участие эмоций в осознанной регуляции целенаправленной активности человека / О.А. Конопкин // Вопр. психологии. 2006. №3. С.46.

⁶ См.: Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. СПб., 2001. С.553–559.

⁷ См.: Конопкин О.А. Указ. соч. С.47.

⁸ См.: Елисеев О.П. Конструктивная типология и психодиагностика личности. Практическая психология / О.П. Елисеев. Псков, 1994. С.75–76.

⁹ См.: Ратанова Т.А., Шляхта Н.Ф. Психодиагностические методы изучения личности: учеб. пособие / Т.А. Ратанова, Н.Ф. Шляхта. 5-е изд. М., 2008. С.51–52.

¹⁰ См.: Рубинштейн С.Л. Указ. соч.

¹¹ См.: Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности / Л.Н. Собчик. СПб., 2000.

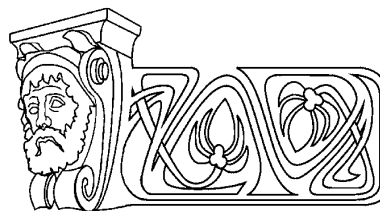

УДК 316.6:159.923

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РОССИЙСКИХ МИГРАНТОВ

Н.В. Усова

Институт социального образования (филиал)
Российского государственного социального университета
E-mail: Usova_Natalia@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей взаимосвязи самоактуализации личности и субъективного благополучия российских мигрантов. Подробно рассматриваются взаимосвязи, обнаруженные в выборке мигрировавших россиян и россиян, проживающих в России. Выделяются общие и частные взаимосвязи самоактуализации личности и субъективного благополучия россиян, а также рассматриваются особенности, характерные для лиц, проживающих в России, Германии, США и Испании.

Ключевые слова: субъективное благополучие, самоактуализация, миграция, аутосимпатия, ценности, общение.

Russian Immigrants' Personal Self-Actualization and Subjective Well-Being

N.V. Usova

The article represents results of empirical research of the interrelation between Russian immigrants' personal self-actualization and subjective well-being. Detailed results based on a sample of Russians who migrated, and Russians who live in Russia are provided. Common and particular interrelations between personal self-actualization and subjective well-being are highlighted. Also the features typical for persons living in Russia, Germany, USA and Spain are considered.

Key words: subjective well-being, self-actualization, migration, auto-sympathy, values, communication.

Если рассматривать субъективное благополучие в узком смысле как удовлетворенность субъективно важных сфер деятельности, поведения, потребностей, то, видимо, его высшей формой является самоактуализация¹. Исходя из этого положения, мы решили рассмотреть вопрос о взаимосвязи самоактуализации личности и субъективного благополучия.

Исследование проходило в 2009 году, в нем приняли участие 243 россиянина, проживающих в разных странах. Из них 65 человек живет в России и 178 человек – более 5 лет в Германии (61), Испании (65), США (52). В качестве методического инструментария использовались шкала субъективного благополучия М.В. Соколовой² и методика исследования самоактуализации личности в адаптации Н.Ф. Калина³.

Согласно данным корреляционного анализа, проведенного по всей выборке, уровень субъективного благополучия связан с ориентацией во времени ($r = -0,38$, при $p > 0,01$). Действительно, человек, который отталкивается в своих суждениях от фактов, а не от личных пессимистических или оптимистических установок, желаний, страхов, надежд и тревог, лишен неуверенности. Его не мучают столь тягостные для большинства людей сомнения и состояние неопределенности, что существенным образом влияет на субъективное благополучие. Например, человек, который всегда возвращается к прошлому, сравнивает его с настоящим или, что еще хуже, мечтает о том, что когда-то начнутся лучшие времена, не может «жить» в полном смысле этого слова, не может получать удовольствие от жизни. В результате таких воспоминаний и мечтаний человек теряет свое время и не успевает насладиться настоящим счастьем.

Следующая взаимосвязь во всей группе была обнаружена между субъективным благополучием и ценностями ($r = -0,33$, при $p > 0,01$). Для людей характерно физическую, социальную и психологическую реальность воспринимать, структурировать и интерпретировать по-разному. Личность, которая неспособна удовлетворить свои базовые потребности, воспринимает мир как вражескую территорию. В этом случае система ценностей сводится к удовлетворению потребностей низшего уровня. В ином случае, когда эти потребности удовлетворены, формируется ощущение психологического достатка. Данное ощущение обуславливает поиск более высокого удовлетворения. Это позволяет нам говорить о том, что такие люди придерживаются уникальных, самобытных для данного человека ценностей. В це-

лом в основании системы ценностей субъективно благополучного человека лежит его философское отношение к жизни, которое сопровождается согласием с собой и своей биологической природой, в результате чего происходит полное принятие социальной жизни и физической реальности.

Далее мы рассматривали взаимосвязи субъективного благополучия и самоактуализации личности, разделив выборку на мигрирующих россиян и тех, кто живет на родине.

В группе мигрантов нами была обнаружена положительная связь между эмоциональным компонентом субъективного благополучия и потребностью в общении ($r = 0,2$, при $p > 0,01$). Такая связь говорит нам о том, что отсутствие доверительных, теплых отношений с друзьями, коллегами, соседями отрицательно влияет на ощущение субъективного благополучия. Стоит отметить, что подобная связь в группе россиян, живущих в родной стране, отсутствует. Скорее всего, это связано с тем, что для россияне поддерживают гораздо более тесные взаимоотношения, нежели это принято в странах западного мира. Россиянин, и это отразилось в художественной литературе, склонен иной раз полностью забыть о себе, о своих нуждах, слиться с близким ему человеком, раствориться в нем, стать его частью. Его отношения, которые подчас можно отнести к разряду интимных, служат примером абсолютного, предельного отождествления себя с другим. Сблизиться с чужим человеком достаточно сложно; в ходе бесед, проводимых с нашими испытуемыми, мы выяснили, что общение мигрирующих россиян сводится к контактам с людьми, которые тоже приехали из России или других славянских стран. С коренными жителями отношения складываются в основном на деловой, а не интимно-личностной основе. Таким образом, у российских мигрантов круг общения достаточно узок, людей, с которыми они поддерживают по-настоящему дружеские отношения и которых могут назвать друзьями, очень мало, а это оказывает негативное влияние на ощущение благополучия.

Субъективное благополучие мигрантов также взаимосвязано со способностью про-

являть гибкость в общении ($r = -0,34$, при $p > 0,01$). Данную закономерность можно объяснить, связывая это качество с потребностью в общении. Людям, которые живут за границей, необходимо завязывать новые отношения и контакты, в том числе с людьми, отличающимися по социальному статусу, уровню образования, политическим убеждениям, цвету кожи. На процесс общения влияют различные факторы: настроение, стечение обстоятельств, характер, коммуникабельность или застенчивость человека. В ситуации миграции от того, насколько правильно построено общение, зависит очень многое (принятие другими, работа, карьера). Поэтому мигранту так необходимо правильно выбирать манеру поведения, тон, жесты, слова, иными словами, уметь проявлять гибкость.

Еще одним компонентом самоактуализирующейся личности, который находится во взаимосвязи с ощущением субъективного благополучия, является самопонимание. Так, в нашем исследовании самопонимание взаимосвязано с психоэмоциональной симптоматикой в группе мигрирующих россиян ($r = -0,35$, при $p > 0,01$), в группе тех, кто живет в России, такой взаимосвязи не обнаружено. Отчасти, на наш взгляд, это можно объяснить тем, что мигрантам свойственна независимость от физической и социальной среды. Главными мотивами миграции выступают не дефицитарные потребности, а мотивы роста (карьерного, культурного, духовного). Источники удовлетворения потребности в росте и развитии находятся не во внешней среде, а внутри человека – в его потенциальных возможностях и скрытых ресурсах. Потребности в любви, безопасности и уважении удовлетворить можно извне. Но затем встает другая проблема человеческого бытия – роста и саморазвития. Иными словами, человеку становится «тесно», ему нужны иные источники для «подпитки». В то же время, чтобы испытать истинное счастье, ему не нужны другие люди, в какой-то момент они могут стать сдерживающим фактором на пути дальнейшего развития (например, привязанность и любовь к родителям не дает возможности уехать так далеко). Источники удовлетворения такого человека интраиндивидуальны и

никак не опосредованы социумом. Следует предположить, что люди, способные принять миграционное решение, менее зависимы от внешних обстоятельств, от других людей и от культуры в целом. Такая независимость от среды означает более высокую стабильность перед возможными потрясениями, ударами судьбы. Теми, у кого не возникает потребностей, для удовлетворения которых им необходимо переехать в другую страну, скорее всего, движут потребности дефицитных уровней. Вследствие этого они нуждаются в других людях, поскольку только от них могут получить столь необходимые им любовь, безопасность и уважение. В результате такой зависимости возникает ощущение неблагополучия.

В группе опрошенных, живущих в родной стране, мы обнаружили взаимосвязь между субъективным благополучием и спонтанностью ($r = -0,31$, при $p > 0,01$). Возможно, что человек, попавший в чужую страну, постоянно контролирует себя. Коренные жители могут себе позволить естественное и непринужденное поведение. Это позволяет им быть достаточно спонтанными в своих мыслях, побуждениях, желаниях, поведении. На наш взгляд, сама возможность спонтанного поведения делает жизнь человека богаче, дает ощущение свободы, удовлетворенности и вносит свой вклад в ощущение субъективного благополучия.

У россиян, живущих на родине, обнаружена взаимосвязь между субъективным благополучием и аутосимпатией ($r = -0,25$, при $p > 0,01$). На наш взгляд, это обусловлено тем, что некоторая тревожность и неуверенность в себе свойственна большинству проживающих в современной России. Социально-экономические изменения, обстоятельства последних лет вызывают у людей сомнения в собственной компетентности, в своих силах, занижают их самооценку. В таком состоянии внимание человека акцентируется на собственных недостатках. В результате, ему трудно принять себя и свою далеко не идеальную сущность, со всеми изъянами и недостатками. Если удастся их принять, то он живет в гармонии с собой, что способствует достижению субъективного благополучия.

Отсутствие связи между аутосимпатией и субъективным благополучием в группе мигрантов можно объяснить тем, что люди, которые стремятся изменить свою жизнь, являются более активными, целеустремленными. Они уверены в своих силах, возможностях и способностях, благодаря чему им намного легче жить в ладу с собой.

При более детальном рассмотрении матриц интеркорреляций удалось выявить связи между уровнем субъективного благополучия и креативностью у опрошенных в США ($r = -0,47$, при $p > 0,01$), Германии ($r = -0,43$, при $p > 0,01$), России ($r = -0,46$, при $p > 0,01$). Такое количество достаточно тесных взаимосвязей субъективного благополучия и креативности весьма показательны в том отношении, что креативность, действительно, выступает базовым механизмом субъективного благополучия и по-разному участвует в процессе его образования. Полученные результаты подтверждают данные о том, что креативность приобретает значение, становится существенным фактором в зависимости от социального, культурного, интеллектуального развития и критерием образования субъективного благополучия для высокоразвитой личности⁴.

В ходе более детального анализа нами были выявлены связи между уровнем субъективного благополучия и аутосимпатией у опрошенных в США ($r = -0,43$, при $p > 0,01$) и между уровнем субъективного благополучия и самопониманием у лиц, опрошенных в Испании ($r = -0,42$, при $p > 0,01$). Кроме этого, у респондентов, живущих в Испании, нами были обнаружены положительные связи между ценностями и субъективным благополучием. В данном случае положительная связь свидетельствует о том, что если человек разделяет ценности самоактуализированной личности, то он становится менее субъективно благополучным. Скорее всего, данный результат говорит лишь о рассогласованности между личностными ценностями, присущими российскому менталитету, и социальными ценностями, характерными для испанцев.

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать ряд выводов.

На субъективное благополучие личности положительное влияние оказывают способность противостоять социальному давлению, независимость, саморегуляция, а также позитивное отношение к себе и своему прошлому, осознание и принятие разных сторон своего «Я».

У мигрантов в Испании достижение субъективного благополучия зависит от ощущения автономности, которая имеет корреляционные связи с психоэмоциональной симптоматикой, изменением настроения, значимостью социального окружения и самооценкой здоровья.

Для мигрантов в США основой субъективного благополучия является аутосимпатия, она имеет тесные корреляционные взаимосвязи с такими компонентами, как напряженность и чувствительность, изменение настроения, значимость социального окружения и удовлетворенность повседневной деятельностью.

У россиян, живущих в России, субъективное благополучие находится во взаимосвязи с креативностью и с принятием природы человека. В ходе исследования нами обнаружены следующие корреляционные свя-

зи: взгляд на природу человека и напряженность, креативность и психоэмоциональная симптоматика, взгляд на природу человека и значимость социального окружения, а также креативность и изменение настроения.

Для мигрантов в Германии детерминирующим фактором субъективного благополучия являются ценности, характерные для самоактуализирующейся личности. Нами обнаружены следующие корреляционные зависимости: ценностей с напряженностью, изменением настроения, значимостью социального окружения, а также – ценностей и удовлетворенности повседневной деятельностью.

Примечания

¹ См.: Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р.М. Шамионов. Саратов, 2008. С.41.

² См.: Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия / М.В. Соколова. Ярославль, 1996.

³ См.: Диагностика самоактуализации личности (А.В. Лазукин в адаптации Н.Ф. Калина) // Фетискин Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. М., 2002. С.426–433.

⁴ См.: Шамионов Р.М. Указ. соч. С.113.

УДК [316.6:378] (470+571)

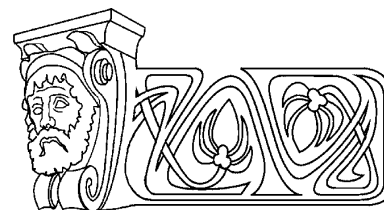
ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАМЕРЕНИЙ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ НА РАННИХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

А.Д. Шамионов

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: adsh86@mail.ru

В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования особенностей профессиональных намерений студентов-психологов, рассматривается проблема отношения студентов к своей профессиональной деятельности. Анализируются мотивы обучения студентов, выявляется и изучается динамика их профессиональных намерений. Рассматриваются вопросы, касающиеся специфики представлений будущих специалистов об избранной профессии.

Ключевые слова: профессиональные намерения, самоактуализация, самоопределение, мотивация, будущее, профессиональное становление.

Features of Professional Intentions of Students-Psychologists at Early Stages Professionalization

A.D. Shamionov

In the article results of empirical research of features of professional intentions of students-psychologists are discussed, the problem of the attitude of students to the professional work is considered. Motives of training of students are analyzed, dynamics of their professional intentions comes to light and studied. The questions, concerning specificities of representations of the future experts on the selected trade are considered.

Key words: professional intentions, self-actualization, self-determination, motivation, the future, professional becoming.

В современной психологии на сегодняшний момент одним из наиболее актуальных вопросов является проблема профессиональных намерений студентов, их профессионального самоопределения, а также – самоактуализации личности, мотивации к овладению профессией. Несомненно, период обучения в высшем учебном заведении один из важнейших этапов жизни студентов. Именно в эти годы формируются их профессиональные намерения и самосознание. Это время приобретения профессиональной квалификации, образования, этап согласования своих желаний, возможностей, ориентаций с условиями и требованиями со стороны общества.

Важнейшим критерием продуктивности профессионального становления личности является ее способность находить личностный смысл в профессиональном труде, самостоятельно проектировать, творить свою профессиональную жизнь, ответственно принимать решения о выборе профессии, специальности и места работы. Конечно, эти жизненно важные проблемы возникают перед личностью в течение всей ее жизни. Личность же постоянно изменяется, развивается, на разных стадиях ее развития одни и те же задачи профессионального самоопределения решаются по-разному. Постоянное уточнение своего места в мире профессий (либо конкретной профессии), осмысление своей социально-профессиональной роли, отношения к профессиональному труду, коллективу и самому себе становятся важными компонентами жизни человека.

Можно констатировать, что перед личностью постоянно возникают проблемы, требующие анализа и рефлексии собственных профессиональных достижений, принятия решения о выборе профессии или ее смене, уточнения и коррекции карьеры, решения других профессионально обусловленных вопросов. Весь этот комплекс проблем так или иначе имеет тесную связь с понятием «профессиональные намерения». В психологической энциклопедии этот термин трактуется как осознанное отношение к определенному виду профессиональной деятельности, включающее знания о предназначении профессии, стремление избрать профессию и получить

соответствующее образование. Феномен профессиональных намерений представляет собой комплексное личностное образование, возникающее в результате осознания учащимися необходимости совершить определенные действия в соответствии с собственной программой развития, направленной на осуществление выбора стратегии профессионального развития¹. Установлено, что психологическим условием развития профессиональных намерений учащихся является осознание ими необходимости преобразования интегральных личностных характеристик, определяющих стратегию прогрессивной профессионализации личности.

Процесс формирования профессиональных намерений, профессиональной направленности можно представить в виде модели, разработанной А.А. Ростуновым², на примере студентов вузов, где мотивообразующим компонентом выступают перспективы (рисунк). Потребности, увлечения и интересы студента возникают на основе осознания перспектив и адекватной оценки степени несогласования их требований с наличными склонностями, знаниями и умениями. На основе общезначимых перспектив формируются мировоззрения, взгляды, убеждения и идеалы, система целей и установок, намерения. Перспективы выступают в данном случае в качестве отдельной цели студента.

Формирование и поддержание устойчивой направленности личности студента представляет собою непрерывный процесс согласования требований перспективы посредством деятельности, посредством обратной связи. Формирование мотивов, как справедливо отмечает В.И. Ковалев³, равно как и системы целей и намерений идет вместе с формированием потребностей. Потребность и другие компоненты (интересы, влечения, цели, намерения) становятся устойчивее за счет более глубокого познания перспективы и трансформацией возникшей потребности человека в конкретные мотивы.

Изменение общественной значимости перспективы, ее осознание и адекватная оценка степени несогласования ее требований с наличными знаниями и умениями приводит к появлению новых потребностей и ин-

Модель формирования профессиональных намерений

тересов, системы целей и установок, к необходимости совершенствования взглядов, убеждений и мировоззрения. Эти изменения как бы побуждают к активной деятельности, которая компенсирует возникшее рассогласование. Если же индивид в процессе деятельности не будет видеть перспективы или общественно значимая для него как личности интереса не представляет, направленность не будет развиваться, поскольку отсутствует активная деятельность по достижению общественно значимой перспективы⁴. Таким образом, психологическим механизмом профессиональных намерений личности может выступать сложная многоуровневая структура мотивов, ценностей, личностных смыслов, а также способностей, определяющих профессионально важные качества.

В связи с изложенным выше пониманием движущих сил профессиональной направленности для развития последней необходима такая организация деятельности студентов, которая актуализировала бы противоречие между требованиями предпочитаемой деятельности и ее личностным смыслом для человека.

С целью изучения особенностей профессиональных намерений и их динамики нами было проведено эмпирическое исследование. Была разработана анкета, включающая 32 закрытых и 5 открытых вопросов. Исследование проводилось в Педагогическом институте Саратовского государственного университета, в нем принимали участие студенты-психологи 1, 3 и 5 курсов факультета педагогики, психологии и начального образования общей численностью 90 человек. Обратимся к результатам нашего исследования.

По данным опроса, в мотивационной структуре профессионального выбора доминирующим являются общественные мотивы, указывающие на необходимость данной профессии, у 83%. Причем на всех трех курсах на нее выпал наибольший процент предпочтений. Далее следует альтруистическая мотивация, указывающая на необходимость принести пользу людям, причем 27% студентов относят этот мотив к наиболее важному. Наконец, познавательный интерес отмечен у 56,3% студентов. Кроме того, достаточно высок уровень узкопрактической мотивации, который проявляется в том, что порядка 53,3% респондентов хотят получить диплом, а также уровень мотивации самоопределения – 46,6%.

Согласно полученным данным, образ профессии педагога-психолога, который проецируется через социальные представления студентов, достаточно позитивен. Так, весьма уважительное отношение к ней отмечается у 62% респондентов, безразличное – у 19%. Однако как только речь заходит о конкретном участии студентов в данной профессиональной деятельности, их мнения разделяются. Одни считают, что профессия важна для них вне зависимости от зарплаты, но их меньшинство – 41%; другие (59%) полагают, что финансовое положение важнее, очевидно думая, что профессия психолога не сможет обеспечить им материального благополучия. Динамика профессионального образа «я» у студентов-психологов позитивная: от 1 к 5 курсу она характеризуется изменениями в эмоциональном отношении к себе как профессионалу и самоописанию себя как субъекта деятельности.

Некоторые респонденты, отмечая негативные стороны профессии, обратили внимание на такие аспекты как недостаточная зарплата, социальная незащищенность, минимальное количество вакансий в Саратове, нервная работа. Было также отмечено, что психологи разбираются в жизни других, а в своей жизни у них неразбериха. Все это говорит о низкой компетентности в сфере трудоустройства, личной жизни, а также о том, что у студентов, возможно, еще недостаточно сформирована профессиональная идентичность, то есть концепция «Я-психолог». Имеются противоречивые тенденции: с одной стороны, достаточно высоко стремление респондентов к самостоятельности, с другой – обнаруживается повышенное ожидание, направленное на общество, в вопросах материального обеспечения, трудоустройства и др.

Обратимся к вопросам, отражающим мотивацию самоактуализации и намеренно сформулированным достаточно жестко. Например, в вопросе «Что бы вы предпочли: неинтересную, но высокооплачиваемую работу или интересную, творческую, но с низким заработком» респонденты в основном (69%) выбрали первый вариант и лишь часть (31%) предпочли второй. Это говорит о том, что у большинства респондентов отсутствуют мотивы потребностей роста из-за дефицитарных потребностей (по А. Маслоу). Однако при возможности получать стабильную среднюю зарплату большинство (87%) предпочло бы высокий уровень образования в противовес тем, которым безразлично образование (13%), лишь бы было высокое материальное положение. Все эти данные, на наш взгляд, свидетельствуют о нестабильных процессах самоопределения. Так, 25% респондентов поступили на этот факультет, пойдя по самому легкому пути: они отметили, что именно сюда было легче поступить, и лишь 6% определились с профессиональным выбором задолго до окончания школы.

Обратимся к некоторым данным относительно учебной деятельности. Прежде всего, выделяется фактор особого интереса к предметам специальности: 25% опрошенных имеют хотя бы элементарный практический опыт работы по своей специальности. Одна-

ко только 34% считают, что эти знания вообще не пригодятся. Как видим, имеется диспропорция в понимании необходимости более глубоких знаний для работы и в желании добывать их самостоятельно.

В процессе обучения у студентов происходит ряд определённых закономерных изменений мотивационной сферы, которые, прежде всего, связаны со спецификой будущей профессии. Так, большинство переживает кризис, связанный с переоценкой значимости выбранной профессии, ведущий к более реалистичному представлению о ней, к более глубокому осознанию её сложности и необходимости постоянного профессионального самосовершенствования после выпуска. Данный кризис происходит на третьем и четвёртом курсах и проявляется в переосмыслении отношения к выбранной профессии. Он является причиной возникновения намерений уйти из вуза, хотя в сознании студентов представлены обычно и другие причины, в частности, материально-бытовые трудности.

В период профессионального обучения постоянно повышается уровень информированности студентов о будущей профессии, идет становление личности профессионала, постепенно происходит переоценка, переосмысление системы ценностей, постоянное сравнение структуры индивидуальных ценностных ориентации с профессионально значимыми, сопоставляется образ Я с эталоном профессионала. В ходе исследования были получены сведения о том, что максимальная удовлетворенность избранной профессией наблюдается у студентов 1-го курса, в дальнейшем этот показатель неуклонно снижается, вплоть до 5-го курса. Однако несмотря на то, что незадолго до окончания вуза удовлетворенность профессией оказывается наименьшей, само отношение к ней становится положительным.

Большая часть студентов ориентирована на практическую работу по специальности после выпуска, однако значительная часть из них недостаточно чётко представляют себе характер и особенности своей будущей профессиональной деятельности. Таким образом, из результатов наших исследований следует, что большинство респондентов на-

мерены работать по своей специальности (88%), хотя отношение к профессии, а также к учебной деятельности достаточно дифференцировано.

У студентов сложилось двойственное отношение к профессиональной деятельности. С одной стороны, в их понимании фактором, определяющим успешность профессиональной деятельности, является финансовое положение, с другой стороны, это – высшее образование, карьерный рост, интерес к профессии, ее необходимость обществу.

В заключение можно сказать, что, во-первых, у студентов наличествует узкий спектр представлений о своем профессиональном будущем и о профессии, который ограничивается стандартными (обыденными) представлениями. Во-вторых, основываясь на результатах проведенного выше анализа мотивов обучения студентов-психологов, можно сформулировать некоторое исходное положение, суть которого в том, что процесс профессиональной подготовки – это динамика намерений, которая направлена в сторону создания интенциональных связей между обучающимся и образом будущей профессиональной деятельности.

Постоянная связь намерений с будущим обеспечивает внутренней мотивационной силой весь процесс обучения.

Таким образом, профессиональные намерения будущих специалистов-психологов носят двойственный характер: с одной стороны, они обусловлены социально-экономическими причинами, с другой – индивидуальны, так как отражают опыт конкретного субъекта, являются важнейшим компонентом его мировоззрения, следовательно выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях профессиональной деятельности.

Примечания

¹ См.: Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учеб. пособие / Л.Б. Шнейдер. М.; Воронеж, 2004.

² См.: Ростунов А.Т. Формирование профессиональной пригодности / А.Т. Ростунов. М., 1984.

³ См.: Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности / В.И. Ковалев; отв. ред. А. Абдалев; АН СССР, Ин-т психологии. М., 1988.

⁴ См.: Харьков В.Н. Педагогическая импровизация / В.Н. Харьков // Советская педагогика. 1989. №9. С.54–60.

УДК 159.9.072.42

ГЕНЕЗИС ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ в 1990 – 2000 годы

В.В. Шарапов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
E-mail: sharapov61@mail.ru

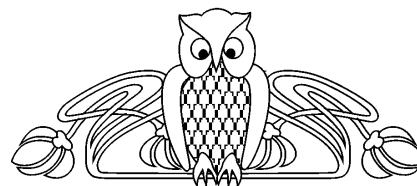
Статья посвящена научно-практическому исследованию проблемы генезиса этнической идентификации шести наций одного из самых полиэтничных регионов страны – Среднего Поволжья. Данный процесс рассматривается автором как составная часть социальной идентичности. В публикации делается вывод о наличии у населения Поволжья чётко обозначенной тенденции к взаимопереходу ментальности и этничности, что в значительной степени определяет поступательное развитие российского общества.

Ключевые слова: этническая идентификация, этническое самосознание, социальная и позитивная идентичность, этнические образования, ментальность.

The Genesis of Ethnic Identification of Population Middle Volga in the 1990 – 2000 Years

V.V. Sharapov

In the given article the problem of formation of ethnic consciousness of the population of one of most polyethnic country regions – the Volga Region is investigated; from the objective scientific point of view; aspects of ethnic identification of six nations of the Volga Region as

the component of social identity are considered. The point is to dwell on the undoubt urgency of the given processes influencing the process of democratisation of the Russian society.

Key words: ethnic consciousness, ethnic formations, ethnic identification, social and positive identity, mentality.

Радикальные социально-экономические изменения, произошедшие в последние десятилетия в различных сферах (политике, экономике, культуре, межэтнических отношениях) развития российского общества, привели к социальной нестабильности. На рубеже XX–XXI вв. в Российской Федерации, как и во многих полиэтничных странах мира наряду с процессами интеграции, интернационализации культур и унификации образа жизни наблюдается стабильный рост этнического самосознания. Процесс этнического возрождения, определяющий ценность этно-

культурного многообразия, – безусловно, положительная тенденция в формировании общественного сознания. Однако необходимо отметить, что на основе позитивного роста этничности может происходить бурный всплеск этноцентризма, этнической нетерпимости, межнациональной конфронтации. Являясь наиболее восприимчивой к политическим и социальным изменениям субстанцией, этническое самосознание нуждается в научно обоснованной разработке технологий, способствующих его совершенствованию, а следовательно стабилизации межнациональных отношений и оптимизации межкультурных взаимодействий, поддержанию монолитности государства, порой выводу личности из кризисного маргинального положения.

В период социально-политического возрождения России и повсеместной демократизации всех сфер жизни российского общества социальная стабильность является тем важным фактором, который непосредственно определяет успех проводимых реформ. Этнический аспект данной проблемы особенно актуален в Среднем Поволжье – регионе с богатой историей взаимоотношений между многочисленными населяющими его этническими образованиями. Этап становления и совершенствования правового государства характеризуется наличием достаточно четко обозначенных общественных тенденций, аккумулирующих в себе становление и развитие национальных культурных центров, движение за этнокультурное возрождение народов Поволжья и других этносов. В этой связи любые предпринимаемые здесь политические шаги, затрагивающие межэтнические отношения, должны быть более чем обоснованными и корректными. Осуществлению на практике данного основополагающего условия должно способствовать глубокое понимание ответственными лицами социальных процессов в этнической сфере, невозможное без проведения всесторонних этнопсихологических исследований.

Изучение проблемы этнической идентификации, входящей в структуру национального самосознания, является частью более широкой исследовательской работы, которая связана с изучением социальной идентичности. Этот термин, имеющий междисциплинарные корни, как социально-психоло-

гические, так и социологические, отражает представление о стремлении индивида идентифицировать себя с тем или иным сообществом. Оно обостряется при определенных обстоятельствах в исторический период, когда разрушается традиционный уклад, при котором «потребность самоопределения в системе социальных связей не актуализирована»¹. Групповой социальный статус задан в этом укладе жесткими критериями принадлежности к общине, сословию, а также половозрастными функциями².

Развитие современных индустриальных обществ принципиально изменяет условия жизни людей, формирует потребность в самоопределении относительно разнообразных групп и общностей, а динамизм и многослойность социальных взаимосвязей вызывают необходимость упорядочения и доминирующих, и периферийных «солидарностей». Под солидарностями здесь понимаются те или иные социально конструируемые общности, с которыми индивид так или иначе себя соотносит. Ответ на вопрос, какие группы или общности человек признает своими, а какие – частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений.

Генезис идентификации приводит к смещению представлений о группах, с которыми каждый конкретный человек себя соотносит. В том типе общества (его иногда называют постмодернистским), которое сейчас находится в центре внимания психологов, независимо от национальной принадлежности человек включается в систему все более глобальных отношений, выходящих за рамки местной локальности и данного временного промежутка.

Изменения, которые происходят в наши дни в России, по мнению В.А. Ядова, напоминают по своему характеру «...культурно-исторический переход от застойного, “традиционного” общества к современному, то есть динамичному. Происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа (“мы – это народ, открывающий миру новые перспективы братства и солидарности всех трудящихся”) к групповым солидарностям “постмодернистского” типа, где практически все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого-либо вектора, называемого социальным прогрессом»³.

Одним из стержневых элементов системы идентичностей «советского» типа было представление о «народов семье единой», о преодолении национальных границ в сознании каждого гражданина. «Человек советский» в том виде, в каком он являлся конструктом официальной идеологии, находился вне национальных рамок⁵. Идеи, которые получили распространение в конце 1970-х гг. (о допустимости и даже необходимости утверждения представлений о так называемой «малой родине»), при некоторой их оппозиционности не являлись чем-то радикально противоположным официальной идеологии. Они приглашали лишь к некоей корректировке официальной модели. Вместе с тем, легко обнаруживалось различие между социально одобряемым и декларируемым подходом к межнациональным отношениям как предмету интернациональной солидарности и постепенному уходу от национального во всех областях жизни, с одной стороны, и тем, что имело место в реальной жизни на бытовом уровне, – с другой. В бытовых отношениях и представлениях отмечались и достаточно высокий уровень национальной солидарности внутри отдельных этнических групп, и элементы межнациональной нетерпимости и напряженности.

Становление новой социальной субъективности в России характеризуется противоречивыми процессами в формировании представлений об общности интересов. С одной стороны, велико недоверие к любым указаниям на общность интересов⁵, которое особенно ярко проявляется в отсутствии гражданского общества, с другой стороны, в сознании современников сохраняются представления о себе как части в прошлом советского народа, в настоящем – российского.

В связи с вышесказанным исследование круга проблем, связанных с изучением этнической идентификации в рамках более широкого контекста социальной идентификации населения Поволжья, представляет существенный интерес. В научном изыскании использовался метод сравнительного анализа данных различных этнических групп. В соответствии с подходом, разработанным В.А. Ядовым, в ходе проводимого исследования респондентам задавался следующий вопрос: «Встречая в своей жизни разных людей, с

одними мы легко находим общий язык, духовную близость, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать “это мы”?»

Концепция анализа данных предполагала предварительное распределение объектов идентификации по следующим категориям: а) идентификация с сообществами различного масштаба – от первичных до самых крупных: семьей и близкими друзьями, жителями данного города (поселка), людьми той же национальности, всеми людьми на планете; б) возрастная идентификация; в) идентификация по профессиональному, производственно-организационному и материально-имущественному критериям: с людьми той же профессии, товарищами по работе (учебе), с теми, кто имеет такой же достаток; г) гражданская идентичность: ощущение близости с россиянами, гражданами СНГ, общностью «советский народ»; д) политико-идеологические ценностные идентификации: с разделяющими убеждения человека и его взгляды на жизнь; с близкими по политическим позициям; с теми, кто не интересуется политикой; е) идентификации, формируемые на основе поведенческих стратегий: с теми, кто не любит «высовываться», предпочитает жить, «как большинство других»; с теми, кто не ждет «манны небесной», сам делает свою судьбу и жизнь; с теми, кто не утратил веру в будущее. В процессе анализа ответы респондента «часто» или «иногда» интерпретировались как свидетельство позитивной идентичности, а «практически никогда» и «трудно сказать» – с негативной.

Для того чтобы региональные процессы проявились в своем своеобразии, была принята попытка сравнить данные исследования населения Волжского речного бассейна с данными российского опроса⁶. Следует отметить, что, к сожалению, сравнение результатов этнопсихологических исследований в этом случае ограничивается их методическими параметрами. В основе каждого из опросов лежат различные концепции выборки, ее объем, композиция инструментария, где располагается блок вопросов по идентификации. Различается и время опроса. Однако представляется возможным обсудить общие

тенденции как в одном, так в другом случае, оставаясь в границах допустимости при применении статистических процедур.

Итак, идентичности, как предполагалось, были разделены на позитивные и негативные. Ранжирование позитивных идентичностей волжан показывает, что порядок их следования по ведущим показателям не отличается от общероссийского (таблица).

Динамика позитивной идентичности (% опрошенных)

	Среднее Поволжье	Россия	Разница
Семья, близкие друзья	92,9(1)	85,9,(1)	+7,0
Люди того же поколения	81,1 (2)	77,1 (2)	+4,0
Люди, разделяющие те же убеждения и взгляды на жизнь	72,7 (3)	71,6 (4)	+1,1
Товарищи по работе, учебе	70,8 (4)	77,2,(2)	-6,4
Россияне	63,3 (5)	64,9 (6)	-1,5
Люди той же национальности	62,3 (6)	73,6(3)	-10,3
Представители той же профессии	62,2 (6)	71,6 (4)	-9,4
Люди, живущие в том же городе, поселке	61,1 (6)	70,0 (5)	-8,9
Люди того же достатка	52,9 (7)	64,9 (6)	-12,0
Те, кто не утратил веры в будущее	47,1 (8)	61,9 (7)	-14,8
Те, кто не ждет манны небесной	44,6 (9)	60,5 (8)	-15,9
Люди, близкие по политическим взглядам, позициям	40,6 (10)	52,6 (10)	-12,0
Те, кто не любит высываться	38,7 (11)	54,3 (9)	-15,6
Граждане СНГ	35,7 (12)	38,1 (14)	-2,4
Все люди на планете	33,0 (13)	35,5 (15)	-2,5
Советский народ	32,1 (13)	43,8 (13)	-11,7
Те, кто уверен, что главное – везенье	32,0 (13)	46,5 (12)	-14,5
Те, кто не интересуется политикой	31,8 (13)	49,0 (11)	-17,2
Итого (абсолют.)	1750	2000	

Примечание. Цифры в скобках демонстрируют ранжирование позитивных идентичностей волжан и граждан России в целом.

Более двух третей опрошенных респондентов-волжан так же, как и все россияне, в первую очередь идентифицируют себя с группами ближайшего окружения (семья, близкие, сверстники, товарищи по работе). Крупные общности («российский народ», «советский народ», «граждане СНГ» и т.п.) располагаются в конце перечня.

Как нам представляется, последние группы, хотя и являются значимыми элементами социального пространства, формируются, главным образом, под воздействием средств массовой информации, порождают символические идентичности. Различия в рангах практически отсутствуют. Вместе с тем, можно отметить некоторые региональные различия. Так, идентификация с семьей, близкими, друзьями в Поволжье сильнее, а с российским народом значительно слабее, чем в России в целом.

Анализ результатов исследования по следующему блоку параметров, определяемых социальной дифференциацией (профессией, местом жительства, уровнем материального достатка, национальностью), показывает, что сила идентификации по этим индикаторам равномерно различается в сторону уменьшения, по всему списку. Однако они являются довольно сильными, как и идентификации по национальной принадлежности и мировоззрению («те же взгляды на жизнь»). Наиболее заметны различия по ключевым направлениям – этническому (с 73,6 до 62,3%), профессионально-производственному (с 71,6 до 62,2%), достатку (с 52,9 до 64,9%) и месту жительства (с 70 до 61,1%). Данный блок исследования, проведенного в Волжском речном бассейне, как и в российском исследовании, показывает высокую степень интенсивности идентичности: доля позитивных ответов достигает по некоторым позициям 70%.

Другой блок – идентификации по поведенческим стратегиям и политико-идеологическим ориентациям (интенсивность идентичности – до 50%) – можно интерпретировать как совокупность инструментов, помогающих индивиду описывать социальное пространство и свое место, поведение в нем. По сравнению с результатами российского исследования практически по всем солидарностям этого блока количество ответов на 10–15% ниже.

На наш взгляд, в объяснении выявленных различий наибольшее значение имеют в порядке убывания пространственный, социально-профессиональный, территориально-административный факторы и те общенациональные социально-экономические процессы, которыми был отмечен период второй половины 1990-х гг. Кризис, охвативший все

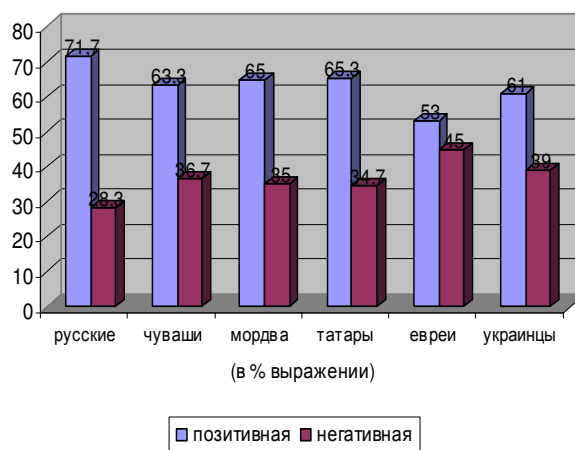
стороны общества, инфляция, рост цен, снижение доходов большей части населения привели к снижению уровня широкого спектра идентификаций. У волжан ослабевает идентификация, имеющая отношение к идеологии, к сходным моделям поведения; зато крепнет связь с ближайшим окружением – семьей, близкими, кругом профессионального общения.

Вместе с тем обращает на себя внимание этнопсихологический аспект обсуждаемой проблемы. Многие из представленных в выборке национальных групп продемонстрировали определенные отличия в силе идентификаций по отношению к различным социальным группам. Например, у русских выше других идентификация с поколением – всего 12,2% отрицательных ответов на вопрос о солидарности с «людьми того же возраста, поколения», при этом самая высокая позитивная идентификация с «товарищами по работе» (83,6%); с «людьми, придерживающимися тех же убеждений» (81,6%); «россиянами» (71,7%), «людьми того же достатка» (60,8%), теми, «...кто не утратил веры в будущее» (58,8%), «...кто не ждет манны небесной» (64,6%), «...кто не интересуется политикой» (40,5%), «...кто считает, что главное – везенье» (40,0%). У другой национальной группы с выраженной национальной спецификой – чувашей – выявилась наиболее низкая идентификация по ряду признаков. Например, более чем в других этнических группах, получено отрицательных ответов по поводу солидарности с «людьми того же возраста, поколения» (28,3%), «людьми той же профессии» (45,5%). Позитивная идентификация наиболее низка по отношению к «людям, придерживающимся тех же убеждений» (всего 62,2%), «товарищам по работе» (63,6%). Ответы мордвы демонстрируют наиболее низкую идентификацию по отношению к тем, «...кто не любит высовываться» (34,7%), «...кто близок по политическим взглядам» (27,6%), «...кто не интересуется политикой» (23,5%), «...кто считает, что главное – везенье» (25,8%). Отмечается низкая идентификация по отношению к «людям той же национальности» (49,5% отрицательных ответов). У татар наиболее низка негативная идентификация с «людьми той же национальности» (21,9%), а позитивная – с теми, «кто верит в будущее» (41,7%). Евреи прояв-

ляют самый высокий уровень позитивной идентификации с «придерживающимися тех же политических взглядов» (50,5%), а наиболее низкий – с «товарищами по работе» (61,6%), «теми, кто не ждет манны небесной» (34,7%) У них наиболее высока негативная идентификация с «людьми того же возраста, поколения» (25,3%), «россиянами» (48,1%), «людьми, проживающими в той же местности» (50,5%), «людьми того же достатка» (61,2%).

Итак, национальная идентичность по-разному проявляется в различных этнических группах. Анализ данных показывает, что наиболее высока она среди татар, русских и евреев, а наиболее низка – среди украинцев и мордвы.

Гражданская идентичность (т.е. с россиянами) значимо не различается по большинству национальностей, несколько ниже она у евреев, исследования проводились на рубеже XX–XXI столетий (рисунок).

Показатель негативной и позитивной идентификации различных этнических групп Поволжья по отношению к «россиянам»

Формирование социальных идентичностей в различных этнических группах – предмет отдельного анализа. Для целей исследования необходимо было выяснить, каким образом и под воздействием каких факторов происходит идентификация индивида с людьми той же национальности и есть ли различия в этом процессе для представителей разных этносов. Решить поставленную задачу возможно, используя процедуры факторного анализа, группирующего сложные корреляционные модели. Факторный анализ

позволяет проследить степень связи различных переменных: например, показывает, какие еще идентификации свойственны людям с более сильной или более слабой национальной идентичностью. В этом плане не ставится целью рассмотрение всего комплекса социальных идентификаций населения (это – тема отдельного анализа), поскольку основная проблема данного аспекта исследования – характерные черты самосознания волжан в определенный временной период.

В связи с вышесказанным необходимо отметить определяющее обстоятельство: если не дифференцировать группы по этническому признаку и рассматривать все имеющиеся данные в комплексе, то в фактор идентификации со своей национальностью войдут еще четыре признака: солидарность с семьей, близкими и друзьями; людьми того же возраста, поколения; теми, кто живет в том же городе, поселке; россиянами, т.е. фактор солидарности с различными локальностями. Аналогичные показатели можно отметить и в общероссийском исследовании, проведенном В.А. Ядовым⁷.

В этнических группах сходную между собой структуру фактора (имеются в виду вошедшие в него показатели) имеют такие национальности, как русские, чуваша, мордва и украинцы. У представителей мордвы, впрочем, более четко прослеживается географический аспект за счет сокращения составляющих фактор признаков (в него вошли лишь идентификации с россиянами, жителями того же населенного пункта и представителями той же национальности); у русских фактор расширился за счет солидарностей с ближайшим окружением и людьми сходного мировоззрения; а в украинском массовом сознании представление об идентификации со своей национальностью тесно сплетено с понятиями идеологическими и высокого уровня абстракциями – идентификацией с российским народом, гражданами СНГ и всеми людьми на планете.

В представлении членов татарской общины солидарность с представителями собственной национальности в целом так же актуальна, как и идентификация с теми, кто проживает в той же местности, и с теми, кто близок по политическим взглядам, позициям. С полным основанием можно утверждать,

что для татарского этноса вопрос национальной идентификации имеет не только и не столько бытовой, сколько политический оттенок.

Массовое сознание евреев характеризуется слабой связью с россиянами, с национальной идентичностью, в гораздо большей степени прослеживается идентификация со своими близкими, семьей и людьми того же возраста, поколения.

Итак, на основании полученных результатов исследования данного аспекта можно констатировать, что в сложившейся этнопсихологической ситуации наиболее значимы идентификации индивида с его ближайшим окружением – семьей, близкими, друзьями. Солидарности по идеологическому, имущественному, поведенческому признакам выражены слабее.

Этническая идентификация в Поволжье в целом занимает не третье место, как это можно констатировать на основании результатов общероссийских исследований, а шестое. Данный феномен объясняется тем, что в результате многовекового межэтнического и межкультурного взаимодействия волжан представления об этнической идентичности имеют тенденцию к распаду, все менее и менее актуализируются, уступая место наднациональным, личностным идентичностям, т.е. ментальности. Однако необходимо отметить, что вышеобозначенные процессы проявляются неравномерно в различных национальных группах и регионах Волжского речного бассейна. Наиболее интенсивен и последователен переход этничности и ментальности у населения г. Самары и Самарской области – одного из самых урбанизированных регионов, социально и экономически развитого, высококультурного, а следовательно, этнически толерантного в Поволжье. В наименьшей степени данная тенденция прослеживается в Республике Татарстан.

Идентификации представителей разных этносов Поволжья также имеют свою специфику, которая наиболее ярко выражена у русских и татар. Для первых характерно сочетание этнической идентичности с солидарностью со своим ближайшим окружением и близкими по мировоззрению людьми. Особенность самосознания татар заключается в

том, что у них отчетливо представлен политический аспект идентификации. В то же время, анализируя характерные черты самосознания населения Волжского речного бассейна, необходимо отметить, что обнаружено большое сходство у русских, украинцев, чувашей и мордвы. Этническая идентификация последних связана с представлениями о российском государстве, территориальной принадлежности и близком окружении. Можно предположить, что украинцы, мордва и чуваша, проживающие в Поволжье, – это национальные группы, образ мышления которых подвергается наибольшему влиянию со стороны локальной «практической» культуры. У евреев, в отличие от других этносов, в этнической идентификации нет ничего территориального, связанного с данной локальностью. Национальные чувства у них носят наиболее интимный характер, коррелирующий с солидарностью со своей семьей, друзьями, а также с людьми того же возраста и поколения.

Таким образом, подытоживая результаты данного научного наблюдения, можно с полным основанием отметить наличие в са-

мосознании волжан конца 1990 – начала 2000-х гг. четко обозначенной тенденции к взаимопереходу ментальности и этничности, что в исследуемом регионе имеет более высокие темпы, чем в целом по стране. Данный факт, бесспорно, является важнейшим критерием поступательного развития межэтнических и межкультурных взаимоотношений не только этносов Поволжья, но и страны в целом, завершающим этапом которого станет формирование у населения «гражданской» российской идентичности и дальнейшее совершенствование демократических основ общества.

Примечания

¹ Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В.А. Ядов // Социол. журн. 1994. №1. С.48.

² См.: Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. М., 1984.

³ Ядов В.А. Указ. соч. С.41.

⁴ См.: Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под. ред. Ю.А. Левады. М., 1993.

⁵ См.: Ядов В.А. Указ. соч.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

М.А. Епифанова

Комитет по образованию администрации муниципального образования «Город Саратов»
E-mail: sarkomobraz@mail.ru

Исследованы результаты внедрения в учебный процесс школы мультимедийных технологий. Показано, что в результате повышается уровень мотивации самообразования и качественные показатели дидактического процесса.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, мотивация самообразования, педагогическое исследование, качество дидактического процесса.

The Research of Influence of Multimedia Teaching Technologies at the Effectiveness of the Didactic Process

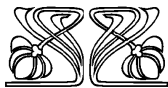
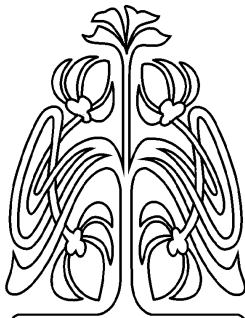
М.А. Epifanova

Explored results of introduction in the scholastic process of school of multimedia technologies. Shown that as a result increases a level of motivation of self-education and qualitative didactic process factors.

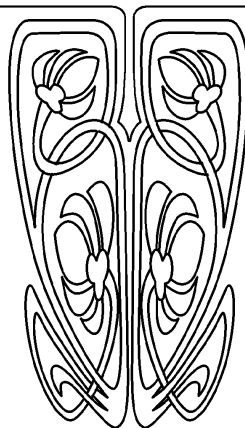
Key words: multimedia technology, motivation of self-education, pedagogical study, quality of didactic process.

Современное образовательное пространство характеризуется высоким уровнем технологизации и информатизации дидактического процесса. Наряду с живым словом педагога всё большую роль играют современные средства обучения, которые получили название электронных образовательных ресурсов, или образовательных мультимедиа¹. Это специфическая область компьютерных технологий, ядром которой является компьютер, а информационное обеспечение реализуется различными носителями. Под мультимедиа также понимается интегративная технология, позволяющая компьютеру вводить, обрабатывать, хранить, перерабатывать и отображать такие типы данных, как текст, видео, звук, речь. Мультимедийными средствами считается комплекс аппаратных и программных средств, позволяющих пользователю общаться с компьютером, используя самые разнообразные естественные среды – видео, звук, графику, текст, анимацию.

Несмотря на достаточно полное и последовательное изучение психолого-педагогических и методологических аспектов внедрения в учебный процесс мультимедийных технологий, следует отметить, что многие аспекты этой проблемы разработаны совершенно недостаточно. В частности, не исследованы вопросы динамики изменения отношения учащихся к компьютеру как эффективному средству обучения; не проводился ана-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

лиз влияния мультимедийных технологий на количественные показатели дидактического процесса; не изучены возможные изменения в мотивации учения школьников и уровне их познавательной самостоятельности. Существенно в этой связи отметить, что имеющиеся исследования, как правило, носят теоретический характер, хотя прикладная направленность их имеет большую практическую значимость.

В процессе широкого педагогического эксперимента, охватившего более 1500 учащихся школ и гимназий, в которых мультимедийные технологии используются в достаточно полном объёме, а также несколько групп школьников, в которых обучение проводится традиционно, были сформированы, соответственно, экспериментальная и контрольная группы. Исследования проводились методом анкетирования, хотя уточняющие дополнительные сведения были получены из собеседований с учащимися и преподавателями². Представлена динамика изменения отношения к компьютеру у учащихся 9, 10 и 11-х классов в экспериментальной и в контрольной группах (рис. 1, 2).

Важно отметить, что, прежде всего, было проведено сравнение отдельных групп и показано, что на высоком уровне достоверности можно утверждать статистическую незначимость их различий на уровне 9-х классов. Это позволяет заключить, что все последующие изменения в них связаны с различием используемых для обучения педагогических технологий. Соответствующие математические методы применялись, например, в работах ряда ученых³.

В 9-х классах учащиеся обеих групп видят в компьютере в основном средство коммуникации и развлечения: число набранных при анкетировании баллов, усреднённое на 20 человек для обеспечения возможности сравнения оценок, по этим пунктам опросного листа составляет в экспериментальной группе 58,2%, а в контрольной – 58,4%. Перспективы использования компьютера в будущей профессиональной деятельности оцениваются относительно невысоко (5% и 4,8%). Рассмотрению компьютера как средства повышения уровня самостоятельной работы учащиеся 9-х классов обеих групп уделяют меньше всего внимания (на уровне 5%).

В 10-х классах отношение учащихся экспериментальной группы к компьютеру существенно изменяется: значительно снижается интерес к использованию компьютера как средства развлечения и коммуникаций и на первый план выходит его использование в качестве эффективного средства повышения уровня самостоятельной работы (22% от уровня оценивания всех возможных использований). В то же время в контрольной группе аналогичная оценка составляет лишь 6,9%.

В 11-х классах экспериментальной группы школьники заинтересованы в повышении уровня самостоятельной работы еще больше (45%), в то время как в контрольной группе соответствующая оценка составляет всего 11,5%, а оценка компьютера как средства развлечения и коммуникации выросла до 48,3%.

Таким образом, можно констатировать, что внедрение в учебный процесс мультимедийных технологий способствует существенному повышению мотивации самостоятельной работы школьников. Сделанный вывод подтверждается исследованиями динамики изменения оценки учащимися экспериментальной группы компьютера – основного элемента мультимедийных ресурсов в дидактическом процессе. В качестве учебного предмета рассматривался курс физики. Анкетировались школьники, последовательно переходящие из 9-го в выпускной класс (рис. 3).

Для большей части школьников 9-х классов введение мультимедийных технологий воспринимается как более красочное и интересное представление учебного материала, что позволяет его понимать лучше. Указанное эмоциональное воздействие вполне объяснимо, и этот эффект отмечается во многих исследованиях. В то же время большое количество школьников отмечает, что компьютерная анимация часто отвлекает их от изучения самих физических закономерностей, а иногда просто мешает их восприятию. По всей видимости, отмеченный эффект можно объяснить отсутствием достаточной адаптации к необычному (по форме) представлению учебного материала, резко контрастирующему с традиционной привычной формой проведения уроков.

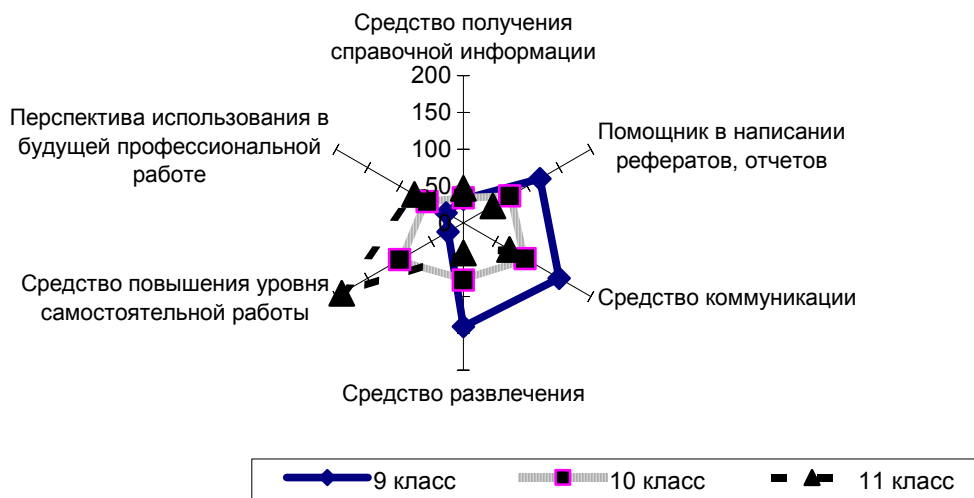

Рис. 1. Динамика изменения отношения к компьютеру у учащихся 9-х, 10-х и 11-х классов в контрольной группе

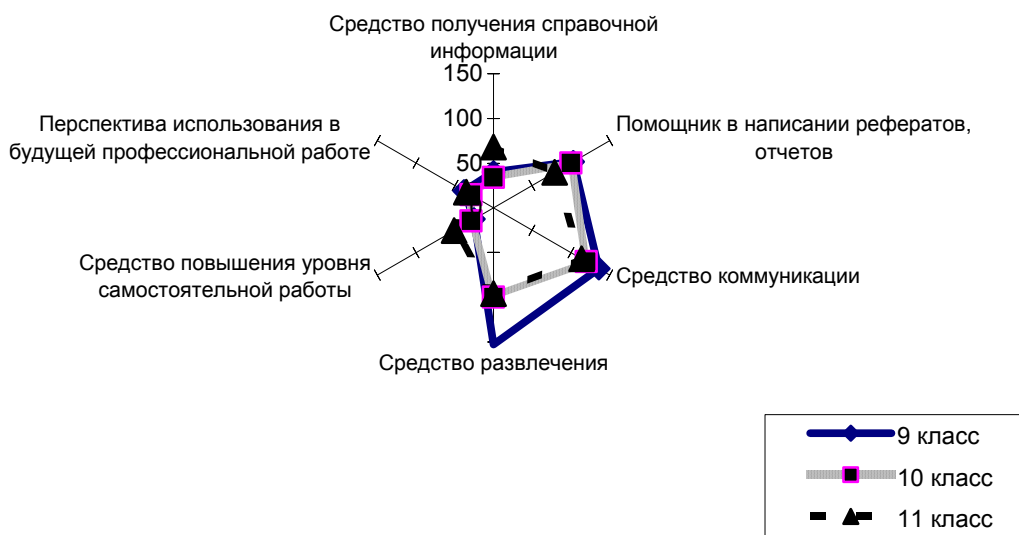

Рис. 2. Динамика изменения отношения к компьютеру у учащихся 9, 10 и 11-х классов в контрольной группе

Недостаточность знаний о возможностях компьютера как средства обучения и получения различной учебной информации объясняет слабое его использование школьниками 9-х классов для самообразования. Уровень их познавательной самостоятельности остаётся относительно низким, что вполне коррелирует с предыдущими выводами (см. рис. 1, 2).

Переход школьников экспериментальной группы в 10-й класс отмечается адаптацией к мультимедийным технологиям обучения, что позволяет школьникам, в первую очередь, акцентировать внимание на самом учебном материале, хотя эмоциональная компонента урока сохраняется на высоком уровне. Число школьников, считающих компьютерное сопровождение урока по физике

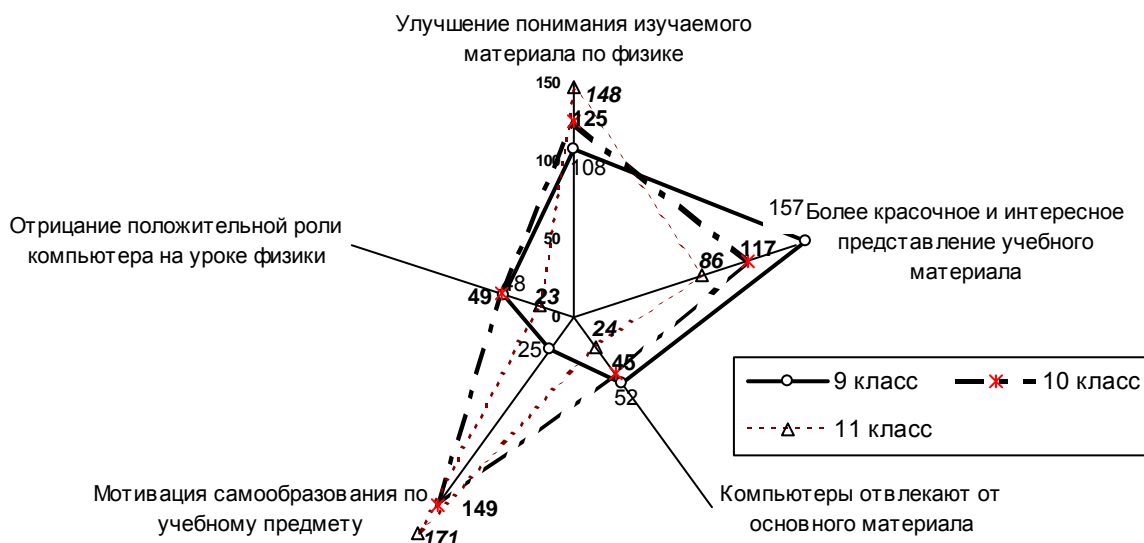

Рис. 3. Динамика изменения оценки роли компьютера как средства обучения (мультимедиа-ресурсов) в процессе преподавания физики в экспериментальной группе

недостаточно эффективным для усвоения физических закономерностей, снижается. Можно отметить, что, начиная с 10-го класса, по всей видимости, из-за приближения окончания школы резко возрастает стремление школьников использовать компьютер для получения дополнительных сведений по предметам учебного цикла, в частности, по физике, т.е. наблюдается формирование мотивации самообразования. Это вполне согласуется с работами по мотивации учения А.К. Марковой⁴.

Отмеченные тенденции динамики изменения оценки учащимися роли компьютера как средства обучения сохраняются при их переходе в выпускной класс, причём число тех, кто негативно воспринимает введение в обучение компьютерных средств, резко уменьшается, а мотивация самообразования усиливается.

Проведённый анализ оценок школьников места и роли компьютера в системе их образования позволяет заключить, что он оказывается эффективным средством повышения уровня учебного процесса.

Подтверждением сделанного вывода служат показатели успеваемости ряда учебных заведений города, в которых проводился педагогический эксперимент. Эти сведения

позволяют судить об эффекте внедрения в учебный процесс экспериментальных школ мультимедийных технологий (таблица).

Оценка эффекта влияния внедрения мультимедийных технологий на уровень успеваемости школьников по физике

Муниципальное образовательное учреждение	Класс	Эффект внедрения в учебный процесс мультимедийных технологий обучения (в %)		
		Первое полугодие	Второе полугодие	Учебный год
Лицей №2	9	20	10	25,7
	10	8	7	21,6
	11	10	11	20,5
СОШ №54	9	20,7	27,6	12,8
	10	8,3	12	16,7
	11	3,2	18,8	22,6
СОШ №6	9	5,7	5,4	11,4
	10	5,7	8,6	8,6
	11	5,6	5,4	8,3
СОШ №2	9	8,6	5,6	8,6
	10	5,9	5,7	8,8
	11	5,6	11,4	11,4
СОШ №84	11	1,6	6,2	6,7
Лицей №62	9	15,2	13	18,2
	10	-5,6	-5,4	-2,4
	11	5,7	5,6	8,6
Лицей №3	9	3,8	3,7	6
	10	12,3	2,6	1,9
	11	0	2,1	2,1
Усредненный результат	9	12	10,9	15,9
	10	5,8	4,8	8,7
	11	19	8,65	26,7

Под эффектом внедрения мультимедийных технологий понимается отношение средней оценки, полученной учащимися соответствующего класса в первом, втором полугодиях 2008/2009 учебного года и за весь учебный год, к оценке в те же периоды учебного года до внедрения в учебный процесс мультимедийных технологий обучения (в процентах). Результаты усреднялись по всем классам выбранной параллели в каждом из образовательных учреждений.

Степень влияния на показатели учебного процесса мультимедийных технологий в каждом из рассмотренных случаев различна, так как различны и учителя по своей квалификации, и учащиеся по своему отношению к учебному предмету, но общий рост показателей очевиден и достаточно высок.

Таким образом, педагогический эксперимент наглядно показал, что внедрение в учебный процесс мультимедийных средств обучения приводит к формированию устойчивых мотивов учения и самообразования, что в результате существенно повышает показатели учебного процесса.

Примечания

¹ См.: Мантуленко В.В. Становление познавательного интереса школьников в условиях информатизации образования / В.В. Мантуленко // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2006. №5/2. С.36–44.

² См.: Подласый И.П. Педагогика: Новый курс: учебник для студентов высших учебных заведений: в 2 кн. / И.П. Подласый. М., 2001. Кн.1: Общие вопросы. Процесс обучения.

³ См.: Бешелев С.Д. Математико-статистические методы экспертных оценок / С.Д. Бешелев, Ф.Г. Гурович. М., 1977; Эдельгауз Г.Е. Достоверность статистических показателей / Г.Е. Эдельгауз. М., 1977.

⁴ См.: Маркова А.К. Формирование мотивации обучения в школьном возрасте / А.К. Маркова. М., 1986.

УДК 378

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В.В. Жердев

Саратовский военный институт внутренних войск
Министерства внутренних дел России
E-mail: toy8@rambler.ru

В статье рассмотрены различные уровни проявления патриотизма. Сделана попытка определить сущность и особенности военно-патриотической подготовки курсантов в современных условиях, предложена ее компонентная структура.

Ключевые слова: военно-патриотическая подготовка, патриотизм, долг, честь, достоинство, патриотическая деятельность

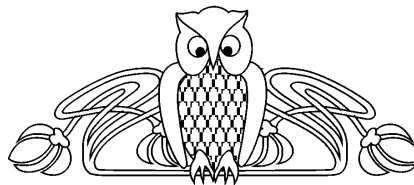
Military-Patriotic Training Essence and Peculiarities in Modern Conditions

V.V. Zherdev

The different levels of patriotism demonstration are discussed in the article. The attempt to define military-patriotic training essence and peculiarities of cadets in modern conditions are made, the training component structure is suggested.

Key words: military-patriotic training, patriotism, duty, honour, dignity, patriotic activity.

В настоящее время Россия переживает период, когда значительной трансформации подвергаются основы жизнеустройства общества, идеалы, ценности, ориентации и ми-

ровоззренческие установки людей. Кардинальные изменения отражаются и в военном деле, военной науке.

В этих условиях возросла роль военно-патриотической подготовки (ВПП) офицеров как важнейшего показателя их профессиональной подготовленности. Сегодня ВПП следует рассматривать в контексте нового видения всей системы военного образования, что обусловлено, во-первых, возросшими требованиями к боевой выучке, морально-психологическим качествам, вызванными коренными изменениями в военном деле и ростом социальной ответственности воинов за выполнение задач по защите Отечества и своего патриотического долга, во-вторых, повышенной ролью армии как школы воспитания подрастающего поколения. В-третьих, повышается удельный вес психолого-

педагогических начал в деятельности каждого современного руководителя-офицера, для которого обучение и воспитание подчиненных является основной служебной обязанностью. Всё это обуславливает необходимость рассмотрения сущности военно-патриотической подготовки курсантов военного вуза (ввуза).

В контексте нашего исследования мы исходим из того, что основной целью военно-патриотической подготовки является формирование патриотизма с учетом тенденций, присущих педагогической системе военного вуза: во-первых, учебно-воспитательный процесс ориентирован на высокий профессионализм будущих офицеров, формирование патриотизма в условиях обстановки творческого содружества; во-вторых, весь образовательный процесс ввуза направлен на соблюдение дисциплины, существенным механизмом его воздействия становится скрупулезное предъявление уставных требований военнослужащим, и дисциплина наряду с успеваемостью курсантов является одним из главных показателей эффективности учебно-воспитательного процесса, поэтому основная задача ВПП состоит в поиске гармоничного взаимодействия этих двух тенденций.

Во все времена содержание и направленность патриотизма определяются, прежде всего, духовным и нравственным климатом общества, его историческими корнями, питающими общественную жизнь поколений. Роль и значение патриотизма всегда возрастают на крутых поворотах истории, пики славы Российского государства совпадают с пиками всенародного патриотизма (1380 г. – сражение на Куликовом поле, 1612 г. – освобождение Москвы от интервентов, 1812 г. – Отечественная война, 1941–1945 гг. – Великая Отечественная война); его проявление отмечено благородными порывами, особой жертвенностью во имя своей Родины, что позволяет говорить о понятии «патриотизм» как о сложном и, безусловно, неординарном явлении. Патриотизм как понятие отражает теснейшую взаимосвязь личности, общества и государства. Чтобы глубже и полнее выяснить и понять сущность и особенности ВПП в современных условиях, необходимо выде-

лить структурные элементы и вскрыть основные черты патриотизма воинов, рассмотреть различные стороны его проявления.

Большинство авторов считают, что патриотизм проявляется на трех уровнях: *эмоциональном* – глубокие чувства любви к Родине, к лучшим национальным традициям и героическому прошлому страны, чувства национальной гордости, чести, достоинства; *рациональном* – теории, идеи служения Отечеству, то или иное понимание патриотического долга, т.е. понятия о том, как наилучшим образом служить отчизне, какие действия, поступки соответствуют ее интересам; *деятельностном* (патриотическое действие), т.е. служение Родине практическими делами, ратными подвигами, честным трудом, выполнением патриотического долга¹.

Первый уровень проявления патриотизма – *эмоциональный* – глубокие чувства любви к Родине, национальным традициям, чувства национальной гордости, т.е. патриотические чувства. Они являются составной частью общественного сознания, в которой находит специфическое отражение общественное бытие, выражается отношение к Отечеству². Зарождаясь как чувство привязанности к родным местам, любви к Родине, близким людям, как сознание неразрывной связи с ближайшей социальной и культурной средой, патриотизм вырастает затем в национальную гордость. Одной из особенностей патриотизма является значительная роль эмоционального фактора в его формировании и развитии.

С момента возникновения и до их осознания, четкой социальной направленности патриотические чувства формируются в идеологическую форму, т.е. проявляется второй уровень патриотизма – *рациональный*: идеи служения Отечеству, понимание патриотического долга, чести, достоинства. Под воинским долгом понимается безупречное выполнение требований военной присяги и воинских уставов, беспрекословное выполнение приказаний в боевой обстановке и в мирное время, готовность отдать жизнь для защиты Родины и для спасения своего командира, товарищей³. Высокая значимость воинского долга продиктована причинами

внешнего порядка – необходимостью защиты национальных интересов на мировой арене, где роль военной силы еще является веским аргументом в решении многих вопросов. От полноты исполнения каждым военнослужащим своего воинского долга зависит обеспечение благоприятной внешней обстановки, столь необходимой для возрождения России. Особенность воинского долга заключается в его юридическом закреплении в военной присяге и уставах, имеющих силу закона.

Такие понятия, как достоинство и честь издавна привлекали к себе внимание многих ученых разных направлений⁴. Обычно, говоря о них, на первое место ставят честь, этому есть историческое объяснение. Категория «честь» более древняя, чем категория «достоинство». Кроме того, в обыденном сознании достоинство человека нередко отождествляется с честью. Однако достоинство, которое во многих своих проявлениях, действительно, тесно связано с честью, представляет собой более фундаментальное и широкое явление, чем честь. Конкретизируя лексическое толкование слов *честь* и *достоинство*, применяя данные понятия к военнослужащим, можно заметить: воинская честь – внутренние нравственные качества, достоинство военнослужащего (воинского коллектива), характеризующие поведение, отношение к коллективу, к выполнению воинского долга. Достоинство военнослужащего – самооценка личности, осознание ею своих качеств, способностей, мировоззрения, выполненного долга и своего общественного значения (субъективная оценка личности).

Для более полного и всестороннего анализа чести и достоинства военнослужащих (как нравственных категорий) необходимо определить их этическое содержание. Честь военнослужащего как этическая категория означает моральное отношение к нему со стороны общества, воинского коллектива, когда моральная ценность личности связывается с конкретным общественным положением человека, родом его деятельности и признаваемыми за ним моральными заслугами. Достоинство военнослужащего как категория этики, означающая особое моральное отношение военнослужащего к самому себе, ос-

новано на признании его ценности как личности. Осознание военнослужащим собственного достоинства есть форма самосознания и самоконтроля. Военнослужащий не совершит определенного поступка, считая, что это ниже его достоинства. Достоинство – выражение ответственности человека за свое поведение перед самим собой, форма самутверждения личности. Оно обязывает совершать нравственные поступки, соотносить свое поведение с требованиями нравственности.

От характера патриотических чувств и понимания патриотического долга, чести и достоинства зависит третий уровень проявления патриотизма – *патриотическая деятельность*. На этом уровне развития личность идентифицирует себя с Родиной, Отечеством. Ее «Я» становится частицей, неразрывно связанной со множеством других «Я» социума, что в реальной действительности и конкретной деятельности проявляется в единении их чувств, ценностей, взглядов, норм, идеалов, целей, действий и поступков, интегрирующим моментом которого выступают высшие интересы общества, активная реализация идеи служения Отечеству. Деятельная сторона патриотизма признается большинством исследователей, которые на данном уровне главное место отводят воинским традициям и ритуалам⁵.

На основе проведенного анализа различных уровней проявления патриотизма мы выделяем компоненты военно-патриотической подготовки курсантов в вузе (рисунок).

Когнитивный компонент ВПП включает в себя систему знаний об обществе, основных моральных и нравственных нормах поведения; воспитание чувства любви к Родине, гордости за многонациональный народ, показ образцов русского оружия, в том числе, современного, имеющего заслуженную репутацию в мире; использование мемуаров, произведений живописи, литературы, музыки, отражающих патриотические мотивы, а также изучение крупнейших событий в истории защиты Отечества. Реализуется этот компонент через систему воспитательных мероприятий, приуроченных к определен-

<p>ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ: ценности <i>общечеловеческие</i>, связанные с духовно-нравственной сферой жизни народов, населяющих Россию; <i>национально-государственные</i>, отражающие положительные тенденции становления и развития Российского государства; <i>профессиональные</i>, являющиеся проявлением реального патриотизма и показателем высокого уровня развития сознания и культуры; <i>личностные</i>, проявляющиеся в конкретных действиях и поступках, взглядах и убеждениях, в жизненных позициях, являющиеся эмоциональным проявлением патриотизма</p>	
<p>ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА</p>	
<p>ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ: организация и передача подрастающему поколению традиций российской армии, которые представляют собой устойчивые правила и нормы подготовки личности к патриотической деятельности с учетом индивидуальности и жизненной позиции на основе усвоения социального, военного и патриотического опыта</p>	<p>КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ: система знаний об обществе, основных моральных и нравственных нормах поведения; воспитание чувства любви к Родине, гордости за многонациональный народ, знание русского и современного оружия, использование мемуаров, произведений живописи, литературы, музыки, отражающих патриотические мотивы, изучение крупнейших событий в истории защиты Отечества</p>

Структурная схема военно-патриотической подготовки курсантов военного вуза

ным датам – Дням воинской славы; в изучении исторических событий и фактов в связи с конкретными историческими личностями, которые сыграли важную роль для сохранения целостности и обороноспособности России. В результате овладения знаниями формируется социальная, духовная и нравственная зрелость личности, крепнет профессиональная самостоятельность и профессиональная готовность к будущей практической работе и патриотической деятельности.

Ценностный компонент ВПП базируется на множестве ценностных ориентаций, в системном плане представляющих несколько относительно самостоятельных групп: общечеловеческие ценности, связанные, в первую очередь, с духовно-нравственной сферой жизни народов, населяющих Россию; национально-государственные ценности, отражающие положительные тенденции становления и развития Российского государства, исторических традиций, сложившихся на протяжении веков и положительно влияющих на возрождение и процветания Отечества; профессиональные ценности, являющиеся проявлением реального патриотизма и показателем высокого уровня развития сознания и культуры; личностные ценности, проявляющиеся в конкретных действиях и поступках, взглядах и убеждениях, в жизненных позициях, являющихся эмоциональным проявлением патриотизма гражданина и воина. В ценностном компоненте мы с определенной условностью можем выделить два уровня: первый аккумулирует систему отношений к государству в целом, отражает осоз-

нание своей причастности к нему через институт МВД; второй сосредоточивает отношение личности к текущим событиям и явлениям общественно-государственной и военно-политической жизни. Ценностный компонент проявляется как система теоретических и обыденных знаний, оценок, настроений и чувств, посредством которых происходит осознание государственного характера военного служения Отечеству, ответственности и гордости за внутренние войска России, их офицерский корпус. В результате, развиваются необходимые способности и конкретизируется профессиональная направленность курсантов.

Деятельностный компонент ВПП включает в себя организацию и передачу подрастающему поколению традиций российской армии, которые представляют собой устойчивые правила и нормы подготовки личности к патриотической деятельности с учетом индивидуальности и жизненной позиции на основе усвоения социального, военного и патриотического опыта.

Перечисленные компоненты содержания патриотической подготовки неразрывно связаны друг с другом и должны быть представлены в личности в интегрированном виде. Вместе с тем необходимость учета каждого из этих компонентов в практике военного образования предполагает их глубокое изучение для целенаправленного решения задач образования, воспитания и развития на определенном этапе с учетом общепедагогических принципов, приоритетности исторического и культурного наследия России, ее

духовных ценностей и традиций, преемственности, а также возрастных особенностей и интересов курсантов.

Итак, на современном этапе сущностная сторона военно-патриотической подготовки рассматривается как совокупность общих и частных целей, задач и установок, определяемых общечеловеческими, государственно-национальными, профессиональными и личностными ценностями. Военно-патриотическая подготовка курсантов ввуза представляет собой сложный социально-педагогический процесс, связанный с передачей жизненного опыта и знаний от командира к подчиненному, с целенаправленной подготовкой военнослужащего к ратному труду на благо Отечества, с формированием и развитием духовно-нравственной личности, способной любить Родину, защищать ее интересы, сохранять и преумножать лучшие традиции своего народа. Военно-патриотическую подготовку следует рассматривать как один из факторов формирования и развития воина-патриота, гражданина своей Родины, личности с высокими патриотическими убеждениями, чувствами и активными действиями во имя возрождения и процветания России, защиты ее интересов.

Примечания

¹ См.: *Аронов А.А.* Растить патриотов: военно-патриотическое воспитание учащихся / А.А. Аронов. М., 1990; *Макаров В.В.* Отечество и патриотизм / В.В. Макаров. Саратов, 1988; *Росенко М.Н.* Патриотизм и общенациональная гордость советского народа / М.Н. Росенко. Л., 1977.

² См.: *Бублик Л.А.* Верны подвигам отцов / Л.А. Бублик, Ю.И. Зверев, Г.В. Средин. М., 1987.

³ См.: *Грунтовский И.* Высокое звание – российский солдат / И. Грунтовский // Ориентир. 2001. №9. С.53–64; *Кочколда Г.А.* Патриотическое сознание советских воинов: сущность, тенденции развития и формирования / Г.А. Кочколда. М., 1990; *Лутовинов В.И.* Патриотизм и его формирование в обществе и Вооруженных Силах / В.И. Лутовинов // Военная мысль. 2000. №4. С.38–42.

⁴ См.: *Апресян Р.Г.* Идея морали и базовые нормативно-этические программы / Р.Г. Апресян. М., 1995; *Волкогинов Д.А.* Честь офицера / Д.А. Волкогинов // Военная мысль. М., 1982; *Гулиев В.Е.* Демократия и достоинство личности / В.Е. Гулиев, Ф.М. Рудинский. М., 1983; *Гусейнов А.А.* Краткая история этики / А.А. Гусейнов, Г. Ирритц. М., 1987.

⁵ См.: *Барабанщиков А.В.* Проблема единства теоретической и практической подготовки слушателей / А.В. Барабанщиков. М., 1982; *Биочинский И.В.* Педагогика подготовки офицера в военном училище / И.В. Биочинский / Самара, 1994. С.21–42; *Васютин Ю.С.* Военно-патриотическое воспитание: теория, опыт / Ю.С. Васютин. М., 1984; *Волкогинов Д.А.* Доблести / Д.А. Волкогинов. М., 1981; *Выршиков А.Н.* Военно-патриотическое воспитание: теория и практика / А.Н. Выршиков. М., 1990; *Губанов Н.И.* Отечество и патриотизм / Н.И. Губанов. М., 1960; *Конжиев Н.М.* Воспитание патриота, гражданина, бойца / Н.М. Конжиев. Петрозаводск, 1970.

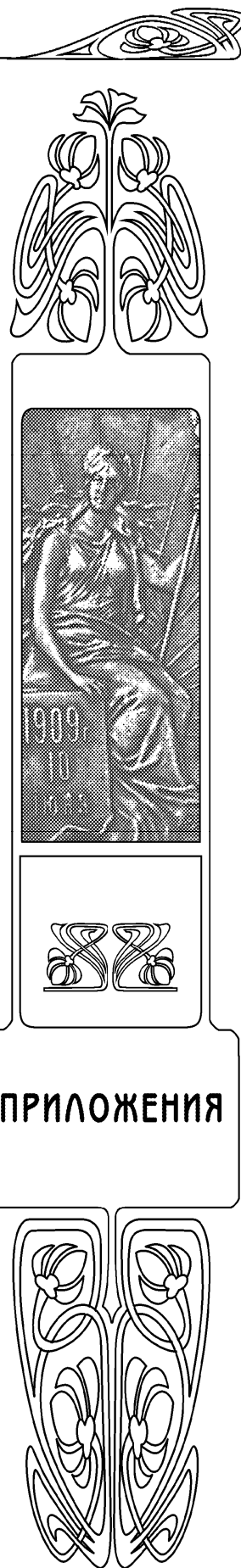
ХРОНИКА

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ В XXI ВЕКЕ: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Ежегодная конференция молодых ученых, проводящаяся на факультете философии и психологии уже несколько лет, в этом году приобрела новое измерение, что во многом оказалось связано с актуальностью и научной значимостью той темы, которая была избрана в качестве основной для данного научного форума. Во-первых, следует отметить, что количество участников конференции превысило сто человек, а во-вторых, оказались преодолены пространственные границы: в секциях приняли участие представители не только саратовских вузов, но и других городов – Москвы, Елабуги, Казани, Липецка. Такая эволюция представляется весьма закономерной и позволяет засвидетельствовать рост научного авторитета факультетской конференции как в Саратове, так и за его пределами.

Еще основоположник теории постиндустриального общества Д. Белл указывал, что грядущее общество будет построено на использовании знаний в качестве основного экономического ресурса и источника инноваций. Вместе с тем уже ушли в прошлое иллюзии по поводу общества знаний как эпохи всеобщего процветания, когда интеллектуальные ресурсы станут основным источником доступа к материальным благам. Вопросы, поднятые участниками конференции, продемонстрировали, скорее, критическое отношение к возникающему типу общественного устройства и стремление обозначить узловые проблемы общества знаний с целью их междисциплинарного осмысления и решения.

Тон заочной дискуссии был задан еще на пленарном заседании, где прозвучали доклады маститых ученых и еще молодых специалистов, представивших на суд публики свои интерпретации общества знаний. В выступлении *В.Б. Устьянцева* «Общество знаний в XXI веке» был поставлен вопрос о рискогенном измерении общества знаний. Знание о рисках в условиях господства средств массовой коммуникации само становится фактором риска, что заставляет человечество искать стратегии борьбы с ними, и этот поиск становится базовой характеристикой социального бытия в XXI столетии. Ведущая роль в формировании рискогенной реальности в условиях общества знаний, как обосновал в своем докладе *С.И. Трунев*, принадлежит сообществу экспертов. Они путем манипуляций той информацией, которая имеет статус научного знания, получают возможность влиять на тенденции социально-политического развития, определять принимаемые политиками решения. Например, проблема глобального потепления может трактоваться в ракурсе конкуренции различных транснациональных корпораций и их борьбы за получение дополнительных ресурсов и секторов мирового рынка. В связи с этим чрезвычайно актуально прозвучал вопрос, вынесенный в заголовок доклада

Д.М. Соколовой: «Общество знания в XXI веке: реальность или утопия?» Компаративистский анализ реальных тенденций социального развития и того образа общества будущего, который создается коллективными усилиями футурологов и пиар-менеджеров, позволяет сделать вывод о том, что общество знаний является социальной утопией, воплощение которой на практике является делом весьма отдаленного будущего. Кроме того, необходимо учитывать социальные и психологические трудности, возникающие в процессе становления общества знаний, в повседневном существовании человека. Доклад А.Р. Лилухиной подробнее осветил тот психологический груз, с которым имеет дело человек в условиях интенсифицирующихся потоков информации, а также вывел данную проблему в праксиологическую плоскость, осветив потенциал арт-терапии в процессе борьбы с психологическими рисками.

Учитывая невозможность в кратком обзоре осветить все озвученные на конференции доклады, хочется остановиться на некоторых центральных идеях, которые в различных ракурсах рассматривались молодыми учеными на секциях.

В первой секции «*Научные парадигмы XXI века*» основной темой для обсуждения стали онтологические и гносеологические предпосылки статуса знания в новой социальной реальности. Во-первых, несколько докладов были посвящены синергетической парадигме гуманитарного знания, что продемонстрировало значимость подобной проблематики и ее эвристический потенциал в решении базовых вопросов общества знаний. Во-вторых, доклады молодых ученых, в частности, К.С. Щедрина и Д.П. Суровягина, затронули проблемы переосмысления классического философского наследия с позиций современных дискурсивных сдвигов.

Секция «*Становление общества знаний в России*» в процессе работы вышла за пределы своего названия, сосредоточившись не только на особенностях развития общества знаний в России, но и на социально-философских контурах нового миропорядка. Оттолкнувшись от углубленного изучения отдельных аспектов утопического мировоз-

зрения (Т.В. Павлова, В.С. Ерохин), участники секции концептуализировали ряд основных вопросов, которые должны стать предметом углубленного изучения в обществе знаний: стратегии и тактика власти, роль техники и технологий в становлении новых постгуманистических ценностей, особенности трансляции социальной памяти, роль элит в становлении нового типа общественного устройства.

Крайне интересный аспект исследования общества знаний был затронут в секции «*Актуальные проблемы религиоведения и философии религии*». Часть докладов были посвящены крупнейшим персоналиям религиозно-философской мысли (Н. Бердяеву, В. Соловьеву, П. Тиллиху), раскрывая малоизвестные или незаслуженно забытые аспекты их концепций, в то время как другие молодые ученые продемонстрировали хорошее владение методологическим инструментарием в рассмотрении религиозных аспектов современного бытия человека. Сразу несколько докладчиков (А.Р. Нурмагомедова, Л.Р. Тимербулатова) сосредоточились на рассмотрении отдельных элементов исламской культуры, постаравшись выявить, что особенно важно, не конфессиональное, а научное содержание рассматриваемых вопросов.

Месту искусства и культуры в изменяющейся социальной реальности была посвящена секция «*Культура в обществе знания*». С точки зрения участников, среди которых были молодые ученые Саратовского государственного аграрного университета, ключевыми стратегиями развития культуры в обществе знаний должны стать медиатизация и семиотизация. Немалый интерес вызвало обращение А.А. Алексеенко и Е.П. Голытьбиной к экономическому аспекту функционирования культуры в складывающемся обществе знаний.

Психологические науки были представлены в рамках конференции тремя секциями, и в первой из них – «*Проблемы самосознания и адаптационных механизмов в решении вопросов психического здоровья*» – рассматривались проблемы социально-психологической адаптации к современным условиям человеческого существования, а также механизмы формирования доверия к медицине.

Секция «Психологическое обеспечение прикладных исследований в юридической психологии» осветила круг вопросов, которые связаны с применением психологических методов в юридической практике. Особый интерес участники секции проявили к созданию психологических портретов отдельных категорий преступников – женщин, подростков, спортсменов и т.д. Следует отметить, что на секции завязался диалог между студентами классического университета и молодыми специалистами из Саратовской государственной академии права, которые привнесли в атмосферу научной конференции оттенок прикладных исследований. Эта тенденция оказалась еще более отчетливо выраженной в докладах на секции «Прикладная психология», которая аккумулировала целый ряд крайне интересных идей. Каждая

из них заслуживала отдельного обсуждения, так что только регламент конференции заставил снизить уровень полемического накала участников. Палитра выступлений была чрезвычайно разнообразной – от психологии религиозной аскезы до особенностей восприятия денег, что в очередной раз подтверждает обоснованность претензий психологии на одно из ведущих мест в комплексе социально-гуманитарных знаний.

В заключение хочется отметить, что высказанные в рамках конференции мысли и идеи не осядут «мертвым грузом» в библиотечных запасниках, а станут стимулом для дальнейшего развития социальных и гуманитарных знаний, позволяющим решить многие проблемы и открыть новые перспективы исследований.

Д.А. Аникин

V Российские аскинские чтения «Жизненный мир человека в эпоху глобализации»

20 октября 2009 года на факультете философии и психологии Саратовского государственного университета состоялись V Российские аскинские чтения, посвященные памяти доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля Российской Федерации, почетного профессора СГУ Якова Фомича Аскина, внесшего значительный вклад в развитие философии в Поволжском регионе. Профессор Я.Ф. Аскин – автор фундаментальных работ по философским проблемам времени, детерминизма, творчества, заслужил высокое признание философской общности России, его труды опубликованы на английском, французском, испанском языках. Усилиями философа в Саратове создана философская школа, продолжают разрабатываться методологические вопросы современной науки.

В работе конференции приняли участие представители философской общности вузов Саратова, Пензы, Самары.

На пленарном заседании с приветствиями к участникам чтений обратились председатель Саратовского регионального отделе-

ния Российского философского общества профессор *В.Б. Устьянцев*, декан социологического факультета СГУ профессор *Г.В. Дыльнов*, доцент кафедры теоретической и социальной философии *Р.Д. Клочковская*, директор Саратовского академического театра юного зрителя, заслуженный работник культуры *В.Н. Райков*, художественный руководитель ТЮЗа, народный артист России *Ю.П. Ошеров*.

С докладами на пленарном заседании выступили: доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии, проректор Саратовской государственной академии права *А.И. Демидов*; доктор философских наук, профессор, декан факультета повышения квалификации Института дополнительного профессионального образования СГУ *В.П. Барышков*; доктор философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета *С.В. Тихонова*; кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Саратовского государственного университета *В.Г. Косыхин*.

А.И. Демидов в своем докладе «Глобальные риски и изменение пространственно-временного континуума политики» отметил, что категория политического пространства отражает неоднородность ролей, позиций участников политических отношений, использование ими различного потенциала властных полномочий. Глобализация существенным образом меняет сложившиеся параметры политического пространства, создает его новую модификацию. Она умножает количество политических субъектов, воздействует на изменение их статуса и потенциала. Структура, формат силовых полей в обществе становятся подвижными, что приводит к дисперсии, мультипликации политического пространства.

Характеризуя современную политическую ситуацию, А.И. Демидов указал на новизну и необычность тех рисков, с которыми встречается глобальная цивилизация, на необходимость выработки совершенно новых решений и поисков новых путей развития. Мы являемся свидетелями того, как происходит преобразование сущностных форм власти, она становится децентрализованной и анонимной. Все большее значение приобретают разнообразные управленческие, политические, информационные сети. Сеть как форма децентрализованной упорядоченности реализует потребность управления и согласования интересов в условиях новой информационной и коммуникационной среды. Политика из системы авторитарного распределения ценностей превращается в систему обмена ресурсами, прежде всего, информационными. Радикальное увеличение скорости информационных потоков, системность, связанность, целостность информационной среды имеет своим последствием «сжатие» политического пространства и времени, когда большинство политических событий и процессов перемещается в «режим реального времени», т.е. в настоящее. Вследствие таких преобразований политические процессы приобретают необычную скоротечность, политика нацеливается на решение актуальных проблем.

В.П. Барышков в докладе «Глобальное сознание в глобальном мире: метаморфозы и метафоры» указал, что глобальные проблемы образуют одну метаглобальную проблему выживания человечества в усложнившихся

внешнеприродных и внутрикультурных условиях его существования. Развитие человечества есть глобальный процесс, а выживание его в современных условиях – глобальная проблема. Она составляет этап развития глобального процесса, связанный с конкретными задачами сегодняшнего дня и будущим. Глобализация – это перестройка мирового порядка на основе глобальных процессов.

Глобальное сознание проявляется как:

1) характер и уровень саморефлексии глобальных процессов в устремленности этой рефлексии к планетарным масштабам. Глобальные проблемы – это осознанные и требующие своего разрешения острые противоречия между необходимостью развития человечества и условиями такого развития. К настоящему времени эти противоречия достигли предельных (планетарных, всемирных) масштабов (по некоторым оценкам – предельных) и крайней степени остроты (угроза выживанию человечества) и настоятельно стали требовать разрешения;

2) стороны глобальных противоречий, их направление. Современные достижения в сфере духовной жизни не могут быть сформулированы в терминах технических систем и уже поэтому чужды глобализации. При этом одновременно с кризисом гуманитарных идей будут ставиться под сомнение традиционные понятия смысла жизни, духовных ценностей и веры. Подобные понятия подвергнутся переосмыслению и деформации, точнее – их трансформация и утрата уже сейчас стали «глобальными» проблемами практически во всех странах мира. При этом ранее существовавшая культура, которая, по сути, манифестируется и существует в рамках коммуникативных процессов, постепенно утрачивается и замещается символическим отражением объективной и виртуальной реальности;

3) составляющая глобальных проблем не только в форме знания, но и в форме действия. Не исключено, что поиск ощущений и удовольствий как заместителей утраченного смысла имеет асоциальный характер, а также приводит к развитию так называемых «экстремальных» видов «отдыха» и «развлечений». Все еще трудно представимые для большинства населения планеты высокие

технологии (High-Tech) – уже отчасти вчерашний день. «Передний край» наступающей глобализации последовательно смещается в область нейрокомпьютерной и генной инженерии;

4) объект воздействия в глобальном мире. Подойдя к некоторому пределу использования ресурсов природного мира, человечество обратилось к ментальным ресурсам, заключенным в человеке и его информационных возможностях. При этом целью современных разработок является не столько познание этих возможностей, сколько создание методов и технологий воздействия на них с целью получения прибыли.

С.В. Тихонова в докладе «*Философские горизонты глобализации*» характеризует глобализацию как одну из ключевых тем социальной философии последних десятилетий. Её сформировавшаяся теория предложила новый вариант многих фундаментальных проблем: это и направление исторического процесса, и статус социальных субъектов, и природа общественных отношений. Первые теоретические модели глобализации сформировались на рубеже 1980–90-х гг. Мир-системный анализ И. Уоллерстайна, модернизационная теория Л. Склэра, социокультурная концепция Р. Робертсона, детерриториализационная концепция А. Аппадурай и др. представили глобализацию как процесс формирования иерархического транснационального символического пространства.

Теория глобализации опровергла гипотезу о том, что все социальные действия происходят в одном всеохватывающем пространстве – пространстве мировой капиталистической системы. Различные типы социальных пространств в настоящее время сосуществуют друг с другом, но это сосуществование никак нельзя назвать мирным, столько назревающих противоречий и латентных конфликтов скрыто в нем (появление новой социальной стратификации – возникновение класса глобальных богатых и локальных бедных, глобальная экологическая угроза, новая власть глобальной виртуальной индустрии, заполняющая локальные формы жизни «образцами», фабрикуемыми за пределами конкретного социального существования, автоматизация труда, порождающая безработицу, появление класса лю-

дей, которые не могут быть востребованы современным обществом в силу образовательного ценза и ценза интеллектуальных способностей).

Исследование нового социального порядка открывает перед философией новые горизонты. Во-первых, это – проблема единства человечества. Локальные сообщества вписаны в логику глобализации, изолированность превращается в миф. Все человеческие сообщества взаимозависимы. Во-вторых, планетарная система масс-медиа трансформируется в жизненную среду человека через расширение интернет-пространства. Виртуальная реальность становится сетевой, дополняя и углубляя «традиционную» социальную коммуникацию. В-третьих, жизненное пространство технизируется в интенсивном направлении, объектом становится сам человек. Приближается эра трансгуманизма – целенаправленного фундаментального расширения человеческих возможностей за счет внедрения био- и информационных технологий, преодолевающих традиционные для человеческой природы ограничения. Таковы ближайшие перспективы постановки философских вопросов о человеке и обществе.

В.Г. Косыхин в докладе «*Герменевтика жизненного мира и современная философия*» отмечает, что понятие «жизненного мира», традиционно тематизируемое в рамках гуссерлевской феноменологии, нуждается в определенном переосмыслении со стороны современной философии. В рамках феноменологического способа рассмотрения жизненный мир является более поздним аналогом естественной установки сознания и, как таковой, является результатом редукции. Из этого мира редуцируются или выводятся знания «объективистских наук», будь то естественные или науки о духе, а также те философские учения, что имеют дело с трансцендентными сущностями (неважно, относятся ли они к материализму или идеализму).

Но можем ли мы сейчас представить себе жизненный мир без определенного отношения ко всей вышеуказанной проблематике? С точки зрения *В.Г. Косыхина*, предпочтительней попытаться структурно проанализировать жизненный мир философа, исходя из четырех понятий, содержащихся в феноменологическом проекте Гуссерля, из-

бегая, по возможности и принципиально, феноменологического редукционизма. Предлагаемые понятия – *созерцание*, *идеальность*, *горизонт* и *созидание* – могут быть поняты как некая структурная матрица жизненного мира уже не столько в гуссерлевском, сколько в более широком феноменолого-герменевтическом контексте.

В мире *созерцания* есть свое *что*. Действительно, *что* созерцает философ? Отвлекаясь от содержательной стороны вопроса, поскольку содержательное наполнение философских созерцаний разное, иначе не было бы различия в философиях, отметим аспект формальной общности: эти созерцания охватывают сферу *значения*, они *идеальны*. Отношение к идеальности требует наличия определенного *горизонта*. Подобный горизонт, по сути дела, является горизонтом созерцания, которое также является не поддающимся объективации условием любого объективирования. Напомним, что точно таким же

качеством обладает у Гуссерля жизненный мир, обладающий принципиальной горизонтной открытостью.

Жизненный мир философа не просто дан как нечто завершенное, но постоянно находится в ситуации *созидания*, это мир движущихся интеллектуальных конструкций, и в этом движении – живой. Сущность и цель философской жизни, однако, вовсе не сводится к простому пребыванию в до-научном или околонаучном жизненном мире, поскольку философ имеет дело с познанием, и его жизненный мир определяется подобным познавательным проектом. Философ постоянно соотносит себя со сферой идеального, сферой смысла, выступая своего рода соучастником события вечного возвращения философии к тому же: философия оказывается приключением познания в жизненном мире, который, как это ни парадоксально, обращивается миром созерцания, где мышление и жизнь есть одно целое.

В.Б. Устьянцев, В.Г. Косыхин

ОСНОВОПОЛОЖНИК САРАТОВСКОЙ ШКОЛЫ ПЕДАГОГИКИ (к 110-летию со дня рождения Н.Н. Студенцова)

Имя доктора педагогических наук, профессора Николая Николаевича Студенцова известно широкому кругу учителей и ученых в нашей стране и за рубежом.

Крупный ученый в области педагогики и методики преподавания географии Н.Н. Студенцов проработал в СГУ 25 лет, внес большой вклад в развитие педагогической науки, в подготовку учительских кадров. Он плодотворно совмещал свою научную и учебно-методическую работу, опубликовал большое количество книг, пособий, научных статей. Книги Н.Н. Студенцова «Занимательная география» и «Методика обучения географии в средней школе» пользовались большим спросом у учителей и неоднократно поощрялись дипломами всесоюзных конкурсов.

Н.Н. Студенцов родился 4 июня 1900 г. в г. Павловске Воронежской области. Университетское образование Николай Николаевич получил в г. Ленинграде, окончив в 1924 г. правовое отделение факультета общественных наук. В 1937 г. он заканчивает географическое отделение Учительского института при СГУ.

С 1945 по 1953 г. Н.Н. Студенцов работал методистом, заместителем директора Саратовского областного Института усовершенствования учителей.

В кандидатской диссертации, которую Н.Н. Студенцов защитил в 1948 г., разработана методика наглядного обучения географии.

С 1955 г. Николай Николаевич стал работать в нашем университете. Предметом его научного интереса были проблемы методики обучения географии: как сделать, чтобы обучение географии было наиболее эффективным, само учение ребят – увлекательным, содержательным и доступным.

Эрудиция и многогранный талант Н.Н. Студенцова проявились в исследовании вопроса повышения научного уровня преподавания географии в школе. Монография «Урок географии в школе» и по сей день является одной из настольных книг учителей-географов.

Николай Николаевич вел исследования по теоретическим основам школьной географии. Результаты этой работы отражены в монографии «Теоретические основы школьного страноведения» и в одной из глав книги «Методика обучения географии». Вместе с другими авторами, создателями этой книги, Н.Н. Студенцов стал лауреатом премии АПН СССР.

Николай Николаевич стремился раскрыть основы построения школьного курса географии с научной точки зрения, но, пожалуй, самая главная практическая ценность его исследований заключается в формулировке и научном обосновании основных положений школьной географии, которые действуют и поныне, в предложениях, сделанных им по усовершенствованию этого учебного предмета.

Обобщенные результаты многолетнего кропотливого исследования были положены в основу докторской диссертации Николая Николаевича, блистательно защищенной им в 1964 г. в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена.

Более 80 работ опубликовано учителем, ученым, педагогом.

Николай Николаевич много и плодотворно работал со студентами, привлекая их к научно-исследовательской работе. 50 лет своей жизни он посвятил педагогической деятельности.

Отметим, что неоднократно Николай Николаевич поощрялся различными знаками отличия, грамотами, званиями. Он был участником Великой Отечественной войны, имел боевые награды. В 1949 г. за свой самоотверженный труд он был награжден знаком «Отличник народного просвещения».

За несколько дней до своего 90-летия Н.Н. Студенцов выступал в СГУ с интересным докладом на тему «Две загадки Саратова». Его статью приняли в Издательстве СГУ, а позднее под таким названием вышло его историко-педагогическое пособие.

С особой благодарностью коллективы кафедры педагогики и кафедры психологии помнят и чтят заветы этого скромного человека и известного ученого. Завидное трудолюбие, неутомимость исследователя, творческое горение – вот что передал нам, потомкам, Николай Николаевич Студенцов.

Ученики Н.Н. Студенцова
Г.Д. Турчин, А.З. Гусейнов